

АНДРЕЙ КРУЗ, МАРИЯ КРУЗ

Земля лишних

Москва, 2013

АНДРЕЙ КРУЗ, МАРИЯ КРУЗ

Трилогия
в одном
томе

- Исход •
- Новая жизнь •
- За други своя •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К84

Серия основана в 2005 году
Выпуск 97

Художник
М. Поповский

Круз А., Круз М.

К84 Земля лишних: Исход; Новая жизнь; За други своя/ После-
слесл. К. Савельева.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2013.— 1055 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0670-8

Бывает так, что, когда привычная жизнь рушится, неожиданно появляется не только выход из ситуации, но за этим выходом — целый новый мир. И в нем человек может найти новый смысл своей жизни, новых друзей и даже любовь, хотя за все это ему придется драться. Против новых врагов и против старых. Каждый шаг — это очередной выбор, и каждый выбор может оказаться последним. И только твоя честь подскажет тебе, какой выбор правильный.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0670-8

© Андрей Круз, Мария Круз, 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

• Исход •

Москва. 14 июня 2005 года, 16:53

Звонок мобильного был отключен, и аппарат запульсировал в нагрудном кармане моего пиджака в приступе вибрации, как попавший в паутину шмель. Чертыхнувшись, я выловил его оттуда, посмотрел на засветившийся экранчик, где мигала надпись «Zimin». Ага, давно не виделись, прямо соскучиться успел. Я ткнул большим пальцем в кнопочку приема и поднес телефон к уху:

— Слушаю вас, Леонид Сергеевич.

Голос мой прозвучал не то чтобы очень вежливо — скорее напротив. Для вежливости поводов не было.

— Андрей Алексеевич, вы уже далеко отъехали? — донеслось из трубки.

— Нет, еще недалеко. А что? — слегка настороженно ответил я.

Продолжать процесс общения никак не хотелось. А ему, кажется, наоборот:

— Мы с вами сейчас могли бы снова встретиться?

Выматериться мне удалось совершенно беззвучно, и при этом я даже удержался, чтобы конкретно не послать собеседника по известному адресу. Выдержка!

— А мы недостаточно еще навстречались? — осторожно спросил я, переведа дух.— На мой взгляд, так на год вперед хватило общения.

Пообщались мы сегодня действительно здорово, причем совсем недавно. Только что, если уж быть точным. Общались не только с самим Зиминым, а с пришедшими с ним каким-то до невероятности молодым и мутным «важняком» из Центрального следственного управления, имени которого я так и не запомнил, и молодым мордатым юристом Федей, много хамившим и изображавшим из себя то ли генерального прокурора, то ли вора в законе. Разговор часто переходил на повышенные тона, Зимин тихо посмеивался и пытался навести порядок за столом, потому что юрист Федя, чувствуя себя в безопасности за двумя ментами, много кричал, угрожал, в конце концов сведа и без того непростой разговор к собственному бенефису. Стороны макси-

мально откровенно обменялись мнениями друг о друге и разошлись в крайне озлобленном состоянии.

— Андрей Алексеевич, вы меня правильно поймите.— Тон Зимина был скорее извиняющимся.— Наш недавний разговор состоялся вообще и именно таким образом потому, что меня уполномочили организовать встречу представителей вашего кредитора и вас...

— А «важняк» кого представлял? — перебил я.

— «Важняк» был для важности, простите за каламбур,— усмехнулся Зимин.— Люди думают, что позвали «важняка», покричали как Федор — и деньги сами к ним пришли. Решили вопрос — что захотели, то поимели. Хотя таких, как Федор, все же к разговорам пускать нельзя. Молодой, глупый, понтов много. Я с вами немножко о другом хотел поговорить, менее... хм... портящем настроение. Найдете время для разговора наедине?

Ехал я домой, никаких больше планов не было. И что такое интересное может Зимин со мной обсуждать? С одной стороны, все его предложения послать хочется, но фактор любопытства... Однако я сделал вид, что задумался, и спросил в свою очередь:

— В часок уложимся?

— Думаю, что уложимся,— подтвердил он.— Собственно, у меня к вам предложение некое. Не понравится — то можем и в пять минут уложиться, понравится — сами решите, сколько посидим. Вы сейчас где территориально?

— На Маяковке, только что из тоннеля выехал в сторону Смоленской.

— Вы знаете пивную «Жигули» на Новом Арбате? Вы пиво пьете?

— Кто же не знает? — вздохнул я.— И кто пива не пьет?

Не лучший собутыльник, но все же... И до дома недалеко.

— Сможете через пятнадцать минут быть там, во втором зале? — спросил Зимин.

— Если у них места на парковке есть — то смогу,— прикинул я.— В крайнем случае через двадцать.

— Я вас там ждать буду, слева от входа в зал, за одним из столиков. Увидите.

Я надавил на газ, выскочил в левый ряд и погнал в сторону Смоленской, на разворот. Потолкался на светофорах, пропетлял по арбатским переулкам. Места на «жигулевской» парковке были, прямо возле входа. Я сунул купюру в руку парнишке в черной форме, взял портфель с заднего сиденья и вошел в ресторан, мимо фотографии Леонида Ильича со товарищи, пьющими водку на охоте, и мимо гардероба.

Зимин, крепкий мужчина лет пятидесяти, с загорелым лицом и волосами, лишь немного тронутыми сединой, в белой рубашке и легких

брюках, сидел за дальним столиком у стены в ближайшем от входа отсеке. Было еще рано, поэтому малоллюдно. Я подошел к столику.

— Присаживайтесь, Андрей Алексеевич,— сделал он приглашающий жест.— Я пива попросил, и к пиву чего-нибудь сообщить. Будете?

Я поставил портфель на стул, сам сел на соседний, расстегнул пиджак, повесил его на спинку стула, затем ослабил галстук. Жарко на улице, лето в Москве — отдельная история.

— Отчего не быть? Буду обязательно.

— Вот и хорошо,— кивнул он.

Как раз подошел официант, поставил на стол запотевший кувшин с пивом, тарелки с закусками, положил два меню. Зимин быстро и ловко налил пиво в кружки, поднял свою в приветственном жесте, кивнул мне — и выпил ее на треть буквально в два глотка.

Я тоже отпил холодного пива, поставил кружку на стол, всем своим видом показывая, что готов слушать.

— Мне надо поговорить с вами, Андрей Алексеевич,— заявил Зимин.— Без Федоров и прочих.

— Ну вот мы сейчас без прочих Федоров вроде,— обвел я рукой окружающую действительность.— Давайте поговорим.

Зимин еще хлебнул из кружки, затем сказал:

— Значит, так... я для начала попробую обрисовать ситуацию так, как я ее вижу. Может, я чего в ней и не понимаю, могу ведь и ошибаться, но определенное мнение у меня сложилось. Положение у вас сейчас почти безвыходное.

— Полагаете? — с некоторой иронией спросил я.

Это он или очень наивный, или неискренний. Другое дело, что выходы несколько радикальные...

— Полагаю,— подтвердил он.— Выход есть всегда, разумеется, я поэтому и сказал «почти», но вот именно хорошего выхода из ситуации нет — мирного, любовного, вы уж моему опыту поверьте. Все же я в милиции двадцать четыре года проработал, и в адвокатах уже три года. Другое дело, что я почти уверен, что кредиторы ваши с вас и рубля не получают. Хотя дело ваше подгребут наверняка, а вас из него вытолкнут.

— Почему вы так думаете?

С последним утверждением я, пожалуй, был согласен, все к тому и шло. Но уточнить не грех.

— А я таких людей, как вы, хорошо знаю,— усмехнулся собеседник.— Или за границу рванете, или станете опасно агрессивным, или еще что-то отчудите.

— Я что — бандит, по-вашему? — спросил я, подумав, что не может быть такого, что Зимин вытащил меня на разговор лишь для того, чтобы я разболтал ему свои планы на будущее. Хотя, надо отдать дол-

жное, он почти угадал. Просто сдаваться я не собирался и варианты уже прикидывал разные. В том числе и с печальными последствиями для противника.

— Нет, не бандит,— усмехнулся Зимин.— Вы вполне уверенный в себе сорокалетний мужик, далеко уже не мальчик, у которого хватает и ума, и здоровья для того, чтобы не давать плясать у себя на голове фокстрот. Даже если бы у вас сейчас были те деньги, которые с вас тянут, вы бы их все равно не отдали, потому что долг ваш, тут ежу понятно — искусственного происхождения. К тому же вы не обременены семьей, а компания ваша уже развалилась, так что на самом деле вас ничто не сдерживает. А кредиторы, или, как стало модно говорить — рейдеры, этого еще не поняли. Они делают сейчас глупость из глупостей — загоняют в угол и еще злят. Можно сильно пострадать.

— А что же вы так радеете за его выплату, если долг полагаете искусственным? — продолжал я выспрашивать.

— Что я говорю там, с теми людьми, и что говорю здесь — две большие разницы, как говорят в Одессе,— ответил Зимин, нимало не смущаясь моим ехидством.— Я наемный работник, агент. Там я на них работаю, потому что они меня наняли, и поэтому вынужден «радеть», как вы выразились.

Он еще раз с видимым удовольствием приложился к кружке, продолжил:

— Здесь, сейчас, за этим самым столом, я работаю на других людей, которым разборки между коррумпированным префектом, его зятем — бывшим прокурорским, дружкой — начальником БЭПа, всеми прочими и вами — в общем-то до лампочки. Да и вы здесь не без греха.

— Конкретней насчет грехов, пожалуйста.

Не люблю я облыжных обвинений, даже если на самом деле они правдивы. А кто у нас не без греха? Пусть тот и бросается камнями в кого ни попадя. А раз сказал «А», то говори уже и «Б».

— Захотелось вам перейти на качественно иной уровень, ввязались в авантюру, если честно,— сказал он, откинувшись на спинку стула и глядя мне прямо в глаза.— А на этом уровне другие правила, и тот, кто туда идет, должен иметь серьезную защиту и покровительство, чтобы его не съели. А вы пошли — и попали в заранее подготовленную ловушку. Ее же не специально для вас придумали, она там всегда стоит. Как капкан на тропе.— Зимин изобразил руками нечто, подобное смыкающимся челюстям.

Ну в этом он прав, предположим. Я в какой-то момент сам почувствовал, что успех в деле начал привлекать излишек внимания. Хотя бы всевозможные проверки вдруг зачастили без всякого видимого повода.

— Кто попал в него, тот и добыча,— продолжал Зимин.— И что в итоге? Вы своими деньгами оплатили проект и участок, так называе-

мые инвесторы — мало того что отмыли краденое и взяточное, но еще и вас же обокрали, и вы же им еще должны остались. Деньги же прошли по кругу: они вам правой рукой дали, а вы им в левую заплатили. Их деньги вернули, да еще своих добавили. Неужели непонятно?

— Это понятно,— кивнул я.— Но понятно становится потом. Когда схема на поверхность лезет.

— А чтобы было сразу ясно, надо в такие дела под прикрытием ходить или хотя бы справки наводить всерьез, с кем дело имеете,— жестко сказал он.— А вы почти на авось. И на крючке оказались. А чтобы вы не дергались, вам сразу и дело уголовное, и проверки, и надо будет — и еще дело откроют, и еще. Отбивайтесь на здоровье, проводите время с пользой. Ни на что другое у вас его теперь не остается.

— Похоже на правду,— оставалось мне согласиться.

Точнее нынешнюю ситуацию и не опишешь. Сам дурак, захотел выше головы попрыгать, а соломка не постелена. И упал больно.

— Естественно, потому что так и есть на самом деле,— добил он меня.— Жадные они, хотят все иметь. А вы ничего не докажете, нигде. По документам вы не правы. Местами...— он поморщился, покрутил руками,— сомнительно, местами натянуто, но наше следствие и суд вы знаете, они глазки закроют, где нужно. И закончится по-любому плохо. Или они вас до тюрьмы доведут, или вам придется в другой стране с нуля начинать, или доведут до ручки, и вы на себя грех возьмете. Плохо все закончится.

— Почему?

Я понял, что он имеет в виду, но хотел, чтобы он сказал это сам.

— Мой опыт так подсказывает,— дипломатично ответил собеседник.— А еще опыт мне подсказывает, что в строительном бизнесе вы не совсем на своем месте. Здесь надо быть крученым, с гибким позвоночником, с кем надо — вежливым. В Москве строите, а здесь начальников — ух сколько! А вы? То правду-матку в глаза, то большого начальника к бениной маме посылаете. Потом начальник вам в отместку налоговую насылает... видите, как выходит? Давайте по глоточку, а потом я дальше вас порочить буду.

Я усмехнулся, мы чокнулись кружками.

— За горькую правду! — произнес я актуальный тост.

— Ага, именно,— кивнул Зимин, опустошив кружку до дна.— Да и живете вы все последние годы так, как будто это все временное. Ни семьи не завели, все сменяющиеся какие-то дамы, ни даже круга друзей из преуспевающего богатого окружения. Друзья-то все ваши из прошлого — армия, институт. Как будто не нравится вам настоящее ваше, нет в нем никого, с кем стоит дружить.

Опять подошел официант, спросил:

— Выбрали что-нибудь?

Я заказал у него картофельные зразы, Зимин — мясо. Официант ушел, я спросил у Зимина:

— Покопались в моей жизни немножко?

— Покопался,— кивнул он.— Вам бы тоже такую привычку полезно иметь. Если бы вы покопались в прошлом вашего инвестора, то узнали бы, кто он, поняли, что не стоит с ним связываться. И в такую ситуацию не попали бы наверняка. Они-то не впервые такой трюк проворачивали. Не зная броду... помните пословицу?

— Помню,— ответил я лаконично.

Что есть, то есть, надо бы заранее думать, чем потом так, как сейчас...

— Последние годы вы работали вполне успешно,— продолжал между тем Зимин.— Звезд с неба, может, и не хватало, но для человека с улицы, не зятя премьера или, скажем, не бойфренда президентской дочки — вполне успешно. По странам разным поболтались, тут заработали, там заработали, потом в Москве дело начали, тоже все в порядке было. Но при этом вы только недавно своей квартирой обзавелись, до этого все в съемных проживали. К светской жизни никаким боком. Максимка-то, зять префектовский, из клубов не вылезает, наслаждается жизнью. А вы как будто другой жизни ждете. Кстати, а зачем вы страны проживания столько раз меняли?

— Новая страна — новая жизнь,— ответил я, пожав плечами.— Я их как будто уже несколько прожил. А вы, кстати, психоаналитиком по совместительству не работали?

Зимин хмыкнул:

— Я не работаю, но с психоаналитиком вы уже пообщались.

— Это где же? — удивился я.

— А мужичка командировочного из Питера не помните? Почти напротив, в пабе «Молли Гвинз»? Тот, который почти случайно к вам за столик подсел? Вспоминаете?

— Ах во-о-от как! — протянул я.— Получается, что вы уже с месяцем вокруг меня хороводы водите?

— Даже немножко больше,— ответил Зимин, подумав секунду.— Почти полтора.

— И зачем это вам? — насторожился я.

— Предложение некое вам сделать. Давайте налью еще — и расскажу.

Зимин опять аккуратно, без пены, наполнил кружки пивом, поднял свою со стола и сделал ею приветственный жест в мою сторону:

— Давайте, будем здоровы.

Я молча кивнул и отпил из кружки.

— Значит, для начала я кратенько оглашу мнение Семена Борисовича, психоаналитика нашего питерского. Интересно?

— Он и вправду из Питера? — уточнил я.

— Правда, — подтвердил Зимин. — Решили не рисковать, из другого города человека позвали. Вы внимательный, питерское произношение от московского отличите. Да еще и «бордюры-поребрики», «подвезды-парадные»... москвич мог бы проколоться. А нужно было, чтобы вы поверили, что человек приезжий, через пару часов навсегда исчезнет с вашего горизонта.

Я хорошо помнил питерского Семена Борисовича, интеллигентного мужичка в очках и с густыми усами, который должен был кого-то встретить в английском пабе на Новом Арбате, но не встретил, и кому надо было провести пару часов до отъезда на вокзал. Он легко вызвал на разговор меня, сидевшего после очередного визита очередной проверки в поганейшем настроении и зашедшего перекусить и выпить туда, куда я всегда хожу обедать. И этому незнакомому человеку я выложил многое такое, чего никогда не рассказал бы никому из знакомых. Так бывают откровенны соседи по купе в поездах дальнего следования, которые живут вместе в замкнутом пространстве, что располагает к открытости, но поезд приходит на станцию, они прощаются и расходятся, чтобы уже никогда не увидеться.

— И сказал наш многомудрый Семен Борисович, что вы — человек, этому миру не принадлежащий. Каково, а? — Зимин даже паузу выдержал, чтобы убедиться во впечатлении. — Сосед вы просто с этим миром, Андрей Алексеевич. Вот зачем вы, например, каждые выходные носитесь на стрельбище? Тратите при этом немалые деньги на патроны, стреляете часами из всего. Зачем?

— Ну мало ли? — пожал я плечами. — Разные проблемы в жизни случаются.

— Андрей Алексеевич, — засмеялся Зимин. — Даже если вы ваших жуликоватых кредиторов все же решите перестрелять, вам такое умение вовсе не нужно, хватит и гораздо меньшего. О вас на стрельбище чуть не легенды слагают, даже проверяли вас тайно люди из органов — не террорист ли, часом? К тому же проблемам вашим с полгода всего, а вы в Кубинке лет пять уже как пропадаете.

— Вы в курсе, что я раньше пулевой стрельбой занимался, первый разряд имел? — спросил я.

— Знаю, — ответил Зимин. — И знаю, что в Афганистане были снайпером. Не Зайцевым, конечно, но две награды имеете. И все же?

Я пожал плечами. Зачем все во всем ищут какую-то причину? Попробую объяснить:

— Мне просто стрелять нравится. Соревнование с самим собой. Как гольф, например. Или даже бильярд. Вчера так, а сегодня лучше — нет предела совершенству. И способ отвлечься от забот прекрасный.

— Возможно,— согласился Зимин.— Но вот Семен Борисович утверждает, что вы мечтаете о другой жизни — и подсознательно себя к этому готовите, на всякий случай. Что вам на Диком Западе самое место, там бы вы были как рыба в воде. Надеяться только на себя и свой «кольт», мало людей, много земли, кругом опасность, индейцы всякие с бизонами, новые земли...

— Неплохо было бы, но я все же немножко реалист,— пожал я плечами на такое заявление.— По крайней мере надеюсь, что еще остаюсь таковым.

— Еще скажу кое-что, только вы мне сразу морду не бейте,— сдержанно улыбнулся он.— Обещаете?

Не люблю обещать ничего втемную, но любопытно. В конце концов, про обещание и забыть можно — тоже способ.

— Хорошо, обещаю,— кивнул я.

— Я у вас в квартире был, вместе с Семеном Борисовичем,— сказал Зимин и замолчал.

— Вот как даже? — помолчал я, глядя на него.— Хорошо, про морду я обещал.

— Вы худого не подумайте, компромат, деньги или ценности мы у вас не искали,— поднял он руки в жесте «сдаюсь».— Даже не копались нигде. Зашли, посмотрели и вышли, ничего не трогали. Посмотрели просто книги на полках, диски с фильмами, обстановку.

— И?..— подтолкнул я его к продолжению.

Пусть уж выскажется, надоел со своими драматическими паузами.

— Семен Борисович укрепился в своем мнении,— высказался Зимин.— Человек с деньгами, а мебель по минимуму, из «Икеа», сам привез, сам собрал. Причем подбор такой: удобно смотреть кино, сидеть за компьютером, слушать музыку и спать с женщиной. И все. Ни попыток произвести впечатление, ни приемы светские устраивать. Да и размер квартиры не для приемов... место хорошее, но квартира на одного, без перспектив увеличения численности населения. Пусть и не маломерка, но и не большая. Не хоромы.

Довольно точное описание, по-другому и не скажешь.

— Скорее берлога,— усмехнулся я.— И самому убирать недолго.

— А приходящая горничная? Недорого для вас ведь, по недавним временам? — задал он вопрос.

— Не люблю посторонних дома. Берлога все же.

— Именно! — Он даже ладонью по столу пристукнул.— Машина у вас какая? «Форестер» с турбиной?

— Он самый. Два с половиной литра.

Зимин замолчал — к столу подошел официант с подносом. Молча расставил тарелки, затем пожелал приятного аппетита и удалился. Зимин окликнул его:

— Нам пивка еще кувшинчик!

Официант кивнул, пошел в сторону бара.

— Так вот, о машине... Люди с вашими средствами ездят на машине подороже, посолидней. Чтобы доказать ею что-то окружающим. А у вас другое — быстрая и на все случаи жизни. Не дешевая, но и не дорогая. И в грязь, и в снег, на работу и на рыбалку. Тоже похоже, что машина «на всякий случай», как и стрельба ваша в Кубинке. Единственное, что удивило лично меня, не вписалось, — костюмы у вас дорогие. Пошиты в Лондоне, настоящими портными, на какой-то там улице, забыл на какой...

— Сэвилл-Роу.

— Да, да, — закивал он. — На этой самой. Но наш психоаналитик сказал, что это от желания добротности и качества, причем не только в своем внешнем виде. Было бы напояк — вы бы «Армани» носили. А так вы просто обстоятельный — очень распространенная черта для стрелков, с его слов. Он как раз о чем-то таком диссертацию писал. И часы с обувью у вас дорогие, но это от правила, что вы можете быть одеты как угодно, но именно часы и обувь выдадут в вас человека состоятельного. А так вроде и маскируетесь.

Об этом я раньше не задумывался. Все недосуг было самоанализом заняться. А тут вот как разложили: все подспудные желания на свет вытащили, можно сказать.

— Возможно, — пожал я плечами. — Это и для работы необходимо. И к чему это все, что вы мне здесь рассказали?

— К чему... — Зимин задумался. — Сейчас расскажу к чему. Вам никогда не хотелось на самом деле всю эту суетную жизнь бросить и уехать куда-нибудь к чертовой матери, на острова в океане или, скажем, на тот же Дикий Запад? Свое мнение я уже высказал, хотелось бы теперь от вас услышать.

Я отпил из кружки, поставил ее на стол, покрутил. Подумал, затем сказал:

— Допустим.

— Что именно «допустим»? — спросил он. — Скажите прямо, пожалуйста. Это важно, чтобы вы это произнесли вслух, не заставляли толковать ваши ответы.

— Хотелось бы, если была бы такая возможность, — медленно, чуть не по слогам, ответил я.

— Возможность есть. Я серьезно! Мне не двенадцать лет, чтобы здесь такие шутки шутить, — добавил Зимин, увидев мою ехидную ухмылку.

— Рассказывайте, — махнул я рукой.

— Я вам сейчас в общих чертах изложу саму идею, потом вы може-

те задать мне любые вопросы. На многие из них я отвечу, на некоторые — не смогу, на некоторые отвечать не имею права. Договорились?

Вид у него и вправду был серьезный. Странно.

— Продолжайте, — вздохнул я.

Зимин вновь отдал должное пиву, заговорил:

— Я, с вашего позволения, вербовщик. Работаю я на некую серьезную международную организацию, название и цели которой вам знать не нужно, да и не влияет это ни на что. Коммерческую организацию, фонд. Организация ищет таких людей, как вы: энергичных, желающих круто изменить свою жизнь по тем или иным причинам. У вас есть желание, есть причины и есть проблема, которая все равно заставит вас ее менять, но уже менее упорядоченным путем.

— Вам это зачем? — уточнил я.

Что бы он ни сказал дальше, не так важно, но начинать нужно именно с этого. Зачем ему?

— Я же вербовщик, как уже сказал, — повторил он. — Я зарабатываю на жизнь.

Мотив достойный, кто бы спорил.

— А ваши партнеры и мои инвесторы как сочетаются?

Зимин усмехнулся:

— Партнеры-кредиторы и так уже обожрались, дальше некуда. Поэтому они не сочетаются. Жулье они, и беспокоиться о них мне даже вовсе не интересно. Допрыгаются рано или поздно, губит жадность фраеров. Лично мне вы симпатичны, а поскольку я могу заработать на вас, то лучше я прокину тех партнеров, а вам помогу.

— Как именно? — уточнил я. — В смысле как именно заработаете? И чем поможете?

Официант принес кувшин с пивом, поставил его перед нами. К кувшину никто не притронулся, я молча смотрел на Зимина.

— У вас остались некоторые ценности, — сказал он. — Квартира у вас дорогая довольно-таки, для такой-то площади. Мы прикинули, рыночная цена ее сейчас — около шестисот пятидесяти тысяч долларов. Вы знаете рынок, скажите — так это?

— Да, примерно, — подтвердил я. — Дальше что?

Зимин достал из-под своего стула пухлый портфель из коричневой кожи, открыл его. Вытащил оттуда плоский пакет из оберточной бумаги, перемотанный скотчем, положил перед собой, придавив к столу руками.

— Здесь четыреста пятьдесят тысяч долларов, — сказал он. — Я отдам их вам прямо сейчас, если вы примете мое предложение. Это цена вашей квартиры минус мои комиссионные, минус скидка за срочность продажи, минус то, что все оформление купли-продажи и дальнейшей перепродажи — мои проблемы. Мне даже доверенность от вас

не нужна. Если вы примете мое предложение — просто отдадите мне ключи перед отъездом.

— Не бойтесь, что продамлю?

— Нет, конечно,— покачал он головой.— Я играю в открытую. У вас будет три дня, чтобы подготовиться, не знаю... отметить отъезд, или что там вам еще может понадобиться. Через три дня я буду вас ждать в месте, о котором скажу после. Если вас не будет — вас станут искать ваши кредиторы, менты, кто угодно, и мы им будем помогать. Лишние проблемы для вас. Если же вы сейчас начнете сами продавать свою квартиру — скорее всего, не успеете. Наложат арест на имущество, останетесь без денег. А я не только деньги предлагаю, но и другую помощь.

Ну что, позиция изложена достаточно четко для того, чтобы вызвать внимание. Продолжим.

— Хорошо, давайте к сути предложения,— сказал я.

— Вам граммов пятьдесят выпить не надо предварительно? — неожиданно усмехнулся он.— А то после моего рассказа может всякое случиться. Скорую психиатрическую мне вызывать начнете или еще что.

— Не надо,— покачал я головой.— Я не скептик и не легковерный. Верю в то, что вижу, или в то, что мне докажут. Докажете, что вы не пургу гоните,— поверю, и никакой «скорой» не будет.

— Прагматичный подход,— заулыбался он шире.— Итак, перехожу к сути. Я предлагаю вам перебраться в другой мир. Малонаселенный, живущий по законам почти что Дикого Запада. Мир очень далекий, из которого сюда, обратно, хода нет. Система ниппель — туда дуй, а отсюда — гм... ничего, в общем. Поэтому я и предлагаю деньги вперед — чтобы вы не думали, что вас просто банально хотят замочить за квартиру, за оставшееся у вас имущество. Поэтому и не требуем доверенностей и прочего. Поэтому поможем превратить эти деньги или их часть, какую сами выберете, в то, что полезно в том мире, но не слишком ценно в этом. Это жест доверия и приглашение к доверию.

— Вы сколько на этом заработаете? — уточнил я.

Зимин задумался, затем ответил:

— Около восьмидесяти тысяч. Немножко больше. Остаток уйдет на расходы по оформлению и в организацию.

Я задумался. За восемьдесят тысяч люди способны совершить многое, в том числе и сменить сторону. Логика не нарушена, послушаем дальше.

— Организация тоже зарабатывает?

— Нет,— покачал он головой.— У них денег более чем хватает — не их масштаб. Но вы не единственный переселенец. Кроме таких, как вы, есть люди бедные. Им даются подъемные на начало новой жизни.

Не знаю сколько, но я точно знаю, что вы финансируете переселение еще нескольких человек.

— Хорошо, допустим, я немного вам верю, — медленно кивнул я. — Что за мир такой?

— Смешно, но толком никто не знает. Даже те, кто его открыл, — усмехнулся он. — Проход получился в процессе какого-то научного эксперимента лет двадцать назад. Затем туда начали переселяться люди. Сейчас там несколько миллионов. Живут пока в пределах одного полуострова, кажется.

— Миллионы исчезли отсюда — и никто не заметил? — с недоверием переспросил я.

— Не только русские: там весь мир представлен. Не во всех странах принято интересоваться судьбой пропавших, да и туда по-разному попадали, вовсе не обязательно пропадали без вести. Меняли место жительства, меняли работу, ехали в длительные командировки, вроде как на север или в другую страну. Вы на языках говорите?

Я кивнул, сказал:

— Английский свободно и испанский не хуже. Вы там были?

— Нет, обратного хода сюда нет. Был бы я там — с вами сейчас не сидел, там бы и остался. Но есть связь. Дорогая, не частая, но информация оттуда поступает. Отсюда туда идет товар, его здесь оплачивают. Фонд, на который я работаю, заинтересован в развитии. И, насколько я понимаю, не только он, есть еще инвесторы.

— А в чем их интерес, что они платят? — спросил я.

— Не знаю, если честно, — покачал он головой. — Может, себе базу готовят, может, рассчитывают на обратную связь, может, что другое.

— Понятно, — сказал я, хоть ничего не было понятно.

— Еще отсюда едут поселенцы, — продолжил Зимин. — Еще там есть океан, есть степи, горы, джунгли, хищники. Много хищников, и все они жуть какие злые. Есть люди, иногда враждующие друг с другом. Зато для вас там будет рай — никакой Кубинки не надо. Хоть на танке катайся, если денег хватит кушать.

Я задумался. Глубоко. Затем сам разлил пиво по опустевшим кружкам. Понял, что поймал себя уже на дружественном жесте.

— И кто туда еще едет? — спросил я.

— Этого я не скажу, — решительно заявил он. — Не имею права. Люди едут. Со всего мира. Расселяются компактно, по этническому признаку, насколько мне известно. Да больше ничего и не знаю, если честно.

Опять приложившись к кружке с пивом, я задал следующий вопрос:

— Вы говорили о какой-то помощи?

— Само собой, — кивнул он и вроде как даже придвинул ко мне

сверток с деньгами.— У вас будет три дня. Полных дня, то есть даже больше трех дней получается у вас. Три полных дня и две половинки. В субботу в полдень вы должны будете встретиться со мной и уехать. Навсегда. Я обещаю, что за эти три дня вас никто не побеспокоит — ни менты, ни кредиторы. Я сам вас прикрывать буду, отгонять всех. Если кто-то к вам подлезет — звоните сразу же мне, и я все разрулю. Собирайтесь, отдохайте. Машину вам стоит поменять, кстати.

— Туда на машине можно? — удивился я.

Лично мне представилось что-то вроде космического корабля. Захмелел, наверно.

— С машиной,— кивнул он.— Если хотите, конечно. Это вроде телепортации, и можно здоровые всякие штуки туда посылать. Машина — не предельный размер. Строительную технику даже засылают. Вагоны железнодорожные.

— Зачем ее менять? — спросил я.— Машину в смысле?

— Там дороги пока не очень,— ответил он.— Как в российской глубинке, пожалуй. И еще кое-какая специфика — бывает, что и постреливают. Поэтому, на мой взгляд, лучше «уазика» ничего нет. Его чинить легко, хотя и часто приходится. Или что-то вроде «дефендера», или старых «японцев». Джипы или пикапы. Главное — электроники поменьше. А слесарный ремонт там делают, и запчасти есть, по сведениям. Проблема с ремонтом электроники и подобного. И там обойдется вам раза в два дороже, чем здесь.

— Стреляют? А как насчет оружия? — спросил я.

— Там все купите, что хотите. Не проблема. И свой парабеллум прихватите, если хотите,— ехидно улыбнулся Зимин.— Откуда он у вас, кстати, если не секрет?

— От деда остался, с войны,— вздохнул я.— А говорили, что не шарилась нигде.

— Он у вас почти на виду лежит,— чуть укоризненно сказал Зимин.— Как новенький, кстати.

— А он и есть новенький. Дед его в разведке с офицера снял, и сам стрелял раз десять. Так и лежал дома у нас. Ну и я пострелял несколько раз.

— А патроны-то где брали? Их у нас не достать небось? — удивился Зимин.

— Шутите, Леонид Сергеевич? — удивился я в свою очередь.— Давно уже выпускают. И Климовск, и Тула. У нас же теперь «грач» армейский, пистолет под парабеллумовский патрон. И автоматы под него есть, «бизон» тот же... под парабеллумовский тоже есть модификация, я сам стрелял. «Бизон два — ноль пять» называется, как мне помнится.

— Вот как,— удивленно поднял он брови.— Отстал я. Пока слу-

жил — был «макаров», а теперь все, ничего не знаю. Ну вот и возьмите его с собой тоже. Да и вам, наверное, спокойней с ним будет. Вы же ныряльщик? Дайвер вроде как? Тогда и оборудование возьмите — как знать. Там океан. Посудины какие-то имеются у людей. Точно могу сказать что — одеждой запаситесь, поудобней, как для охоты или войны. Все же экстремальные условия, а там, по слухам, нормальную пока не шьют. А все, что отсюда идет, — там втридорога. В общем, все, что в машину влезет и бросить жалко, — берите. Только не перегружайтесь — дороги поганые, больше направления одни. Вот насчет качества дорог мне точно известно, что их там нет. Много раз говорили.

Зимин опять полез в портфель, достал папку, в которой был один лист бумаги с отпечатанным на принтере текстом:

— Здесь вот адреса вам и контактные телефоны. В виде пароля мою визитку показывайте. Вот здесь, на Березовой аллее, — он потыкал пальцем в первую строчку, — машинами торгуют. Хозяина зовут Игорь, очень толковый парень. Может вашу оценить и быстро выкупить, без волокиты. Взамен у него подберете, что вам надо. У него и «уазики», и иномарки. Даже «тигр» газовский недавно был, но уже уехал. Кому понадобился? «Хаммер» тоже у него видел.

— А с топливом там как? — уточнил я.

— Топливо есть, и недорого, говорят, только качество так себе. Поэтому лучше или дизелек, или бензиновый мотор попроще. У Игоря выбор всегда неплохой. Цены он задирает, но зато может машину подготовить, как туда нужно, на Новую Землю. Добавит чего нужно, усилит, подварит.

Увидев мой удивленный взгляд, пояснил:

— Не нашу Новую Землю — мир этот мы так называем. Только там жарко, в отличие от нашей.

— А вообще климат какой?

Так незаметно для самого себя я перешел к расспросам.

— Летом сухо и жарко, зимой прохладней — и мокро. Как в африканской саванне. Не бывали?

— Бывал.

— Ну видите как, даже там вы бывали, а я дальше Сочи — никуда, — вздохнул он. — Зимой градусов до десяти—двенадцати температура падает. Изредка. Как мне рассказывали. Так с одеждой и рассчитывайте. Кстати, об одежде.

Он снова подтащил к себе листок, ткнул пальцем во второй абзац:

— Это магазин для рыбакова и охотника. Подойдете к менеджеру, зовут Ильей, тут написано. Там вам скидку небольшую сделают, а самое главное — у него в подсобке можно набрать отличной военной и полувоенной справки. И нашей, и натовской. Камуфляж, разгрузки, обувь, носки, перчатки, очки... что угодно, в общем. Плюс все для ту-

ристов, но это уже в зале. Хороший выбор радиостанций. В общем, уделите внимание — может пригодиться.

Зимин покрутил головой, поискал глазами официанта, махнул ему рукой. Тот подошел, встал у стола. Зимин посмотрел на меня:

— Андрей Алексеевич, по полтинничку все же, а?

— На пиво-то? — удивился я заявлению вроде грамотного человека.

— Так мы же в сторону повышения градусности, все в рамках правил,— успокоил он меня.— Градус снижать нельзя, во избежание последствий, а повышать только рекомендуется.

— Да напиваться неохота,— поморщился я.— Дел еще, если договоримся... Машину с учета и на учет и прочее...

Зимин отмахнулся рукой:

— Андре-е-ей Алексеевич... На сей счет не волнуйтесь, я все объясню. В момент справитесь, никакой возни.

Уговорил. Точно уговорил.

— Ладно, давайте по соточке, все равно ведь полтинничком не ограничимся,— ответил я.

— Ну вот и ладно,— обрадовался Зимин и повернулся к официанту: — Так, давайте нам... «Русский Стандарт» есть?

— Разумеется,— солидно кивнул тот.

— Триста «стандарта» и грибочков там соленых, и еще чего... такого же.

При этом он изобразил некий странный жест руками, но официант его понял. Они всегда такие жесты понимают.

— Давайте большую тарелку солений наберем вам? — предложил официант.

— Ага, давайте,— обрадовался Зимин.

Официант опять ушел, а мой визави повернулся ко мне:

— Андрей Алексеевич, машину вы свою так отдайте, с номерами. Игорь потом сам все сделает. Доверенность не нужна, потому что вы все равно с Новой Земли липовую опротестовать не сможете. А деньги уже у вас будут. Взаимная гарантия, так сказать. А ставить на учет... Смеетесь? Кому ТАМ какой учет нужен? Хоть краденую везите. Вам по Москве и ехать-то надо будет минуту или меньше. И гаишников там не было и не будет.

— А если будет? — спросил я уже из чистого упрямства.

— Не будет, поверьте уж, нам они в этом месте совсем не нужны,— спокойно ответил Зимин.— К тому же, как мне кажется, у Игоря и машины-то все краденые. «Страховочный» вариант или что-то в этом духе. Но вы не берите в голову, на этой части пути безопасность гарантируем.

Я хмыкнул, затем спросил:

— А где не гарантируете?

— За «воротами». Дальше вы сами, я даже толком и не знаю, как там. Знаю только, что кто-то вас встретит и объяснит, что надо.

— Хорошо бы,— вздохнул я в задумчивости.— Надеюсь, хоть не в степь выкинет? Или море?

— Нет, в степь не выкидывает,— усмехнулся он.— И в море тоже. Ворота, говорят, тоже в обслуживании нуждаются с той стороны. Точнее — там другие ворота, и с ними тоже люди работают.

— С этим понятно. Еще что-нибудь?

— А вот выпьете со мной чуток — я вам самое главное расскажу.

Пришел официант, мы выпили, потом еще, наконец Зимин снова заговорил о деле:

— Теперь, Андрей Алексеевич, самое главное. Это я уже говорить не должен, если честно, но и прямого указания не говорить у меня тоже нет. Так что скажу — деньги там другие. Золотой эквивалент. Менять наши деньги лучше здесь, и тоже на золото. Там их принимают, но по убогому курсу, в два раза заниженному, поскольку не нужны.

— А почему принимают? — уточнил я.

— Под будущее,— ответил Зимин.— Вроде бы надеются открыть обратный проход и вернуть их в оборот.

— Тогда продолжайте,— подбодрил я его.— Еще какой-то бизнес?

— Вы догадливы,— усмехнулся он.— Помогу вам обменять доллары на золото. Здесь, в Москве. Курс в мою пользу, конечно, но по-божески. И такого количества золота быстро вам все равно никто не найдет.

Смешно, но именно в этот момент я ему вроде поверил. Так старательно обдирают тех клиентов, кого кидать не намерены. Если тебя собираются обобрать, то как раз все в твою пользу.

— Спасибо за совет,— поклонился я.

— И теперь последнее, потом уж просто посидим да выпьем. Я вам завтра позвоню днем, часа в два, скажем. И вы мне озвучите ваше окончательное решение. Если решите остаться — тогда просто верните деньги, а этого разговора не было. Стол с меня. А если продолжаем игру — тогда... милости просим, наверное.

Москва. 14 июня 2005 года, 23:15

Я, слегка пьяный, сидел у себя на кухне за барной стойкой с бокалом коньяка и пытался переварить сказанное Зиминим. Если честно, то я был согласен ехать туда, куда он меня звал, на сто процентов. При условии, что это правда. Начать новую жизнь, зависеть только от себя, страхнуть все проблемы одним махом. Что меня здесь держит? Ничего. Совсем ничего. Все равно фирму развалили, народ поуволялся, работа встала уже месяца три назад. Осталась только драка без надеж-

ды на успех и именно те выходы, о которых вчера говорил Зимин. А так... ни семьи у меня, ни детей, да и друзей близких почти нет.

Деньги из вскрытого пакета лежали передо мной. Я даже заехал к одному знакомому в обменный пункт по пути, проверил. Все в порядке, четыреста пятьдесят «косых», как из пушки, не очередной разводняк — мол, «мы тебе давали настоящие, а ты нам фуффло возвращаешь». В чем еще может быть подвох? Грохнуть меня за квартиру и продать ее? Тогда деньги проще пообещать в последний момент — мало ли на какую фигню я их успею растратить? И доверенности подготовить заранее: мол, в последний момент на деньги обменяешь. А тут вперед отдали, вроде как доверие продемонстрировали. И никакой бумажной волокиты.

Нет, ежу понятно, что карманный нотариус любые нарисует, но зачем такой огород-то городить, себе жизнь усложнять? Не за годовалый же «форестер»? Ну хорошая машина, мне нравится, только одной из причин покупки ее была еще и неугоняемость марки. Угонщики другие любят, подороже. Взять меня со стволом на улице? Так проще было с обыском заявиться на дом, про ствол-то они уже знали давно. К тому же ствол у меня был не один. Хотя вру, это нелегальный. Есть еще самозарядный дробовик «ФН», но он легальный, из магазина. Все равно не то.

Как ни думал — ни до чего не додумался. Решил — хрен с ним, займись подготовкой, буду бдителен. Если пойдет что не так в субботу — открою огонь из всех стволов, если дадут, и будь что будет.

С этим и завалился спать. С этим, и с этой... Леной ее звали, неделю назад познакомились, и она явно уже строила планы на будущее совместное счастье. Только это вряд ли. Я коньяк допил, а она из ванной вышла, в полотенце завернутая. Я едва успел пакет с деньгами убрать в стол.

Москва. 15 июня 2005 года, 10:15

Отправив эту самую Лену с утра домой, или куда там ей надо, я приступил к сборам. Начать я решил с ревизии того, что имел сам. В последнюю пару лет я увлекся рыбалкой — не поспешил, накупил хороших вещей для выхода на природу. Прекрасная канадская многослойная куртка, которую можно было превращать из легкой курточки с раскраской в «лесной» камуфляж — до зимней парки, которую никакой мороз не брал. Отличные серые, канадские же, «тактические» брюки, с множеством карманов, из плотной, почти не рвущейся ткани. Высокие охотничьи ботинки из добротного нубука, водостойчивые, с мощной подошвой. Прекрасная камуфляжная панамка, тоже «лес». Шапочка-маска, «лес», камуфляж. Если на ветру холодном сидеть с

удочкой, то очень полезной бывала. Пара крепких рюкзаков, побольше и поменьше, «дневной» и «трехдневный».

Кроссовки. Три пары, в меру разношены. В Афганистане мы носили их всегда, если только командование не начинало гонения на подобное нарушение уставной формы одежды. И еще ботинки «вибрамы» для туризма. При определенных условиях удобней любых берцев. Все спортивные носки, тренировочные костюмы, хлопчатобумажные майки. Джинсы — тоже все, которые целые.

Две пары отличных очков ESS со сменными светофильтрами. Хоть от солнца, хоть от тумана, хоть от бликов — поляризованные. Одни обычные, другие — на ремешке, противопылевые заодно, прилегающие к лицу, с вентиляцией.

Гидрокостюма два — три и пять миллиметров в толщину, маски — тоже две, ласты, регуляторы, компенсаторы плавучести, все-все и даже балласт. Все — в специальную сумку.

Куча барахла росла на глазах. Подумал, что в случае «затоваривания» лучше потом выкину лишнее, чем сейчас нужное забуду.

Ноутбук!!! Конечно же! Где есть топливо — там есть хотя бы дизеля. Где есть дизеля — есть электричество. Пригодится. Беру! Что еще?...

Москва. 15 июня 2005 года, 12:46

Немного ошалевший от домашних сборов, отъехал от дома. Пункт первый — автоторговец Игорь. С машиной лучше сразу разобраться, чтобы понять, сколько барахла брать с собой. В «форестер» мой, с разложенными задними сиденьями, целая прорва влезала, но что теперь возьму? УАЗ брать не хотелось — еще в армии насмотрелся, как водили с ними... мучались, в общем. Механик из меня посредственный, ремонт редуктора моста своими силами в степи проводить — никакого желания. Ладно, посмотрим, что нам предложат.

Нужное место на Березовой аллее нашел сразу. Металлические ворота с домофоном, за ними — склад, двухэтажный кирпичный домик и площадка со стоящими кое-как автомобилями.

Позвонил в ворота, спросил Игоря. Какой-то мужик в промасленном комбинезоне открыл ворота, махнул рукой — проезжай, мол. Заехал, встал. Спросил у мужика, где найти Игоря. «Щас позову», — ответил тот и ушел в дом.

Игорь оказался молодым парнем, темноволосым и стриженным под ноль, лет двадцати пяти, в таком же синем комбинезоне, как и у давешнего мужика, только чистом.

— Я от Зимина, — сказал я, протягивая его визитку.

Игорь глянул на нее, кивнул:

— Я так и понял. Он предупреждал.

Он посмотрел на «форестер», подошел поближе. Заглянул вниз, влез в салон, вылез, поводит пальцем по зазорам кузова, снова влез, завел, заглушил.

— Вроде нормально все. Сейчас Саныч ее посмотрит — и о цене поговорим. Хотя по моим прикидкам — двадцать две.

— Игорек, ты чего? — удивился я. — Машине год, ей цена сороковка.

— Ну, значит, можешь ее за тридцатник с чем-то в салоне выставить, — пожал он плечами. — Тебе же срочно надо? И без переоформления, даже без доверенности? Так? К тому же мне надо успеть тебе еще машину подготовить. И ты же еще на ней пока и ездить будешь. Отдашь в последний момент, хрен его знает, что ты за это время с ней сделаешь. Ну двадцать три, ладно.

— Двадцать семь.

Он покачал головой, вздохнул, сказал:

— Даю двадцать четыре — и все. Или сам продавай. Я серьезно.

Я подумал. Тут вся жизнь наизнанку выворачивается — что лишняя пара тысяч меняет?

— Ладно, — сказал. — По рукам. Грабь, чего уж там.

— Ну и ладно, раз ладно, — легко согласился он. — Пошли мой автопарк смотреть.

Я пошел за ним следом к воротам склада — высоким, грубо сляпанным, крашенным зеленой краской.

— На улице у меня только для общего пользования стоят, в складе — подготовленные, — попутно просвещал меня Игорь. — И сервис маленький у нас там.

Игорь отпер ключом дверь в воротах склада, мы вошли внутрь. Я огляделся. Внутри склад был в два раза меньше, чем снаружи. В смысле, делился глухой стеной пополам. Одна из половин как раз и была Игоревой территорией. Мощный подъемник, шиномонтажный стенд, верстаки, инструменты, даже покрасочная камера в металлическом гараже, установленном в дальнем конце склада.

— Видал? Не техцентр, но делаем все, — сказал он с гордостью, демонстрируя свои владения. — Причем не только для вашего брата, но и для стрит-рейсинга, любителей внедорожного экстрима и чего угодно.

— Нашего брата? — удивился я. — Это какого?

— Да переселенца. Я в курсе. — Он усмехнулся: — Да ты не напрягайся, я всю жизнь с вами работаю. Высший допуск, так сказать. Ты машинки посмотри.

Вдоль стены склада стояли в рядок, вполоборота к воротам, шесть машин. Два УАЗа, оба со снятым верхом, «Ниссан Патрол» предыдущего поколения, шестьдесят первая модель, с угловатым кузовом, джип «Рэнглер», пикап «мазда», и последней в ряду стояла большая песчаной окраски машина знакомого вида, какие мне довелось видеть

еще в те времена, когда я жил далеко от России, в жарких странах. К нам такие не заезжали сюда...

— Погоди... Это же «семисъпятка»? — поразился я. — Ты где ее добыл?

— В Грузии, — усмехнулся Игорь. — Там на них всякие ООН, Красный Крест и прочие катаются. Иногда такие машины падают в пропасть. Горы, понимаешь... И даже не увидишь на дне ущелья ее остатки. Или украдут, например.

Он похлопал здоровый внедорожник по крылу. Я открыл водителскую дверь, заглянул внутрь. Даже не думал, что я такую машину здесь увижу. Их еще «труп карриер» зовут — «войсковой транспорт». Здоровая семиместная машина, которая бывает и одиннадцатиместной. Всего три двери, влезать в салон через заднюю распашную надо или через две передние. Недавно покрашена явно, хоть сама и не новая. И покрашена потому, голову на отсечение, что раньше была белой и с эмблемами во весь борт. И было там что-то вроде ООН написано, или, скажем, ОБСЕ. Или красный крест был нарисован. Кто еще на таких ездит?

Обивка всего салона — моющийся винил, руль и приборная панель простые, как мычание, багажник гигантский, да еще и на крыше дополнительный, с лесткой сзади. Подключаемый полный привод со всеми блокировками, все просто и кондово. Сбоку труба-шнорхель с «грибной шляпкой» сверху. Класс.

— Четыре и два литра, безнаддувный дизель? — уточнил я на всякий случай с замиранием сердца.

— Именно! — кивнул Игорь. — Сто сил. Соображаешь! А все от нее морду воротят — мол, дубовая и дохлая, а ведь вечная машина.

Это верно, недаром во всяких трудных местах те, кому по работе положено в грязь и в горы, именно на таких и ездят. Для знающего человека такую в Москве найти — это как алмаз купить по дешевке. «Кохинор», не меньше.

— А пробег? — спросил я, заглядывая в салон.

— Чуть больше семидесяти тысяч. Мечта.

Я с недоверием посмотрел на него. Он поднял руки, сказал:

— Клянусь. Чем хочешь. Да сам проверь, если разбираешься. А движки до миллиона без капиталки ходят.

— Сколько? — вздохнул я.

— Пятьдесят, — нежно улыбнулся он.

— Опять офигел? — с подозрением посмотрел я на него. — За паленую, без учета? Первый гаишник твой?

— Какой гаишник? Сам офигел? — картинно удивился Игорь. — Нет там гаишников, вымерли как класс. Увидишь — застрели. Сделали тотальное ТО, поменяли все регламентное, целых четыре запаски к

ней, резина внедорожная по кругу новая, целых два комплекта, считай, плюс четыре диска. Дополнительный аккумулятор поставил, два прожектора с обеих сторон, кенгурятник — австралийский «Тафф» с противотуманками, можешь всех давить, лебедка, багажник на крышу сделали, здесь такой не достать. Не хочешь — не бери. Вон «патруля» бери, вообще за двадцатку отдам. Или УАЗ за десятку. На мои машины торга нет, все.

Он ведь видел, гад, что я заднего хода уже не дам. И правда, не дам ведь. Если куда в тяжкое место — нет машины лучше. А «патруль» у него с «наддувным два и семь», так что не очень. Был бы тоже с «четыре и два» атмосферником, как «тойота», я бы еще подумал. Нет, плевать мне на деньги. Только «семиспятку», и ничего больше.

— Ладно, уговорил, черт красноречивый,— махнул я рукой.— Грабь.

— Хорошо,— обрадовался он.— Сейчас по территории прокатимся, попробуешь. У нас тут буераки-реки-раки не хуже, чем на Луне. Оценишь.

Обещанных буераков на территории действительно хватало. «Семиспятка» преодолевала их прекрасно, даже трясло несильно — все же база довольно длинная. Показалась немного валкой, можно было бы диски и резину пошире, но тогда на другом отразится. Нормально, даже отлично. Дизель тарыхтит как тракторный, но так и должно быть. Мы сделали пару кругов, опять заехали в склад.

— Ну как? — спросил Игорь.

— Нормально. Никаких вопросов,— честно сказал я.— Хорошая машина.

— Опции какие нужны тебе? — неожиданно спросил он меня.

— Опции? — не понял я, потому как уже все, что можно, в машине имеется.— А какие есть?

— Первая и главная — могу двигун в титан с боков взять. День работы.

— Титан тут варишь? — поразился я.

— Не-а, в другом месте закажу, но они быстро делают,— ответил Игорь.— Лекала за день сделаю, отдам, послезавтра уже стоять будет. Тебе же к субботе?

— Ага,— кивнул.

— Успеем. Треха с тебя будет, тоже без торга.— Он загнул палец, продолжил: — Плюс титановыми пластинами закрываю баки с боков. Еще два косаря. Дальше — за передние сиденья инструментальный стальной ящик типа сейфа, ну потоньше, конечно, запирается намертво. Говорят — там, в Новой Земле, нужен. Три запаски на крыше, запираются на замок. Все вместе пять пятьсот.

— А веса сколько машина прибавит?

— Килограммов двести с титаном, да еще ящик с колесами. Под четьреста, пожалуй. Но ей не смертельно. Гонять не будет, а так — как с компанией едешь.

— Нет, тяжеловато, — покачал я головой. — БТР из нее все равно не сделаешь. Ящик ставь, раз надо, и нормально, — согласился я, затем спросил: — Что со связью?

— Покупай, что нравится, приноси, — пожал он плечами. — Мы установим быстро. И недорого, как в обычном сервисе — лишнего не возьмем.

— Понял, — кивнул я. — Сделаю.

— Ладно, тогда тебе всего на пятьсот дополнительных, — посчитал он. — Плюс двадцать семь за машину доплата. Годится?

Да. Нормально. Грабеж среди белого дня. Но снявши голову, по волосам не плачут.

— Ладно, нормально, — сказал я без особого энтузиазма.

— Предоплата сто процентов, — снова улыбнулся он, уже до ушей. — Утром деньги, а стулья можешь и вовсе не забирать.

Я отсчитал Игорю деньги на верстаке, он их сгреб, извлек машинку, проверил все с ловкостью банковского кассира, потом расписочку написал. Молодец. Мы вышли на улицу. Возле моего «форрестера» стоял Саныч.

— Саныч, как? — спросил его Игорь, когда мы подошли.

— Нормально, — ответил Саныч — немолодой бородатый мужичок. — Аккуратно клиент ездил.

— Тогда как договорились, — протянул мне руку Игорь. — Приезжай в субботу, только пораньше. Ты на сколько договорился с Зиминым?

— На двенадцать.

— Ну вот, к одиннадцати подъезжай со всем барахлом. Машину еще попробуешь, пока барахло перегрузишь... Чаем напою. Лады?

— Договорились, — кивнул я.

— Да, еще... тут кидняка никакого нет, понял? — сказал он неожиданно. — Поэтому не психани в последний момент. А то был тут такой с месяц назад. Все нормально, нормально, «хаммер» взял, в подготовку чуть не полтинник засадил, а как до отъезда дошло — такой кипеш поднял... Достал из своего «мерина» волюну — и понеслось: мол, я вас, козлов, насквозь вижу, я вас щас всех... Быканул по-черному.

— Чем закончилось? — заинтересовался я.

— Мастер у нас еще есть, Серега, — усмехнулся Игорь. — Монтировку в тряпку замотал, сзади подкрался — и по черепу. Тот и отрубился. Водичкой побрызгали, отошел, вроде успокоили. Поехал в Новую Землю, но обещал, случись чего, на том свете достать. Так что ты поаккуратней, а то не ровен час монтировка тяжелой окажется, или на

твоем «калаше» спуск слишком легкий. Нам если от каждого клиента по пуле получать — помрем вскорости, с непривычки.

— Хорошо, учту,— принял я его речь к сведению.— Погоди... Зимин сюда подъедет, клиент здесь бычил... Это тут у вас стартовая позиция, что ли?

— Почти. Рядом совсем. Зимин тебя проводит,— ушел в общем-то от ответа Игорь.— Да, вот еще что — фотку свою привези цветную, три на четыре.

— На фига? — удивился я.— На доску почета?

— Нет, туда тоже типа пропуск нужен. На него. Тут твой проход регистрируют. У нас тоже отчетность.

— Привезу.

Москва. 15 июня 2005 года, 14:22

Путь от Березовой аллеи до Садового кольца оказался долгим из-за пробок. В конце концов, скучая и слушая музыку, я дотолкался до небольшого магазина со скромным названием «Рыбалка и охота» и даже сумел припарковаться неподалеку, что для этого места и времени было настоящим достижением. Обед в магазине был, к счастью, с часу до двух, то есть уже закончился, а заранее спросить я не озабочился. Магазин состоял из трех крошечных зальчиков, забытых всевозможным добром указанного на вывеске направления. За кассой скучала девушка лет двадцати с крашенными супрой прямыми волосами, круглым лицом и голубыми глазами. Я бодро подошел к ней, поздоровался и поинтересовался, как бы мне с Ильей пообщаться. Она вежливо поздоровалась в ответ писклявым голосом и скрылась за дверью с надписью «Только для персонала». Вышла она с каким-то длинным и тощим парнем в очках в черной квадратной оправе и бритым черепом.

— Чем могу помочь? — спросил парень.

— Я от... — достав из нагрудного кармана, показал я ему визитку.

— Ага, очень хорошо,— заулыбался он и протянул руку: — Меня Илья зовут.

— Андрей.

— Очень приятно. С зала начнем или с подсобки?

— Давайте с подсобки.

Подсобка оказалась больше самого магазина. В шкафах, на вешалках, столах и где только возможно — громоздились горы одежды, обуви, всевозможной экипировки. От обилия расцветок камуфляжа зарябило в глазах.

— Что-то специальное хотите?

— Камуфляж горный, лесной, пустынный, «камыш» есть?

Не знаю, нужен ли он там будет вообще, но как рабочая одежда и одежда для природы он тоже пригодится. Надежно, практично и крепко — не зря же у нас каждый работяга норовит в камуфляж приодеться.

— Как не быть, есть, конечно,— кивнул он солидно.— Размер скажете?

— Размер скажу.

В компании Ильи я провел битых два часа и покинул магазин с двумя здоровыми армейскими сумками и военным рюкзаком, набитыми всем, что мне потенциально могло пригодиться в малопрозрачном будущем.

Набрал «камков», прихватил подвесную снайперскую и разгрузку неплохую от «Спецоснащения». К подвесной разных подсумков набрал, на все случаи жизни. Черт его знает, какие они будут, эти случаи.

Оружием магазин не торговал, разве что пневматикой, а оптикой — очень даже не брезговал. Поэтому не пожалел я денег на пару переходников под оптику с нашего стандарта на крепление Пикатинни, американский прицел ACOG трехкратный, к которому батарейки не нужны (дорогущий!), и коллиматорную «Кобру». Взял компактный бинокль со стабилизацией картинки и прикупил белорусский трехкратный ночной прицел NVRS 3x50 Tactical, почему-то называвшийся «Yukon». Илья объяснил, что под такой маркой эти прицелы продаются в Америке. Однако крепление было нашего стандарта, боковое. За прицел выложил больше двух тысяч. Но не жалко — вещь хорошая, прицел пассивный, но можно инфракрасную подсветку включать при необходимости, да и сам он включается с выносного пульта на цевье оружия. С переходником к нему даже видеокамеру подключать можно, и как ночной монокуляр — он хоть куда. Корпус черный, титановый, две рельсы Пикатинни под дополнительные прибуды. Серьезная штука, в хозяйстве всегда пригодиться может.

Теперь связь. Связь — первое дело, пусть хоть с самим собой для начала. И желательно — максимально гибкая. К счастью, Илья и в этом не подвел. Торговал он «Кенвудами» и «Айкомами», но с первыми я знаком был лучше. Взял мобильную, сиречь — монтируемую в машину — радиостанцию, совмещенную с радиочастотным сканером, с дальностью действия до пятидесяти километров, и две переносных, военного стандарта, с кучей полезных функций. Самое приятное было в том, что вопросами регистрации и разрешений здесь не грузили. Надо — и покупай. Я и купил. Не зря Зимин в это место послал.

На случай, если на «той стороне» война начнется не сразу, а хотя бы чуток погода, купил я еще пару брюк, несколько рубашек и свитеров из туристической коллекции, запасаю шортами и гражданскими ботинками для жаркого климата. И в пир, и в мир, и в добрые люди,

как говорится. Потом пришлось еще и сумки покупать — иначе было все не утащить.

Затем я отправился по указанному Зиминым адресу в отделение некоего малопонятого банка «Финансовый союз», где был принят немолодой усатой дамой Анной Исааковной. Она обратила всю имевшуюся у меня наличность плюс то, что оставалось на кредитных картах, в большую кучу золотых монет, тех самых, что предлагались к покупке как средство сбережения. Откуда столько взяли? Странно. Но ладно.

Зимин позвонил на телефон, который он мне оставил для связи.

— Андрей Алексеевич? — послышался его голос.

— Я. Принял ваше предложение, хотя есть ощущение, что мне пора в Кащенко, — сказал я в трубку, опережая вопрос.

— Знаю уже, что приняли. Мне все отзвонились, где вы были. В субботу в двенадцать встречаемся у Игоря, а в Кащенко не ездите, не стоит. Там ни вам, ни мне не помогут. Договорились?

— Договорились, — вздохнул я.

Золото я домой не повез, а вместе с сумкой камуфляжа положил в автоматическую камеру хранения на Курском вокзале. Остальное отвез домой. Но, перед тем как поехать домой, добрался до Игоря и отдал ему базовую радиостанцию для установки в приобретенную «той-оту». В общем, покатался по городу.

Всю дорогу размышлял над реальностью происходящего. По-прежнему искал подвоха, но никак не находил. Во всей этой комбинации я ничего не терял — если только по наводке из банка не придут домой меня грабить. Но сомнительно. В любом случае золото я спрятал, а придут в моем присутствии — отобьюсь. Есть чем. На всякий случай решил последнюю ночь дома не спать. Снять номер в гостинице с охраняемой парковкой, выспаться — и прямо оттуда поехать.

Проблема была в том, что я готовился к переселению в мир, в существование которого я по-прежнему не верил. Все указывало на то, что меня всерьез собираются туда проводить, но... куда? Куда, мать его? Какой еще другой мир? А если не туда, то куда? Дать три дня на сборы, подарить кучу денег и... дальше что? А хрен его знает что. Но если Зимин с компанией не больные на голову, то становится похоже на правду.

Москва. 18 июня 2005 года, 09:55

В субботу утром в городе машин было немного. Я выспался в президентском номере «Мариотт Аврора» на Петровке, не пожалев тысячи восьмисот долларов за номер плюс счет за обслуживание себя и двух девиц из стриптиза, относительно случайно составивших мне компанию. Накануне я сильно не напивался, так что похмельем не

страдал. На ресепшене на меня посмотрели как не знаю на кого, хотя смотреть им по должности положено всегда вежливо.

Я расплатился, спровадил стриптизерш ловить такси, а сам спустился в подземный гараж, где томился мой загруженный сумками «форестер». Петляя и проверяясь, заехал на Курский, забрал сумку из камеры хранения, доволок ее до машины — и рванул на Березовую аллею. Добрался без проблем по свободным улицам.

Перед самыми воротами остановился, огляделся. Вокруг не было ни единой души. Надел наплечную кобуру с парабеллумом, отрегулировал и набросил джинсовую куртку. Вроде порядок. Дробовик и запас патронов к нему и парабеллumu лежали в чехле в багажнике. Вновь тронулся с места и подъехал к воротам. Вышел из машины, позвонил в домофон.

Игорь открыл ворота сам.

— Давай заезжай, — махнул он рукой. — Закатывай прямо в цех, открыто.

Ворота цеха действительно были открыты. Возле шиномонтажного стенда возился виденный мною раньше Саныч, балансируя мощное внедорожное колесо. Пока на засаду все это похоже не было.

Я тормознул возле «тойоты», заглушил мотор, выбрался наружу. Игорь и еще какой-то молодой парнишка в очках зашли в цех, закрыли ворота.

— Андрей, давай, принимай работу, — позвал Игорь.

Я подошел к машине. На крыше торчала немалой длины антенна. Заглянул в салон, убедился, что радиостанция аккуратно установлена на месте магнитолы и вторым блоком ниже, вместо части «бороды». Культурно установлено, аккуратно, все подогнано тщательно. За спинкой заднего сиденья был намертво прикреплен к полу сваренный из толстого металла длинный ящик, закрытый на навесной замок.

Я сел в салон, осмотрелся. Тангента на витом шнуре висела в специальном креплении. На панели были закреплены держатели с зарядниками для карманных радиостанций. Ну ты скажи, как все продумано. Нашлись и крепления под винтовки — на потолке и справа от трансмиссионного тоннеля. Не заказывал, но сделали. Ну и спасибо.

— Вроде все как договаривались, — подвел я итог. — Даже больше.

— Как в аптеке, — гордо заявил Игорь. — Связь мы проверили, коробку выбросили, а руководства на нее с фурнитурой в бардачке. Две канистры с солярой в кузове — подарок фирмы. Бак под пробку, верст на девятьсот тебе хватит. Фото привез?

Я достал из кармана бумажник, вытащил из него маленькую цветную фотографию. Игорь взял ее у меня, протянул парнишке в очках. Посмотрел на меня:

— Как назовешься теперь?

— В смысле? — не понял я.

— А в смысле — новая жизнь у тебя, — пояснил он. — Сейчас Димыч тебе новый документ соорудит, тамошний. Там ты его отдашь тому, кто спросит, и там тебе выдадут уже окончательный. И до твоего настоящего имени там никакого дела нет никому. Хоть Бонапартом назовись, по барабану.

Я озадачился. В общем, мне мое имя жить не мешало, даже вовсе. Но если так...

— Андрей Ярцев, — сказал я, пожав плечами. — Отчество писать не нужно.

— Как скажешь. Димыч, давай.

Димыч взял фотографию и вышел из цеха.

— Можешь вещички в «тойоту» перекидывать, — повернулся ко мне Игорь. — Только правило такое — весь огнестрел складывай в ящик, запирай. Со стволами наперевес на ту сторону не положено. Все понятно?

— Понятней некуда.

— Ключи от замков в замках и торчат, — перешел он на деловой тон. — А от «субары» сюда давай. Запасные взял?

— Взял, держи.

Я отдал Игорю связку ключей и документы на машину.

— От квартиры — Зимину? — спросил я.

— Все равно, можешь мне, — махнул рукой Игорь. — И вообще все, что оставляешь, можешь мне отдать. Я не в курсе, что там надо, но все передам. С собой не увези, главное, а то это уже с концами.

Я отдал Игорю пакет с документами на машину и квартиру, связку ключей:

— Вроде все.

— Ну нормально, — кивнул он. — Давай перегружаться. Про ствол не забудь только. Сейчас не надо, если тебе так спокойней, но у ворот все же убери. Нельзя.

Точно, мне так спокойней. Пусть пока висит, где висел.

Мы с Игорем быстро переложили сумки в огромный багажник пикапа, я прихватил их резиновыми «крабами», чтобы не болтались на ходу. Остатки денег я убрал в карман, сумку с золотом затолкал под сиденье, отсыпав предварительно пару десятков монет в набедренный карман брюк. Мало ли когда они там понадобятся?

— Ну вроде все... — сказал Игорь. — Давай чайку... или пивка? Ждем Димыча с документом и Зимина.

— Давай пивка лучше. Все же вчера перебрал малость.

Здесь я соврал. Тоже малость. Вчера я действительно не сильно пьян был, зато два дня предыдущих прошли как в угаре. Даже и помню не все. И не всех. Так проще было, чем ломать голову над тем,

куда меня собираются запульнуть с золотом и всем барахлом на краденной «тойоте».

— Пивка? Для рывка? — оживился Игорь. — Это запросто. Саньч!

— Чего? — откликнулся продолжавший копаться в углу у верстака Саньч, про которого я уже успел забыть.

— Достань там из холодильника пару пива!

— Какого?

— «Хайнекен». Или тебе «Балтику»? — повернулся ко мне Игорь.

— На хрен «Балтику», — величественно отмахнулся я. — «Хайнекен» пусть будет.

— Неси «Хайнекен».

Саньч побренчал бутылками за холодильной дверцей и подошел к нам с двумя из них, с зелеными этикетками. Игорь взял их у него, ловко скovyрнул пробки ключами от пока еще моей квартиры и протянул одну бутылку мне.

Не успели мы еще допить пиво, как вернулся Димыч. Он протянул мне то, что на первый взгляд показалось кредитной картой. Я взял кусок еще горячего пластика в руки и посмотрел. Действительно похоже на кредитку. Но без магнитной полосы на обороте, а со штрих-кодом. На лицевой стороне карточки была напечатана моя фотография, снизу было написано в две строчки «Андрей Ярцев» и «Andrey Yartsev», еще ниже стояло сегодняшнее число. Над именем, как на кредитке, был шестнадцатизначный номер, разбитый на четыре группы по четыре цифры. В правом верхнем углу имелась радужно переливающаяся голограммка с изображением пирамиды с глазом — точь-в-точь как на обороте однодолларовой купюры. На обратной стороне карты во всю ширину была изображена такая же пирамида в круге.

— Что это? — удивленно спросил я, разглядывая карточку.

— Твой документ, — ответил Игорь. — На хрена нужен — я не в курсе, но говорят, что без такого туда нельзя.

— А что за знак? В масоны меня приняли, что ли? — удивился я, разглядывая.

— Почему в масоны? — не понял он.

— Знак масонский, классика жанра, — постучал я ногтем по теплому пластику. — Глаз на пирамидке.

— Я не в курсе, это уже там объяснят, — пожал он плечами.

Москва. 18 июня 2005 года, 12:03

Зимин пришел вовремя — ровно в полдень. Вошел в цех, поздоровался со всеми за руку.

— Как, Андрей Алексеевич? — с несколько преувеличенной бодростью обратился он ко мне. — Готовы?

— Да вроде как готов, знать бы куда... — усмехнулся я, скрывая мандраж.

— До конца я и сам не знаю, но мне кажется, что вам там самое место.

— Двусмысленно звучит, — хмыкнул я.

— Односмысленно, просто — буквально, — улыбнулся он. — Двинули? — указал он рукой на «тойоту».

Я сел за руль, Зимин обошел машину, сел на пассажирское сиденье.

— Просторно здесь, — с некоторым удивлением сказал он, оглядевшись. — Хорошая машина. Рыбалка там или охота... Ладно, не будем время тянуть. Поехали.

— Далеко? — уточнил я.

— Да рядом совсем, — показал он рукой. — Вон туда, к этому же зданию с обратной стороны.

— Вторая половина цеха? — догадался я.

— Она самая, — подтвердил он. — Подъезжайте к воротам и сигналиньте.

Я завел «тойоту». Холодный дизель затарахтел, по всему кузову прошла вибрация. Я включил первую и плавно тронул машину с места. Игорь открыл нам ворота, и мы выехали в солнечный летний московский полдень. Свернули направо, еще раз направо — и по гравийной дорожке подкатили к таким же воротам, из каких только что выехали.

— Сигналиньте, — скомандовал Зимин.

Я дважды надавил на клаксон. Сигнал Игорь тоже поменял — вместо стандартного бибиканья прозвучало что-то вроде корабельного ревуна, только потише разве что. Ворота дрогнули и начали раздвигаться в стороны.

— Заезжайте сразу направо, — показал рукой мой спутник. — Увидите белую разметку, остановитесь в ней и выходите из машины.

— Понял.

Я закатил машину в полумрак склада, включив фары, свернул резко направо, увидел прямоугольник, ограниченный белыми и как будто даже фосфоресцирующими линиями, и остановился точно в нем.

— Глушите мотор пока, надо еще пару минут поговорить, а вытяжка тут слабая — надымим выхлопом, — сказал Зимин.

Заглушил двигатель, оставил ключи в замке зажигания и вышел из пикапа, оставив дверь открытой. Зимин тоже вышел. Я огляделся.

Помещение было таким же, как и цех за спиной, но ни верстаков, ни шиномонтажа, ни подъемников здесь не было. Было что-то вроде подиума, огороженного леерами, у одной торцевой стены. На подиуме стоял открытый шкаф с несколькими перекидными рубильниками. У ворот была застекленная будка, судя по всему — из бронестекла, в которой сидел мужик в черной униформе с надписью «Охрана» на

спине. Возле него стоял, прислоненный к столу, полуавтоматический дробовик «Сайга-12К».

Сразу перед размеченным прямоугольником начиналась невысокая, сантиметров тридцать, ребристая эстакада, грубо сваренная из стальных листов и швеллеров. Эстакада стыковалась с грубо сваренной роликовой платформой на рельсах, на которой вполне можно было поместить большой грузовик. Рельсы уходили под арку, стоящую неподалеку от задней стены из серого силикатного кирпича.

У стены слева, друг на друге, как обычные складские поддоны, лежал огромный штабель этих самых платформ, а возле них скромно притулился вилочный погрузчик, которым, судя по всему, платформы устанавливались на рельсы. Одноразовые конструкции? А потом их куда?

Арка выглядела ничуть не футуристичней, чем грязноватая кирпичная стена за нею. Здоровая рама, сваренная из листового металла, с какими-то желтыми цилиндрами по наружному периметру. Сама арка была грубо покрашена суриком. На верхней перекладине висел обычный светодиодный светофор, уложенный набок. Разве что подходящие к арке кабели вызывали некоторое уважение, да и то небольшое.

— Не внушает? — угадав мою реакцию, усмехнулся Зимин.

— Не слишком, — честно сознался я. — За бутылку сварили?

— За два ящика, — засмеялся он, и я даже не был уверен, что Зимин не шутит. — Главное, что работает. Впрочем, здесь только портал. Все оборудование во флигеле, несколько человек там еще. Теперь попрошу чуть-чуть внимания. Готовы?

— Готов.

— Тогда даю последние инструкции, — перешел он на деловой тон. — Садитесь в машину, ждете. Я ухожу к стартовому пульту. Загорится красный свет. Возможно, придется немножко подождать. Посидите там, не нервничайте. Загорится желтый — заводитесь. Если что-то случится, не заведетесь вдруг, или еще что — сразу давите на сигнал. Начнем заново. Это не перекресток, зеленого ждать не надо, и вы сразу заезжаете на платформу, пока передние колеса не упрутся в ограничитель. Видите?

Он показал пальцем на поперечную трубу, кривовато приваренную у самого края платформы.

— Вижу, — подтвердил я.

— Прекрасно, — продолжил Зимин. — Глушите двигатель и просто ждете. Загорится зеленый, включится сирена — это начало процесса прохода. Платформа сама поедет вперед. Не бойтесь, не волнуетесь, стараетесь просто замереть. Выглядит — как в кривое зеркало въезжаете. Самое главное: никаких движений, никакой паники, все идет как

надо. Зеркала, которое появится перед вами,— не пугаетесь. Старайтесь даже не шевелиться в кабине и задержите дыхание, пока сами, в смысле ваше тело полностью зеркало не проедет. Это понятно? Нельзя шевелиться.

— Понятно,— кивнул я.

— Портал односторонний. Попробуетесь что-то сделать — встать, выскочить из машины — никто даже не предскажет, что с вами будет. Только вперед, платформа сама идет с нужной скоростью. Портал вам не повредит, все остальное узнаете на той стороне. Там вас встретят и все объяснят, что делать дальше. Повторите, пожалуйста.

— Жду желтого в машине, заезжаю на платформу, глушу мотор. На зеленый с сиреной меня тащит в кривое зеркало, при проезде которого даже не дышу. Меня встретят,— максимально коротко повторил я инструкции.

— Все. Удачи.— Он хлопнул меня по плечу.— По машинам.

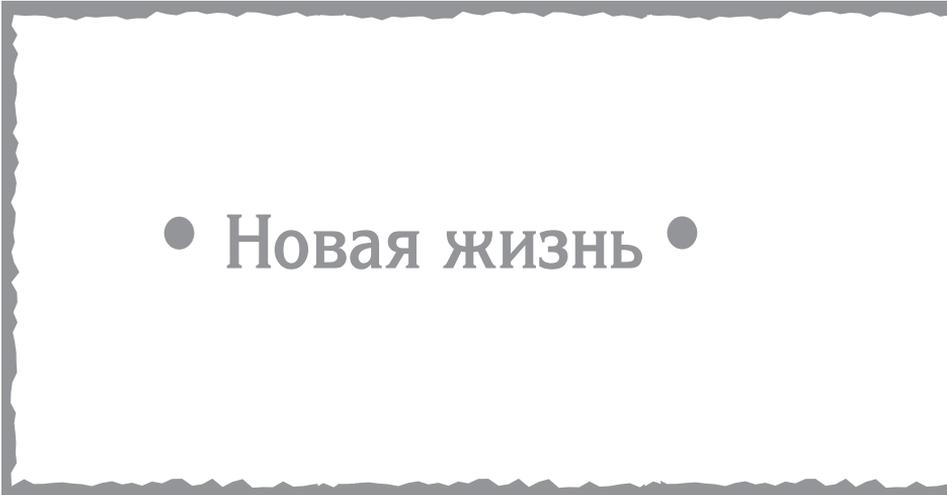
Он направился к подиуму, а я сел в машину. В почти пустом зале было хорошо слышно, как забухало железо под каблуками Зимина, когда он прошел за леера ограждения. Что-то лязгнуло, и возник негромкий шум, как будто включился большой вентилятор. Впрочем, может, это вентилятор и включился. Хотя нет, шум шел от арки. На светофоре вспыхнул красный фонарь.

Ждать желтого пришлось совсем недолго — не больше минуты. Шум усилился и перерос в тонкий, довольно неприятный свист. Светофор загорелся желтым, я завел машину. Снова застучал дизель. Громко, как-то даже нахально, вызывая гуляющее от стены к стене эхо.

«Да куда же я прусь-то, идиот?» — подумалось. Меня бросило в пот, в кровь влетело не меньше литра адреналина, аж в глазах круги пошли. Изображение стены в арке заколебалось, словно там поднимался горячий воздух, только он не поднимался, а собирался к геометрическому центру проема.

Я врубил первую передачу, отпустил сцепление, и тяговитый дизель легко затащил меня на платформу. Машина уперлась в трубу, скрипнув резиной, я заглушил мотор. Желтый горел передо мной как маленькое солнце, звук действовал на нервы, он был как зубная боль в стадии обострения.

Свист ушел куда то в область ультразвука, заставив меня сморщиться, и исчез совсем, сменившись гудением, как от трансформатора. Пром арки на какое-то мгновение прострелило искрами, колеблющаяся поверхность как будто бы подернулась инеем и превратилась в колыхающуюся ртуть. Я увидел отражение фургона, себя за рулем — волнующееся, расплывающееся, двоящееся, разрывающееся на фрагменты и снова сливающееся.

• Новая жизнь •

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
34 число 6 месяца, четверг, 13.00*

Я вернулся вчера, а точнее — сегодня, с отрядом «минитменов», мертвый от усталости. И после «встречи» уснул так, что если бы меня не разбудили, то спал бы, наверное, до сегодняшнего вечера. Или до завтрашнего. Или еще дольше. Спасибо Боните, что такого не случилось. Она даже магазин в двенадцать часов закрыла, чтобы меня разбудить со всей интимной непосредственностью.

Что удивительно, так это то, что я уже и силы восстановил здоровым сном. Обычно утренний кофе варить — моя забота, а тут она сама кофемолкой жужжать пошла. А я просто сзади любовался и налюбоваться не мог. К одежде она дома вообще пренебрежительно относилась, а телом совершенным гордилась и не давала мне забыть, как оно выглядит. А выглядит, как скульптура из светлой бронзы, где над каждым изгибом автор ночей не спал, думая, как его совершенней воплотить. А потом воплотил — и не воплощал уже ничего, потому что такого — не превзойти.

Но все прекрасное рано или поздно заканчивается: приходится возвращаться к делам. Рассказала Бонита, сидя рядом на постели с чашкой и скрестив ноги по-турецки, что приезжал связник. И наш план, как Проход запереть и кубинцев из гор вывести, и через равнину провести, она с ним передала. Если командование даст согласие, то ей телеграмму пришлют, и на следующей неделе он опять заедет. Теперь дело за мной осталось — выяснить, как среагирует мое начальство.

Отказа я не ожидал, если честно. Барабанов не дурак, предложение пройдет через него, и он сможет убедить командира и остальных, дальше, по команде. Да там и убеждать не надо никого — предложение выгодно всем. А вот мне необходимо встретиться здесь с Немцовым, да так, чтобы в городе это видели. Тогда мне, может быть, удастся не засветиться как агенту.

В принципе, если я и засвечусь, ничего страшного не случится, но на всей секретности работы можно будет поставить крест. Здесь ни для кого не секрет, что я с РА сотрудничаю, и друзья у меня там есть,

вопрос совсем в другом: насколько такие друзья держат меня в курсе своих дел? И откуда мне стало известно о кубинских частях за горами, о которых местные жители ни сном ни духом? Только от моей Марии Пилар, которая, получается, водила всех за нос в этом городе. Могут и обидеться, а ей тут жить еще. Нам с ней жить, собственно говоря.

А если все, что планируется с нашей стороны, получится, и выяснится, что кубинцы захватили Дикие острова, то есть выступили против Американских Штатов, — как на это отреагируют местные? Хоть и не слишком у них в чести правительство из Сиона, но и те и другие — американцы. Есть одна идея, как воздействовать на их умы, но нужно сначала обдумать ее хорошенько. Так что в другой раз расскажу.

А сейчас — подъем, пятнадцать минут на утренний туалет, и ускоренным маршем в магазин, работать. Ленивых в этом городе, где всем управляют проповедники, не любят и не уважают.

Через двадцать минут я вытащил из машины немногие, но весьма ценные трофеи и перенес их в мастерскую, разложил на столе для чистки. По товару работы нет, — зато все равно есть чем заняться.

В течение дня люди в магазин заходили и даже что-то покупали. В город сегодня пришли сразу три конвоя из разных мест. Один боец из охраны конвоя, везшего немецкое пиво в Форт-Джексон, хотел заменить свою английскую L85 на что-то более безотказное, и я продал ему АК-101, выкупив взамен нелепое чудо производства компании «Ли-Энфилд» за очень небольшие деньги. Ее я отложил для партии товара, который поедет в Порто-Франко.

Днем, с трех до пяти, наступало полное затишье — все расходились на ланч, и Бонита пошла домой готовить, а я остался в магазине в ожидании команды «К столу!» и быстренько привел английскую винтовку в порядок, почистив, смазав и упаковав в ящик с остальными.

Меня продолжали одолевать дурные и мрачные мысли о моих отношениях со Светланой. Через несколько дней предстояло ехать в Порто-Франко, а это всего в трех часах от Базы «Россия». По местным понятиям — ничего, считай что соседний двор. То, что я веду себя непорядочно, было для меня понятней понятного. С этим надо что-то решать.

То, что Светлана решила так просто не отступать, мне тоже было понятно. В конце концов, она сумела получить доступ к закрытой банковской информации и обнаружить меня по моим денежным операциям. Кстати, а насколько эта информация закрыта? И от кого она закрыта, а от кого не очень? В любом случае девушке с иммиграционным контролем такую информацию по первому требованию предоставить не должны были, так не бывает. Значит, ей кто-то помог, кто имеет доступ соответствующего уровня, или у нее теперь самой такой доступ есть? Повышение? Смена места работы? Насколько я помнил,

она ожидала перевода в конце года на Базу в Порт-Дели, а ничего другого она не говорила. Или просто мне не говорила? Собственно, она мне вообще о себе не очень много рассказывала. Знал я ее близко настолько, чтобы сказать, что у нее есть две маленькие родинки на спине, расположенные одна над другой вдоль позвоночника, что у нее маленький шрам на левом бедре, но не настолько близко, чтобы рассказать, как и откуда она попала в Новую Землю, как жила раньше и почему приняла такое решение — перейти в другой мир.

Я ведь ни на секунду не забывал о «воротах». Если она может получить доступ к одной информации, может быть, у нее есть доступ и к другой? Получается, что я нашел источник информации? Прекрасно, молодец! «Бонд. Джеймс Бонд. На хрен. Пошел на хрен». Соблазнил одну женщину, живет с другой, теперь втихаря от другой переспит с первой и в пылу страсти выведает все самые страшные тайны и обставит врага со всех сторон. А потом уйдет от нее в ночь и ветер, заявив, что его призывает долг, о котором он не может ей ничего рассказать, и оставит ее в любви и слезах. И вернется к другой, сказав, что не может ей рассказать, где был, но это очень, очень важно. Кругом была опасность, а над головой свистели пули. Так получается? Получается, что так. А вот смогу я так? Очень сомневаюсь. Чтобы так уметь, надо было сволочную часть природы тренировать, долго и интенсивно, а у меня все времени не было.

Затем меня отвлекли от грустных мыслей приглашением к столу. Отложил все дела вместе с мыслями — и побежал обедать.

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
34 число 6 месяца, четверг, 18.00*

После обеда и прочего мы вновь открыли магазин. К Боните забежала Джей-Джей, чтобы забрать наш «перенти» в мастерскую с целью написания на капоте новой ящерицы. Посетителей пока не было, и я решил разобраться с оружием, которое привез с собой из рейда. До сих пор мне доставались трофеи, годные лишь для продажи, на мой взгляд. А сейчас впервые попало что-то стоящее, что продавать не хотелось. Два новых «сто четвертых» и такой же новенький, только со склада, «абакан».

Разборка «абакана» — это не «калаш» на части раскидать. К счастью, руководство нашлось среди запасов книг, которые я с собой в ППД захватил, так что справился. Почистил, собрал, приложил пару раз, целясь в стенку. Непривычно немного, но не могу сказать, что совсем неудобно. Магазинов для АК-74 у меня в запасе много, так что с этим проблем не будет. Да и с боя восемь запасных взял, вполне достаточно. Подумал, смонтировал на нем оптику, убрав ПСО-1 и за-

менив его американским АСОГ из магазинных запасов, присоединив через переходник, опять приложился. Только вот магазин с наклоном вправо смущает — странно как-то, с непривычки кажется, что автомат перекосило или он сейчас вывалится.

Взялся чистить «сто четвертые». Они тоже совсем новые — явно недавно с завода, без царапинки пока. Постреляли из них совсем немного. Ничего особого, но порадовали. Пусть кучностью они «сто третьему» и проигрывают, но не слишком — это не «огрызок» АКС-74У, а полноценное оружие, можно сказать — наш ответ М4. А при бое в стесненных условиях, при штурме помещений он у «сто третьего» даже выигрывает. Быстрее целишься с ним, и при переносе огня по фронту увод оружия меньше — центр тяжести к плечу ближе. А если учесть, что в пластиковых чемоданчиках с причиндалами к ним имеется очень добротному глушителю, то актуальность такого трофея вообще очень возрастает. «Вал» меня слишком демаскирует, «сто третий» с ПББС становится слишком длинным, а «сто четвертый» — оружие вполне распространённое и очень удобное для таких случаев.

Надо бы только дозвуковыми патронами УС разжиться, а то у меня ни единой штучки таких нет. Не продаются они коммерчески — не нужны никому, да и не поощряется продажа оружия с глушителями в большинстве краев. Не то чтобы запрещена, а просто... патронов не купишь, например, с собой глушитель носить нельзя и так далее. Считается, что нормальному человеку бесшумное оружие точно не нужно.

Тут сразу три клиента в магазин зашли, и я пошел ими заниматься. Может, еще что-нибудь в кассу перепадет.

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
35 число 6 месяца, пятница, 11.00*

День начался уже привычно. У нас появились свои семейные ритуалы, в которых присутствовал «кофе в постель» в моем исполнении — и «разнообразные радости телесной любви» в обоюдном. Затем спустились вниз, открыли магазин, заодно себе еще по чашечке кофе сварили. Тоже общность душ — оба без кофе жить не можем. Я без трех чашек с утра существовать не могу.

Четверг и пятница вообще были хороши для торговли — трудно сказать, почему так. Народу приходило раза в два больше, чем обычно. С утра продали здоровенный револьвер «кольт-анаконда» калибра .45LC, «длинный кольтовский», с оптическим прицелом к нему — явно в стрелковом клубе друзей потрясать или охотиться. А куда еще с такой артиллерией? Еще один бразильский IMBEL в среднемском состоянии, но с хорошей скидкой, продали какому-то фермеру. Гово-

рит, что вынужден работников нанимать и вооружать их, вот для них и берет.

Затем случился приятный сюрприз — зашел Джеймс Фредерик. Он взялся со своей командой провести конвой от Вако до Нью-Портсмута. Это такой небольшой порт в континентальном анклаве Британского Содружества. И потом перегнать конвой обратно. Заказ был хороший — места в дальних конвоях стоили недешево, и по ходу можно было подбирать временных попутчиков, поэтому такие заказы группы конвойной проводки ценили. Джеймс был не один, а со своей девушкой, Джеки, той самой хохотушкой из Алабама-Сити, которая гуляла с нами по набережной. Джеки пожелала посмотреть мир и преодолела сопротивление Джеймса, пытавшегося убедить ее остаться дома. Встала в колонну на своей «витаре» и отправилась в дальний путь.

Зашли они просто так, поболтать, и в разговоре мы выяснили, что из Аламо они тронутся только в воскресенье, поэтому мы пригласили их на ужин, пообещав в одиннадцать вечера заехать в гостиницу за ними. Кофе мы им тоже сварили, поболтали еще минут пятнадцать, после чего они ушли.

А затем на велосипеде заехал мальчишка с почты и привез мне телеграмму. Признаться, при виде телеграммы у меня сердце упало, но она оказалась из ППД. Даже не из Демидовска, а напрямую из ППД, без всякой конспирации. Впрочем, подписана она была Немцовым, и в ней говорилось, что если я намерен отправиться в Порто-Франко, то могу присоединиться к их конвою, который прибудет вечером в воскресенье и отправится дальше утром вторника.

Я показал телеграмму Марии Боните, после чего она заметно погрузилась. Мы собирались отправиться вдвоем, но она ожидала связного из штаба. Все же на службе *Mi Guara*, как ни крути, как и я. И я рассчитывал на то, что поедем вместе, и тогда саванна или не саванна, засады или не засады, а все равно получится путешествие — романтичней некуда. Но вышло все наоборот: «Дан приказ: ему на запад, ей — в другую сторону!» Разве что, в отличие от гимна комсомольцев-добровольцев, она никуда не ехала, а я направлялся прямо на восток.

Чем больше я думал о наших с Марией Пилар отношениях, тем больше понимал, что я нуждаюсь в ней постоянно и ежеминутно. Я не мог пройти мимо нее, чтобы не прикоснуться, не мог не слышать ее голоса — слава богу, как все женщины испаноязычных народов, молчать больше пятнадцати секунд она не умела, — не мог не ощущать ее рядом. И когда я говорю «ощущать», я действительно имею в виду именно это. Я кожей, душой и всем своим естеством чувствую, что она рядом, что я могу прямо сейчас встать, подойти к ней и поцеловать ее, погладить по гриве невероятно густых, блестящих волос, затынутых в хвост, могу заглянуть в глаза. И знаю, что она мне ответит, что не оста-

нется равнодушной, и нет ничего на свете, что могло бы ей помешать выразить ответное чувство, показать свою любовь.

Она буквально обволакивала меня, растворяла меня и все вокруг в самой себе. Да, я люблю ее, и я чувствую любовь ответную, ничуть не меньшую. А может, даже и большую, если только такое возможно на этом свете или том, другом. Я никогда не испытывал раньше ничего подобного и не думал и не мечтал, что когда-либо испытаю. В моей жизни в том мире было много женщин, возможно, даже слишком. Но ни одна из них не могла пробиться через оболочку, удерживающую все мои чувства внутри меня, не дающую им развиваться, воплотиться во что-то настоящее. Они появлялись в моей жизни и исчезали, не оставляя за собой никакого следа в моей душе. Я не думал о них, расставшись, не вспоминал. Теперь же пришла та, которая одним своим появлением изменила меня, заставила мучиться и страдать рядом с собой, самим фактом своей близости и недоступности одновременно, заставила измениться, измениться так, как больше человек измениться не может — она научила меня любить.

Собираясь ехать с ней вместе в Порто-Франко, я даже не должен был беспокоиться о том, что она вдруг может стать обузой — она уже не раз показала, что в бою стоит многого. Она мне была и женой, хоть мы еще и не поженились, и другом, и напарником в бою, и вообще всем на свете. Тем, что заставляет тебя всегда думать о будущем, начиная каждую мысль со слова «мы» вместо «я», смотреть на вещи через призму не только своего, но и ее восприятия мира, и всегда и отовсюду стремиться вернуться к ней и биться за то, чтобы ни на секунду не расставаться. И не приведи бог чему-то или кому-то встать между нами, попытаться лишить меня той, что забрала половину моей души, оставив взамен половину своей.

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
35 число 6 месяца, пятница, 23.20*

Мы закрыли магазин в девять вечера, неплохо за день поторговав. Я сложил три персональных чека в конверт, чтобы сходить с ними в банк в понедельник, и следом сунул тысячу триста эки наличными — для того чтобы внести на счет. Затем мы быстро убрались в помещении, а я привел в порядок мастерскую — пришлось монтировать одному покупателю имевшийся у него раньше оптический прицел на неподходящую к нему винтовку, меняя стандартные кольца на новые, большего диаметра.

За Джеймсом и Джеки мы должны были захватить лишь в одиннадцать — это двадцать шесть ноль-ноль по местному времени, позволю себе напомнить, — поэтому у нас оставалось время на кофе, отдых и

доступные развлечения дома. Без двадцати одиннадцать мы собрались на выход, и я прихватил с собой «абакан» в чехле с пятью запасными магазинами и М21 с запасом патронов. Решил сравнить: любопытство просто разобрало.

Джеки и Джеймс остановились в той самой гостинице, где в свое время я прожил две ночи. За стойкой была все та же толстуха, которая нас очень приветливо встретила, поставила перед нами по стакану минеральной воды со льдом и протянула трубку телефона.

Джеймс спустился через полминуты, а Джеки задерживалась. Со слов Джеймса получалось, что если Джеки сделает что-нибудь вовремя, то он заподозрит, что это не она, а потерявшаяся в детстве ее сестра-близнец. Хотя на этот раз, все с его же слов, она задержалась не слишком, спустившись вниз через каких-то пятнадцать минут. Все было в сборе и вместе вышли к машине.

Джеки впервые оказалась в Аламо, поэтому мы провезли их довольно извилистым путем, давая рассмотреть городок, общее впечатление от которого у нее вылилось во фразу: «Здесь вестерны не снимают?» Мое первое впечатление было совершенно аналогичным. Теперь привык уже, воспринимаю нормально.

В клубе собралось изрядно народу, но достоинством карточки ассоциированного члена была возможность занять столик из резерва. Нас встретил сам Рой Питерсон, проводил к столику. Показав на два оружейных чехла у меня в руках, поинтересовался — не ожидается ли чего-нибудь интересного? Я сказал, что не знаю, будет ли это интересным, скорее взяли новое оружие для испытаний. Питерсон сказал, что любит все новое, и просил его позвать посмотреть, когда дойдет до дела. Мы пообещали. Жалко нам, что ли?

Джеймс уже бывал в этом клубе раньше, но для Джеки, которая прожила в Новой Земле меньше года, а в прошлой жизни училась в университете Джорджии на отделении изящных искусств, место, настолько посвященное стрельбе и оружию, было в диковинку. Джеймс даже подвел ее к голове каменного варана, убитого и освежеванного Марией Пилар Родригез. Джеки потрогала жуткие зубы, сказала, что выглядит тварь ужасно. Действительно страшноватая животина, в этом я с ней тоже был согласен.

Они вернулись за стол, и Джеки рассказала, что напросилась в поездку с Джеймсом, чтобы порисовать. Она много рисует и даже устроила две маленькие выставки в Алабама-Сити, с местными пейзажами и портретами знакомых. Сейчас она надеется найти еще нескольких художников в этом мире и попробовать организовать передвижную выставку, вновь приучая людей Новой Земли не только бороться за существование, но и вспоминать иногда, что существуют и другие вещи на свете.

Не уверен, что в Аламо это работает: здесь самым прекрасным почитали револьвер и столь с ним не сочетавшиеся стейк и любовь во Христе. А единственной картиной в городе можно было считать витраж с распятием, расположенный за кафедрой преподобного в городской церкви.

Вообще искусство в этом мире находилось в зачаточном состоянии. Фильмы, которые крутили по местному телевидению и которые можно было купить на дисках, — все попадали сюда из-за «ворот», причем совершенно пиратскими. Местными были только новости и репортажи о соревнованиях, львиную долю которых транслировали или продавали в записях дельцы из Нью-Рино. Еще в Нью-Рино снимали порно, и не знаю, следовало ли гордиться таким фактом, но эти фильмы и были первой ласточкой новоземельного кинематографа. Символично, вам не кажется?

Книги тоже были в основном из Старого Света, разве что напечатаны в местных типографиях. Но читали здесь больше, особенно дети, по сравнению с тем, сколько читают дети Старого Света. Не было на местных телевизионных каналах ни тупых бесконечных мультфильмов про супергероев, ни мыльных опер. Как бы то ни было, Джеки решила приобщить этот суровый мир к разумному, доброму, вечному, за что уже следовало сказать ей «спасибо».

После довольно продолжительного ужина я предложил прерваться на некоторое время, сказав, что до того, как я опьянею, хотел бы продемонстрировать Марии Боните новое оружие. Джеймс тоже изъявил желание посмотреть, но нас и его больше поразило то, что с нами пошла и Джеки — от нее такого не ожидали, а ведь от постоянно доносившихся со стрельбища выстрелов она морщилась.

Я попросил подождать пару минут, подошел к Рою Питерсону и попросил у него возможности выйти на поле на пару минут, и так, чтобы меня не пристрелили при этом.

Рой остановил стрельбу, и я довольно быстро сложил из кирпичей пару небольших штабелей на стоярдовой отметке. Кирпичей здесь было много — их использовали для разных трюков, и целые их штабели лежали вдоль забора. Пока я возился с мишенями, Мария Пилар и наши спутники пришли на стрельбище, принеся чехлы с оружием.

— Mi Amor, давай сделаем так: ты берешь себе мишень слева, а я — справа. У тебя двадцать патронов в магазине. У меня... — выщелкнул я из магазина десяток патронов, — тоже двадцать. Задача — уничтожить свой штабель. Готова?

— Готова, — пожалала она плечами.

— Ты начинаешь, я стреляю вторым.

Мы заняли два мата, Бонита прицелилась. Затем захлопали частые выстрелы. От кирпичей летели крошка и куски, примерно после

десяти выстрелов штабель перестал существовать. Я намеренно взял именно мощную M21, а не ее собственный FNC — для наглядности, да и самому себе показать преимущества хитрой системы «абакана».

— Доволен? — с некоторым вызовом спросила Мария Пилар.

Чего тут спорить? Ловко она расколотила кирпичи, причем стреляла не наобум, а с толком — так, чтобы разнести все вдребезги максимально эффективно.

— Вполне, — кивнул я. — Теперь моя очередь.

Я взял «абакан», прицелился в середину штабеля. Только бы не обмануться в ожиданиях... Переводчик стоял на «двойке», то есть очереди из двух выстрелов, которые производились с частотой 1800 в секунду. Получалось, что две пули подряд всегда попадали почти в одну точку на таком расстоянии. Нажал на спуск. Середина штабеля почти испарилась, превратившись в облако пыли. Сзади загомонили зрители. Взял прицел пониже, еще выпустил очередь, затем еще. Штабель практически превратился в крошку. Все.

— Ну как? — спросил я у Марии Пилар.

— Очень впечатляет, — кивнула она задумчиво. — Я знаю, как это действует, но никогда не видела в реальности.

— Вообще-то у меня была мысль отдать тебе эту игрушку вместо твоей бельгийской винтовки. Она по надежности не хуже, насколько я знаю, а вот результат стрельбы... В магазине пятнадцать таких двойных выстрелов.

— Мне надо попробовать.

Я отсоединил магазин от автомата, втолкнул в него десять выброшенных ранее патронов.

— Я взял еще четыре магазина. Играй на здоровье.

Я оглянулся и увидел, что нас окружили все стрелявшие здесь. Все новое всегда и везде вызывает любопытство, и Стрелковый клуб Аламо вовсе не исключение. Подошел Рой Питерсон.

— Очень, очень серьезно выглядит, — сказал он, показав на развалившиеся кирпичи. — Это «абакан», насколько я понимаю?

— Именно он, — подтвердил я.

— К нам пока они не попадали, только видели у русских, — с оттенком сожаления сказал Питерсон. — Их пока немного, насколько я понимаю. В этих местах они очень хороши, с таким эффектом можно свалить гиену с одного выстрела.

— Хм... надо проверить, — озадачился я после такого заявления. — О гиенах я пока не думал.

— На вас нападали здесь животные? — поинтересовался Питерсон.

— Всерьез — нет, — ответил я честно.

— Значит, все впереди, — усмехнулся собеседник. — Гиена или каменный варан могут быть опасней любой банды. Их сложно убить, а

они могут убить легко. На группы людей не нападают, а вот если придется идти по саванне одному или ночевать, даже в машине, — следует быть настороже. Тот же каменный варан — агрессивная и быстрая тварь, и его чертовски трудно вовремя заметить.

— Вы охотитесь? — спросил я главного местного стрелка.

— Иногда, — кивнул он. — Здесь хорошая охота — лучше африканской. Но в ней меньше спорта и больше заботы о добыче хорошего мяса, поэтому и охотимся в основном на рогачей и антилоп. И на гиен, как спорт.

— А каменный варан? — заинтересовался я.

— Они больше в горах, а горы здесь опасны, труднопроходимы и малоизучены. Поэтому мы туда нечасто ходим. Да и нечего нам там делать. А в сезон дождей они выбираются на равнину и вообще могут забраться куда угодно. Фермеры их у себя в загонах для скота регулярно обнаруживали.

— А свинки опасны? — спросил я. — Я с ними столкнулся, и они атаквали, но их спровоцировали. А при нормальных обстоятельствах?

— Для пешего, и в саванне — безусловно, — подтвердил Питерсон. — Чертовски опасны. Если увидят кого-то подходящего размера, они расценивают это как добычу. И в сезон дождей становятся агрессивней. Подходят к фермам, атакуют скот, случается, что и на людей нападают. Змей еще много здесь. Если увидите длинную песочного цвета змею без рисунка с прямоугольной головой — держитесь подальше, она очень ядовита. Умрете за несколько минут.

— Понятно, — кивнул я. — Мне уже приходилось здесь стрелять, но все больше в людей.

— Да, людей, которые хуже животных, здесь тоже много, — сказал Питерсон. — Очень много всякой дряни попадает сюда через «ворота». Вы никогда не слышали о банде Сэнди?

— Нет, не довелось, — ответил я.

— Это у нас в Техасе было, — начал рассказывать владелец клуба. — Завелась банда в штате, но не такая, как те, кто приходит с гор. Латиноамериканцы просто грабят, зарабатывают на жизнь. Они конченные подонки, разумеется, но вместе с тем они нам понятны — обычные разбойники. А эти напали на фермы, убивали, резали, насиловали, зверствовали невероятно. Для удовольствия. Объявили на них законную охоту по всей территории, засекали, гнали неделю — от всех городов, по всем направлениям. Тысячи людей участвовали в облаве. Зажали у реки, двоих убили и двоих взяли. Оказалось, что все они были приговорены к смерти в Старом Свете. Но затем их забрали из «коридора смертников», привезли к «воротам», дали по тысяче экую и забросили сюда. Не объясняя ничего. Они кое-как добрались до Техаса, а

потом взялись за старое, причем гораздо хуже, чем в той жизни. Там каждый был сам по себе убийца, а тут им помогли объединиться в банду. Кто это сделал, зачем? Никто так и не понял.

— Банда русских, фальшивый «конвой» — точно такие же были, — внес я свою лепту. — Три месяца как здесь. Забрали прямо из тюрьмы и забросили сюда. Правда, с этими известно, кто их сюда звал. Звали усилить другую банду. Но ведь те, кто их отправил, должны были думать?

— У Ордена девиз: «Каждый имеет право на новую жизнь». Им можно многое прикрыть и объяснить, — сказал Питерсон.

Джеймс сначала молча стоял с нами, но затем тоже вступил в разговор:

— Я со своими ребятами несколько раз участвовал в таких охотах, как на банду Сэнди, — сказал он. — Меня часто привлекают, я в прошлой жизни служил в команде SWAT отделения Бюро в штате Миссисипи. И почти каждый раз оказывалось, что это какие-то последние ублюдки из Старого Света. Даже маньяка отловили однажды. Жил фермером, похищал девочек, что с ними делал — даже рассказывать не хочу. Когда взяли его, то привезли в Форт-Ли. А там, в управлении шерифа, работал один парень, бывший «фед» из отделения Бюро в Атланте, Джорджия. И он его узнал — за ним там гонялись три года, поймали, заперли, и он ждал суда. А оказался здесь.

— Похоже, что Ордену это нужно зачем-то, — сказал я.

— Да, очень похоже, — ответил Рой. — Только зачем?

— Держать нас в форме? Или социальный эксперимент?

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
37 число 6 месяца, воскресенье, 21.40*

Вечером должен был прибыть конвой под командой Немцова, а уже послезавтра, рано утром, я должен был к нему присоединиться и отправиться в Порто-Франко. У нас оставалось всего два дня от нашего импровизированного медового месяца, и мы старались воспользоваться ими настолько, насколько позволяли силы.

После очередного невероятно позднего завтрака мы пошли на пляж. Да, в Аламо был пляж, и даже с двумя маленькими ресторанчиками на нем. Вместо песка там была мелкая галька, которую со стороны гор несла прозрачная речушка, но лежать на ней было приятно. Вода не успевала окончательно нагреваться за то время, пока речка бежала по равнине, была прохладной, даже холодной, но солнце палило милосердно, и такая вода была очень хороша. Она была настолько чиста и прозрачна, что ее можно было пить, и в городе много раз проводили анализы ее состава, чтобы только лишний раз в этом убе-

даться. Не укладывалось в человеческом мозгу, что можно пить воду просто из речки, — вот и проверяли постоянно.

Обедали мы тоже на пляже, в крошечном ресторанчике «Dave's», ели очень вкусную и даже не слишком костистую речную рыбу, которой здесь было великое множество, пили пиво и вообще сибаритствовали. На пляже было много людей — наверное, половина города. Игнали и кричали дети, загорали их родители, и вообще там было как на любом другом пляже в небольшом провинциальном городке в Старом Свете.

Немцова с компанией мы решили пригласить к себе и устроить шашлыки. Почетную обязанность готовки я взял на себя, и мы с пляжа поехали к местному мяснику, который оказался дома, и уломали его открыть лавку и продать нам большую свиную лопатку — килограмма на четыре: восемь фунтов на его весах. Все остальное дома было, и я, конфисковав кастрюлю, вылил туда бутылку белого сухого вина, разбавленного почти пополам водой, немножко бренди, выдавил два лимона, которые тоже здесь стали выращивать, порезал и побросал туда то, что от лимонов осталось, пару больших ложек сахара, нарезал две луковицы, насыпал красного жгучего перца, потом высыпал туда мясо, тщательно переминал это все минут десять — и оставил мариноваться.

Примерно через час по местному радио объявили, что конвой, идущий из русской базы в Порто-Франко, подходит к городу, и те, кому он нужен, могут его встретить в обычном месте. Мне он был нужен, и я вышел на улицу, завел машину и поехал встречать Немцова.

Прождать на площадке мне пришлось около пятнадцати минут. Встречать конвой приехало с десятков человек, которые сидели в машинах и на квадроциклах, разговаривая и поглядывая в сторону подъездной дороги. Наконец появились столбы пыли, показался «бардак», за ним, в отдалении, пылил еще один, следом — БТР, а потом возникли грузовики, наши «уралы», КамАЗы и американские М109. Замыкали конвой два вооруженных бронетранспортерными башнями «водника» с егерскими эмблемами на бортах и еще один БТР — тот же, что и раньше. Только вот «водники» добавились, раньше их не было. Еще в колонне шел средней длины «унимог» со светло-серой кабиной и кузовом с тентом.

Конвой организованно втянулся на площадь, затем американские грузовики отделились от русских и, сопровождаемые встречающими, поехали по своим адресам. Русская часть колонны была снова встречена парнем на квадроцикле и в «стетсоне», который повел ее за собой на огороженную стоянку, а я поехал следом за ними. Колонна заехала в ворота, а я остался снаружи, ожидая, когда все снимут снаряжение,

разберут свои вещи, которые уносят с собой со стоянки, и выйдут в ворота.

Через пять минут из ворот начали выходить солдаты — все знакомые по прошлому рейсу. Мы здоровались, пожимали руки. Затем появились Немцов, Владимирский и Быхов, а с ними — лейтенант Сова из разведбата, на поверку оказавшийся Сергеем, за которым боец тащил ящик дзвучковых патронов УС, какие я просил. Я очень обрадовался тому, что и Михаил пришел с конвоем, хотя и предполагал это. Рассадил всех в «перенти» и повез к отелю, чтобы дать возможность помыться и переодеться с дороги. Предупредил, чтобы не вздумали жрать, потому что шашлык уже замаринован, мангал готов: мангал с шампурами я у Джо в мастерской на второй день после приезда в Аламо заказал, потому как жить в своем доме без мангала — себя не уважать, а на каких-нибудь местных барбекю шашлык настоящий не стоговишь, — дрова лежат рядом, знай пережигай в уголь и жарь мясо. И ящик пива имеется, и бурбон «Одинокая звезда». Идее о шашлыках все обрадовались неимоверно и, кажется, даже больше стали уважать. За сообразительность, наверное, и вообще.

Я сдал гостей все той же упитанной даме в отеле, которая уже считала меня своим приятелем и сразу налила два бокала пива — себе и мне, и с которой мы следующие двадцать минут обсуждали события в Углу. Затем по очереди спустились мои гости, я попрощался с хозяйкой отеля и повез всех домой.

А дальше мы уселись на заднем дворе. Я активно взялся пережигать дрова в уголь, припахав Владимирского насаживать мясо на шампуры под моим контролем. Мария Бонита раздала всем пиво, но Немцов с Быховым сразу предпочли «Одинокую звезду», которой оба были большие любители. Затем заехали Джо с Джей-Джей, подсели к столу. Джей-Джей взяла себе пиво, а Джо, поглядев на своих приятелей, тоже налил себе виски.

Сергей Сова сидел тихо, в разговорах участвовал мало. Поэтому я был сильно удивлен, когда Бонита хлопнула меня по плечу и показала глазами на нашего молчаливого лейтенанта. Он уединился с Джей-Джей в углу двора и развлекал девушку беседой, причем так успешно, что та улыбалась до ушей, и по ее лицу было видно, что собеседник ей крайне симпатичен. Наверное, я был раньше неправ, думая, что у нее наклонности не такие.

Вскоре шашлык, который я все время заботливо переворачивал, увлажнял раствором уксуса «бальзамико» и перетасовывал над мангалом, был готов, и я схватил шесть шампуров, потащил их к столу, водрузил на блюдо. Собрался было вернуться к мангалу за следующими, но за мной уже стояли Джей-Джей с Сергеем, державшие в руках все остальное.

А дальше началось то действие, что у нас обычно «шашлыками» и называют. То есть все пили — кто пиво, кто крепче, — рвали зубами мясо под острым соусом, смеялись, болтали, Джей-Джей с Сергеем сидели уже чуть не в обнимку.

Пока народ веселился, мы отошли с Владимирским в сторонку.

— Я так понимаю, что Барабанов тебя с поручением заслал? — спросил я его.

— Да. Здесь вся необходимая информация, можешь прочитать.

Он незаметно сунул мне флэшку.

— Теперь основное: твое предложение по выходу кубинцев принято, — продолжил он. — Поговорить с местным руководством придет кто-то от нас и от кубинцев. Вам не стоит слишком светиться с такими связями. Дали знать кому нужно, и достаточно. Легенда такая: кубинские части были сформированы нами в тылу бандитских земель из наших кубинских союзников с целью недопущения объединения банд и противодействия им на их же территории. Тайная операция была, и все тут. Сейчас ситуация меняется, и мы вынуждены их отозвать, а на прощание намерены максимально обезопасить тех, кого они раньше фактически прикрывали. В общем, официально открываем информацию об операции. Для вас не стопроцентное прикрытие, но лучше, чем ничего. Да и шуму будет много, о вас и не вспомнят.

— А для вас? — спросил я, усмехнувшись.

— Для нас тоже сплошные плюсы — техасцы будут знать, что кругом нам обязаны своим спокойствием, а заодно будут потрясены нашей предусмотрительностью, которой и в помине не было, — уверенно заявил Михаил.

Я подумал, что зря я тогда сказал Джо, что попытаюсь что-то сделать. Так себе агент из меня, если честно. Конспиратор тот еще. Все надо делать молча. Эх, губит нас дилетантство, губит. Пора уже ума набираться.

— Теперь по поводу Порто-Франко, — продолжал Михаил. — К тебе придут двое помощников. Один встретит тебя там, он кубинец, зовут Рауль, представится как Раулито. Найдет тебя в мотеле «Арат». Скажет, что приехал из Кадиза по рекомендации Карлоса Нуньеза. Такой Нуньез там на самом деле существует, рулит оружейным магазином возле порта, наш человек. Кубинец, если точнее.

— А кто этот Рауль по профилю? — уточнил я.

— Подрывник, электронщик и механик, редкий специалист, да и вообще толковый мужик, здесь уже достаточно давно, — ответил Михаил. — Второго нужно будет встретить на Базе «Россия», его ожидаем приблизительно в следующий вторник, который через неделю. Приблизительно: канал — штука неровная, бывают сбои.

— Я вроде по плану прошел в «ворота», — сказал я.

— Просто повезло, — пожал плечами Владимирский. — Бывает, что по несколько дней ждут. В общем, прибудет во вторник или позже. Лучше всего, если ты его там встретишь. Его здесь никто не знает еще, зовут Дмитрием, служил на Тихоокеанском флоте, старлей, спецназ тамошний в прошлом. Неплохо знает английский. Вооружи его, помоги освоиться и возьми на работу. Будет твоим помощником в Порто-Франко, парень очень толковый, специально в Старом Свете подобрали для тебя, как силовика. Ну и боец соответственный: в подводных диверсантах лохов не держат. Машину для Порто-Франко вам прислали, «унимог», ты видел в колонне. Гурченко лично подбирал — отвечает за каждый болтик. Ребята подгонят ее там на стоянку к мотелю, а дальше уже разберешься. На словах — все, остальное в письменном виде, полагаю.

— А тебя зачем прислали? — спросил я.

— Не только меня, — покачал он головой. — Сову и еще восемь бойцов в придачу. Буду здесь работать с Силаевым, если удастся — увезем его и второго пленного в ППД: Палыч со всей контрразведкой по ним слезами обливается. Попытаемся договориться с местной властью. Мы на «водниках» отделяемся от конвоя.

— Понятно, — сказал я, кивнув. — То-то, смотрю, прибавилось бортов.

— Вот нас и прибавили, временно.

Да, судьба что дышло — как повернул, так и вышло. Придется мне со Светланой объясняться — с глазу на глаз и в глаза глядя. Не скроешься за телеграммками. Сам не шел к ней, так начальство в бесконечной мудрости своей приказало. И никуда не денешься.

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо. 22 год,
39 число 6 месяца, вторник, 07.20*

В семь утра я присоединился к конвою Немцова, получил место в колонне — и встал сразу за головным БТР. «Перенти» снова был загружен, «сто третий» лежал в предназначенном для него месте справа от меня, «вал» упрятан в тайник в борту. Больше ничего не брал — все равно с колонной иду. Разве что пулемет, который теперь безотлучно жил при этой машине, лежал сзади вместе с лентами, завернутый в брезент. Ну и для прибывающего человека оружие прихватил: не там же ему покупать?

«Унимог» стоял в колонне следом за мной. Не слишком новый, но и не старый, средняя по длине версия серии 400. В кузове у него были дополнительные баки на кронштейнах, которые можно демонтировать, если требуется увеличить полезный объем и грузоподъемность. То, что нужно. Надо бы и к «перенти» такие заказать, смонтировать

под задними сиденьями — литров на двести примерно. Тогда хоть в кругосветку. Ничего ведь сложного в них нет. В основной бак устанавливается штуцер, к которому подведен шланг из дополнительного бака. На штуцере клапан для стравливания воздуха, чтобы давление в главном баке не повышалось, и слабенький электронасос, который лишь помогает подкачивать идущее самотеком топливо. И так, по мере необходимости, можешь прямо на ходу подливать солярку из запасного бака в основной, как из канистры: просто вместо возни рычажок переключает. Жрет трехосный «перенти» с грузом под двадцать пять литров солярки на сто километров, если по проселку, и это дало бы дополнительных восемьсот километров. Немало, кстати: день пути.

Раньше надо было думать, Джо такие баки под любую модель делает. Даже Джей-Джей умеет. А теперь поздно жалеть.

Вообще, как я уже говорил, путешествие с конвоем располагает к размышлениям. Тем более в конвое с опытной и хорошо вооруженной охраной. Когда не надо даже на езде особо сосредотачиваться — все равно тебя ведут, и никаких занятий, кроме как целого дня неторопливой езды, тебя не ожидает, сознание начинает занимать себя отвлеченными или, наоборот, сугубо практическими мыслями.

С каждой поездкой окружающий мир становился все привычней, и если раньше ты глазел во все стороны, как на передачу «В мире животных», то теперь он больше ассоциировался с пейзажем за окном купе, когда сменяют друг друга стрелки, станции, полустанки, леса, поля, а ты читаешь себе книгу и лишь изредка поглядываешь в окно — мол, а где это мы уже?

Путь из Аламо в Порто-Франко при нормальном темпе занимал пять дней, с четырьмя ночными привалами в саванне, так что передумать можно было много. Сиди себе на заднице и думай все это время, только прерывайся на то, чтобы еще один сухпай вскрыть и слопать. И запас воды не забывать пополнять — все равно два раза будем на попутные заправки заезжать в крошечные поселки, больше похожие на опорные пункты, где люди живут, заправляя и обслуживая конвои и занимаясь перевалкой небольших партий грузов. Скука смертная в таких поселках жить, наверное. Живет полсотни человек, из которых половина на посту, а вторая смотрит на дорогу и думает: когда к ним конвой заглянет? Есть там универсальный магазинчик, где можно купить все, что угодно — от еды до патронов, — и есть заправка, где можно долить бензина или солярки. И все. Пара небольших складов, пара ветряков, вращающих генераторы в целях экономии топлива, благо ветры в саванне постоянные, да десятка три домиков, построенных из кирпичика местной выделки и расположенных по кругу, образуя мощными задними стенами что-то вроде крепостной стены. Вокруг этих стен ветер несет пыль, шевелит волнами траву в саванне, и по всей

равнине пасутся стада, которым нет никакого дела до странной возни откуда-то появившихся здесь людей.

Случалось, иногда на такие поселки налетали банды, но случай захвата в истории сохранился всего один, потому что укреплены они были неплохо, а сносить все под корень из тяжелого оружия никто не собирался — какой же тогда грабеж? Только бессмысленная порча имущества.

Конвой заезжал на пыльную стоянку, заправлялся, путешественники быстро забежали в магазин, покупали что нужно, заливали воду, некоторые и не покупали ничего, а просто бродили между стеллажами с товарами, чтобы размять ноги. Затем подавалась команда к отправлению, и конвой уезжал, оставляя жителей поселка наедине с саванной. Лишь изредка кто-то из конвоя оставался в таком поселке — из-за технической проблемы или потому, что изменились планы, и становился общим гостем, для всех желанным, потому что он мог рассказать жителям, что происходит в мире, на Дороге, и как вообще живут люди.

Вот в такие поселки и заходила на заправку наша колонна, и я тоже заглядывал в маленькие магазинчики, чтобы наполнить канистру свежей водой и купить упакованные сэндвичи и ментоловые леденцы, хорошо отбивающие жажду в пути, а то если будешь пить все время — по кустам не набегаешься. Потом мы вновь уходили на Дорогу, и поселок оставался за спиной, быстро скрываясь за неровностями пейзажа.

По ночам мы останавливались на специальных площадках для ночевки. Это были удачно выбранные места на расстоянии дневного перехода друг от друга, с хорошим обзором и достаточно укрытыми стоянками. Такие места были выбраны тутошними «караван-баши» уже давно, и останавливались на них все конвои, из года в год. Каждый конвой традиционно что-то добавлял к благоустройству стоянок — углублялись ли окопы на холмиках для дозоров, притаскивались ли дополнительно колючие кусты, ограждавшие площадку от зверей, обновлялись ли укрытия для бронетехники. Каждый конвой обязательно вез с собой связки дров, которые на манер фашин были приторочены к броне или лежали в кузовах, потому что саванна не была изобильна деревом, а сухие кусты сторали в кострах мгновенно, давая яркий свет и быстротечное тепло. Излишки дров оставлялись на привалах, и постепенно на многих площадках скопились целые поленицы.

Нападений на конвои на стоянках почти никогда не случалось, потому что места были выбраны удобные не только для обороны, но и для обнаружения противника на подходе, а саму стоянку в обязательном порядке проверяли на наличие мин и прочих безобразий. Позиции располагались разумно, секторы огня выверялись годами, и, несмотря на кажущуюся неказистость, каждая такая площадка через не-

сколько минут после захода на нее колонны превращалась в настоящий опорный пункт. Проще было атаковать колонны на марше.

Иногда на таких площадках встречались попутные или встречные конвои, люди смешивались у костров, делились новостями, а иногда, при совпадении интересов, заключались сделки и происходил обмен товаров.

Люди ночевали и в машинах, как чаще предпочитали делать торговцы и перевозчики, и в маленьких одноместных и двухместных палатках, как делали военные. Эти палатки представляли собой настоящие шедевры палаточного дизайна. Они были крепко пошиты, устанавливались за минуту, закрывались противомоскитными пологам, а дно их заворачивалось вверх примерно на двадцать сантиметров от земли и представляло собой настоящего ежа из длинных пластиковых иголок с обоих торцов, что надежно защищало палатку от заполнения как насекомых, так и змей. Идея этой конструкции пришла от волосяных веревок, которыми в пампе патагонские пастухи-бакеры окружали свои биваки и через которые ни змеи, ни насекомые не перебирались.

Я ночевал в машине, разворачивая с каркаса для тента во все стороны противомоскитную сетку, потому что ночью на огонь костров из саванны прилетало множество насекомых, не всегда при этом безобидных. Прямо на ящики с оружием я набрасывал надувной матрас на жесткой пластиковой основе — один из тех, которые были очень популярны среди путешественников, позволяя соорудить постели на самых неровных поверхностях, изобилующих острыми углами. Сверху бросал спальный мешок и забирался в него, не застегиваясь, а просто накрываясь. Было тепло, мухи за сеткой не кусали, а воздух был таким свежим, что я с ужасом представлял, что было бы, если бы судьба забросила меня обратно в Москву, — задохнулся бы от выхлопных газов, наверное.

На одной из таких стоянок я с тремя бойцами потратил немного времени на то, чтобы перегрузить товар с «перенти» на «унимог», справедливо рассудив, что если этот грузовик уже принадлежит нашему магазину, то пусть и выполняет присущие ему грузовые функции. Тем более что мне предстояло ехать из Порто-Франко на Базу «Россия», и перегружаться все равно бы пришлось, но делать уже это самостоятельно, то есть в одиночку, что намного хуже.

Так конвой и шел, нападений не было, разве что пару раз замечали на возвышенностях каких-то наблюдателей с биноклями, но те никаких враждебных действий не предпринимали, — ну, их тоже соответственно не трогали.

Как и планировали, на исходе пятого дня колонна появилась в прямой видимости с блоков вокруг Порто-Франко, ее зарегистриро-

вали на въезде, опечатали оружие, что заняло не так уж много времени, после чего пропустили, завернув бронетехнику на отдельную стоянку, а грузовики отправили на большие парковки к порту и железнодорожной станции. Я же, как едущий по своим делам, поехал к уже знакомому мотелю «Арарат», а за мной следом катил груженный «уни-мог», а уже за ним — мотоцикл с еще одним солдатом, который должен был увезти обратно водителя грузовика. Целая процессия.

*Территория Ордена, г. Порто-Франко. 22 год,
2 число 7 месяца, воскресенье, 26.45*

За стойкой мотеля «Арарат» восседал на высоком стуле сам Саркис. Он узнал меня сразу, активно поприветствовал, даже обнял, выделил домик и сам вызвался переставить грузовик с товаром на запирающуюся площадку. Затем отправил меня заселяться, взяв взамен обещание сразу же после ванны прийти в ресторан и составить ему компанию. Пообещал что-то исключительное на ужин — и вообще выглядел очень радостным. Ну и я, признаться, был рад его видеть.

Через полчаса, умытый и немного посвежевший, пришел в ресторан, и Саркис пригласил меня за столик на террасе, где уже стояли тарелки и огромное блюдо с салатом. Едва я успел сесть, как все та же быстроглазая черненькая девица притащила две гигантские запотевшие кружки пива, бастурму производства самого Саркиса и еще какое-то вяленое мясо, очень соленое и острое, нарезанное тонкими длинными полосками. Саркис сел за стол напротив, поднял кружку, поздравил с удачным путешествием. Много расспрашивал о нашем отъезде, и я рассказал ему историю с засадой. Он переживал, всплескивал руками, ликовал, когда я ему рассказал, чем все закончилось. Поинтересовался чеченцем, и я рассказал ему, что того убили вместе с остальными, а на расспросы о «толстом менте» я ответил, что о нем ничего не знаю.

Затем Саркис подозвал быстроглазую, что-то пошептал ей, та кивнула, убежала и вскоре вернулась со своей копией, такой же стреляющей глазками, маленькой и чернявой. Саркис величественным жестом усадил их с нами за стол, отрекомендовав как девушек порядочных, но в меру податливых и до ласки охочих. Я извинился, поблагодарил его за заботу, но сказал, что, во-первых, устал с дороги, а во-вторых — только что женился. Саркис ни капли не обиделся — просто той, которая села рядом со мной, указал на стул с другой стороны от себя. Поздравил со свадьбой, расспрашивал о жене, а девицы, оказавшиеся венгерками, уместно хихикали, но в разговор не вмешивались.

Я подумал, что Саркис устроился со всем доступным комфортом, и поинтересовался, много у него еще в запасе таких «чуть-чуть податливых» среди персонала? — на что он гордо ответил, что только эти две, и вообще он их самому себе нашел, и разве что самым лучшим гостям они компанию составляют. По крайней мере, я был польщен тем, что причислен к числу гостей «почетных».

Затем он расспросил меня о моих планах и не то чтобы пришел в восторг от моей идеи открыть в Порто-Франко еще один оружейный магазин. Всего их в городе было два, причем второй находился в центре и своего тира не имел, поэтому с Саркисом и не конкурировал. Однако я его утешил, пообещал ему бесперебойную поставку патронов из Демидовска, которых он не получал, обмен товаром по необходимости, взаимные скидки и еще сказал, что искать место намерен у конвойных стоянок, с другой стороны города. Еще его порадовала возможность покупать недорого боеприпасы для перепродажи. Он успокоился и предложил поговорить завтра об этом подробно — может, он даже порекомендует, к кому обратиться за арендой подходящего помещения и места под маленькое стрельбище.

Ресторан уже опустел: постояльцы в нем допоздна обычно не заживались, предпочитая или веселиться в городе, или спать в домике, а мы еще часа три просидели вместе, Саркис лишь успевал гонять к бару за пивом своих «чуть-чуть податливых» официанток. Потом у нас обоих стали слипаться глаза, а зевали мы чаще, чем говорили, поэтому попрощались, и я пошел к себе в домик один, а Саркис к себе в квартиру на втором этаже — и не один, естественно.

*Территория Ордена, г. Порто-Франко. 22 год,
4 число 7 месяца, понедельник, 10.00*

С утра я зашел к гостеприимному хозяину мотеля и обнаружил его на прежнем месте за стойкой, совершенно выславшегося с виду и без каких либо следов вчерашнего «Великого Пива» на лице. Чисто выбритый и благоухающий большой дозой одеколона, он поприветствовал меня, поинтересовался, как мне спалось. Спалось отлично, кстати. После надувного матраса, расстеленного на ящиках с оружием, широкая и мягкая постель, да еще душ под боком — великая вещь.

Саркис, как и обещал, черкнул на обороте бланка счета адрес какой-то складской конторы между портом и железнодорожной станцией и сказал, что у них было хорошее помещение за разумные деньги, они с Биллом даже сами хотели его арендовать, но пока у них не хватает «оборотки» на второй магазин. Предложил не откладывать визита в долгий ящик, а обсудить вопросы поставок товара после моего возвращения, за обедом. А потом отправил меня завтракать.

Завтрак был а la buffet, то есть такой, какой у нас называют «шведским столом». Много разного мяса, сыра, несколько видов свежих булочек, фрукты, овощи — в общем, как положено, очень даже неплохо. Набрав всего, к чему душа лежала, в тарелку и налив стакан холодного сока из каких-то местных фруктов, напоминающих яблоки, но покислее и позеленее, я с удовольствием откусал. Одна из «чуть-чуть податливых», томно закатывая глаза под лоб, налила мне чашку кофе и подала корзинку круассанов.

Я оставил сообщение для Рауля, или Раулиты, буде таковой появится в гостинице в мое отсутствие, что буду в отеле через четыре часа, и поехал по плану, нарисованному Саркисом, искать арендодателей на помещение под магазин — и сам магазин на предмет посмотреть.

Нашел означенную контору я не сразу, а поплутав некоторое время среди многочисленных складов, пока не наткнулся на вагончик-временку с гордой надписью «Vijay Bashvaruni. Shipping and Logistic». В вагончике я нашел волоокую девушку в сари за компьютером и маленького упитанного индийца с величественными усами. Едва я заговорил, он сразу понял, о чем речь, сказал, что это замечательное помещение, как нельзя лучше отвечающее задачам торговли оружием, они согласны сдать за «сиксти хандредз» в год, и он немедленно мне его покажет. Покопавшись в столе, он выудил оттуда связку ключей, зачем-то побренчал ею у себя перед глазами, потом махнул мне рукой, приглашая следовать за ним.

Помещение оказалось действительно неплохим. Небольшой кирпичный домик вплотную был пристроен к забору грузового терминала порта и состоял из торгового зала метров сорок площадью и двух маленьких комнаток, идеально подходящих под мастерскую и склад. Задняя дверь проходила сквозь забор территории порта и вела в совершенно изолированный со всех сторон двор метров пятидесяти в длину и метров восьми в ширину. Виджай Башваруни рассказал, что раньше они хотели организовать здесь продажу мотоциклов, поэтому и выкупили такой кусок территории у порта, но потом в городе открылся большой гараж, торгующий ими, и идея заглохла. Когда пришел Саркис искать место под оружейный магазин, они даже установили для него на окнах решетки, а ворота во двор заделали бетоном, полностью его закрыв. Но с Саркисом тоже ничего не вышло, и они будут рады отдать это помещение за те самые «сиксти хандредз».

Еще он дал мне адрес столярной мастерской, где можно было заказать хороший прилавок, полки, шкафы и все остальное, что должно наличествовать в приличном магазине.

Мне место понравилось, цена тоже не пугала — в самом городе аренда выше, насколько я успел узнать из местной газеты, и участок под тир, прилегающий к магазину, тоже нереально найти. Да и стре-

лять в тире посреди города никто не разрешит, если этот тир не в подвале. А тут и грузовой порт, и станция, и так шум с грохотом, так что никаких запретов. Надо только установить пулеуловители у дальней стены. Поэтому я ответил согласием, мы вновь вернулись в контору, где обладательница сари и больших влажных очей распечатала арендный контракт. Мы его подмахнули, указав номера идентификационных карточек, и с этим контрактом я направился в отделение Банка Ордена, заодно выполнявшего обязанности фискального органа на подотчетных Ордену территориях. Там я зарегистрировал новообразованный бизнес, предоставив им копию арендного контракта и продикував название магазина, которое придумал тут же.

Магазину создали отдельный банковский счет, выдав мне для него еще одну карточку с пирамидой, этот счет увязали с кредитным счетом Русского Промышленного, чтобы не облагать налогом возврат кредита, поздравили с началом работы и пожелали успехов. Все же есть у Ордена хорошие стороны. Например, регистрация компании и постановка на налоговый учет за десять минут. И налог у Ордена не смертельный — пятнадцать процентов от дохода: видать, денег им и так хватает.

Затем я перевел на счет «Vijay Bashvaruni. Shipping and Logistic» арендную плату за полгода, включая страховой депозит за месяц, после чего вышел на улицу.

Посмотрев на часы, понял, что еще успеваю и к столярам. Нашел мастерскую почти сразу и договорился о том, что завтра от них придет человек обмерить помещение, а потом уже посчитаем стоимость их работы.

Подумал, что могу еще сделать сейчас. Только вывеску заказать, но где — я не знал, — и поехал в отель.

Саркиса за стойкой не было, вместо него была вторая «чуть-чуть податливая», которая на ломаном английском, налегая на «р», сказала мне, что ко мне заезжал некто Рауль, который сейчас ушел, но вернется в течение часа. Часа — считая с какого момента? С настоящего, потому что он ушел пять минут назад.

Время обеда уже наступило, и я пошел в ресторан, где и занял столик у окна. Заполнена была половина зала, Саркиса видно не было. Клон «податливой», что стояла за стойкой, подошла ко мне, поулыбалась, принесла пиво и положила передо мной меню. Едва я углубился в его изучение, как непонятно откуда вынырнул Саркис, отобрал меню, сказал, что сам предложит что надо — он с утра купил у боров-охотников маленькую четырехрогую антилопу и уже подмариновал мясо для жаркого. Жаркое из местной антилопы мне нравилось, и я возражать не стал. Саркис тоже подсел ко мне, поинтересовался, понравилось ли мне помещение, воскликнул: «А ты как думал!» — когда

я поблагодарил его за совет, после чего мы углубились в вопросы дальнейшего сотрудничества. Результатом наших переговоров было то, что Саркис будет получать от меня товар с пятнадцатипроцентной скидкой, а он будет отправлять мне клиентов в поисках оружия подешевле, чем у него. Они с Биллом торговали в основном новыми западными образцами, которые брали с орденского склада, через орденского же поставщика. Элитный товар, так сказать, и никакого секонд-хенда — если только совсем случайный. Таким образом, мы поделили рынок.

Затем появился невысокий худой парень с зачесанными назад черными волосами и маленькой бородкой «эспаньолкой». «Чуть-чуть податливая» провела его ко мне за столик, и он представился как Раулито по рекомендации Карлоса Нуньеза из Кадиза. Затем он сразу заказал у второй «податливой» пива и попросил меню.

Раулито с виду больше всего напоминал гангстера — прической, стилем одежды да и манерами, разве что кистями рук больше походил на пианиста, хоть и привычного к физическому труду: пальцы были в царапинах и следах химикатов. Раньше он работал в Америке — механиком в оружейном магазине, где находился, разумеется, «по заданию партии и правительства», и хорошо говорил по-английски, хоть и с заметным испанским акцентом. Там он освоил все тонкости оружейной механики, тем самым легко определив свое место в моей торговле. Кроме того, он был отлично подготовленным подрывником — очень полезная специальность — и инженером-связистом, причем последнюю специальность приобрел в городе Твери, в местном политехе.

Из особо полезного следовало отметить, что он имеет на контакте четверых бойцов в городе, которых при необходимости можно привлечь. Они владели небольшим клубом «La Rumba» на границе района «красных фонарей», при этом довольно безобидным по своей сути — латиноамериканские танцы, коктейли и легкие закуски, — ничего предосудительного. По крайней мере, девушки легкого поведения кучковались у них, не «отстегивая» никому.

Схема получалась следующая: Раулито отвечает за связь с кубинским командованием и альтернативную силовую поддержку, если брать скрытую сторону работы, и работу продавца и механика в магазине, если говорить о легальной стороне. Таким образом, прибывающему на днях Дмитрию доставалась роль второго продавца, водителя «унимога», экспедитора и снабженца, связи со мной и командованием в ППД. Перевалочный склад для товара все равно находится в Аламо, так что его перемещения будут обоснованны. Наши конвои ходят не каждый день, а он с «унимогом» может присоединиться к любому и перевезти кого нужно и что нужно. Первое звено цепочки начинало вырисовываться.

Я спросил Раулито — где он устроился на жительство и есть ли у него машина? Он сказал, что уже нашел маленькую квартирку по рекомендации этих самых «клубовладельцев» всего за двести в месяц, а машина у него имеется. Он показал за окно на маленький «Сузуки Самурай» испанского производства, превращенный в пикапчик с удлиненным кузовом на высоких колесах. А он, в свою очередь, поинтересовался зарплатой, о которой я сказал, что получать он будет стандартно для такой работы в этих местах — девятьсот в месяц. Он ответил, что его вполне устраивает, тем более что он берет заказы на тюнинг оружия и готов тем самым делиться прибылью с магазином и подрабатывать для себя.

Тогда я назначил ему встречу завтра в половине десятого уже в помещении магазина, а пока поручил найти изготовителя вывесок. Дальше мы уже перешли на служебную рутину, читателю не интересную, о способах связи и системе сигналов, после чего попрощались до завтра и разошлись.

*Территория Ордена, г. Порто-Франко. 22 год,
5 число 7 месяца, вторник, 22.30*

Этот день прошел в хлопотах, но немалую их часть перевалил на себя Раулито. Он разбирался с обмерщиком, бегал с ним в столярную мастерскую, привез откуда-то верстак и кое-какие инструменты. Еще целую кучу инструментов он привез с собой в кузове «самурая», оборудовав более чем полноценную мастерскую. Заказал вывеску, съездил со мной в банк, где я «привязал» его к счету магазина, определив ежемесячный лимит расходов. Затем мы подключили сигнализацию к пульту орденской охраны складского комплекса, подогнали «уни-мог» к магазину и разгрузили в склад.

К вечеру уже приехали первые столяры, начавшие строить прилавки и полки, а шкафы должны были быть готовы через два дня. Затем мы прошлись по всему списку имеющегося оружия, определили цены, переписали кучу ценников, приготовили их к моменту готовности помещения. Я купил и приволок кассовый аппарат, торговля без которого и в Порто-Франко не поощрялась, несмотря на весь либерализм властей. В связи с тем что мне нужно было уехать на Базу «Россия», а магазин будет готов к открытию раньше, я сказал Раулито, чтобы он меня не дожидался. Как будет готово — сразу открываться для торговли.

Вечером у нас опять были посиделки с Саркисом — он командовал обслуживающими нас «чуть-чуть податливыми» венгерками с отеческой вальяжностью, пил пиво, ел шашлык и давал полезные советы по части успешной торговли в этом городе. А потом я спать пошел.

*Территория Ордена, г. Порто-Франко. 22 год,
6 число 7 месяца, среда, 07.00*

В семь утра следующего дня я поехал на Базу «Россия» встречать нового человека. Это была основная и официальная версия, а кроме того, я ехал туда, ожидая тягостной встречи со Светланой. Я не знал, как сказать и что сказать ей, не знал, что скажет и сделает она, встретив меня, не знал ничего. Знал только, что ничем хорошим это закончиться не может. И осознание этого факта портило настроение просто до полной невозможности.

Дорогу я не забыл со времени прошлой поездки, многие места узнавал. Все так же тянулась рядом одноколейная железная дорога, все так же поднималась пыль из-под колес и все так же с одной стороны уходила к горизонту саванна, а с другой время от времени блестел океан.

На этот раз со мной никаких канадцев с либеральными взглядами не было, никто не создавал лишних проблем, «перенти» играючи глотал неровности грунтовок, но при этом я неуклонно приближался к цели своей поездки, ощущая себя так, будто еду добровольцем на картогу или куда похуже. Я был настолько одуревшим с самого утра, что забыл наполнить водой канистру, чего со мной пока ни разу не случилось, и на исходе первого часа поездки меня начала мучить жажда.

Никаких свежих мыслей не было, кроме той, которая гвоздила меня изо дня на день — «ворота», Орден, Светлана, Бонита, не смогу — подло, причем по отношению к обеим. Пусть даже я бросаю одну ради другой, но такой подлости она не заслужила. Хорошо, я остаюсь чистым и порядочным, я не предаю любви и не внушаю ложных надежд — и что дальше? Провал всего задания? Как мне еще втереться в Орден? Что будет с Русской Территорией, если Орден окончательно отрежет ее от снабжения? Если кубинцы с нашими захватят Дикие острова и Орден вступится за своих любимчиков — Американские Штаты? Я — чистенький, я — порядочный, а там — сотни тысяч людей, соотечественников. Тех, которые надеются на меня, которые послали меня добраться до этого секрета, и я ответил согласием, и поехал. И их, если честно, не слишком волнуют мои отношения с двумя женщинами, в которых я никак не могу разобраться. Точнее даже — вовсе не волнуют. Их волнует свое собственное выживание — как общества и как страны.

Светлана имеет доступ к одной закрытой информации — значит, может иметь и к другой? И как мне узнать это? «Милая, ты знаешь, я тут встретился с одной девушкой, и мы собираемся пожениться, но ты по старой памяти не могла бы мне немножко перекопировать вашу базу данных — ну, ту, где гриф «Совершенно секретно», и особенно

желательно — «Особой важности». Не сочти за труд, и побыстрее, пожалуйста. А то я к невесте тороплюсь». Здорово, правда?

Сейчас башка лопнет, как арбуз от прямого попадания из гранатомета. А как все просто кажется на первый взгляд. Приехать, обнять, поцеловать, потащить в спальню — и «Do it like they do it on Discovery Channel»¹. А потом обещать увезти с собой — вместе с базой данных и прочей информацией, разумеется. И ведь может сработать, как ни по-идиотски звучит. И что потом? Орден ее... не знаю, что с ней Орден сделает. Или романтично забрать ее с собой. Третьей в супружескую постель. «Дорогая, смотри, кого я к нам привел! Правда, здорово?» Или увезти в ППД и сказать — мол, ты меня здесь пока подожди. Тоже мысль, и тоже очень хорошая. Они, мысли, у меня все одна другой лучше. Что ни мысль — то просто образец высшей нервной деятельности. Мыслитель. Спиноза!

А если бы не было Светланы? Что бы я тогда делал? А не знаю. Не могу сейчас больше ни о чем думать. Одно знаю — что сейчас больше всего вероятность получить информацию о «воротах» на Базе. Потому что здесь «ворота» есть. А в других местах их нет. И будь что будет, разберусь я со своими женщинами. Если получится.

*Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов
«Россия». 22 год, 6 число 7 месяца, среда, 09.50*

По дороге мне попался навстречу один орденский патруль на двух бронированных «хамви», и мне показалось, что я узнал в сидевшем на переднем пассажирском сиденье того самого веснушчатого сержанта, с которым мне довелось столкнуться на дороге после перестрелки — еще на моем первом отрезке пути в этом мире. Больше никого не было, кроме неизменных животных на равнине, даже поезда не попадались.

На левом траверзе промелькнула База «Северная Америка», а затем, совсем вскоре, показалась База «Россия». Блок на въезде с М113 и «хамви», шлагбаум, вопрос: «У вас есть оружие, которое следует опечатать?» — благодарность за сотрудничество, после того как я убрал «сто третий» в брезентовую сумку и туда же бросил кобуру с «гюрзой». ПКМБ, который я так и возил в этой машине, был уже упакован: все равно воспользоваться им на ходу было бы проблематично без второго члена экипажа.

Затем считывание идентификационной карты и предупреждение, что я имею право находиться на территории Базы «Россия» без специального разрешения не более трех ночей. Все по-прежнему, ничего не изменилось. Я проехал по совсем небольшой территории Базы, вы-

¹ «Сделай это, как делается на канале «Дискавери» (англ.) — строчка из песни группы «Bloodhound Gang».

рулил на центральную улицу, доехал до круглой площади с фонтанчиком и свернул за отель «Рогач», где была маленькая, машин на пять-шесть, почти пустая стоянка. Заглушил фырчащий дизель, набросил сверху тент, чтобы сиденья совсем не раскалились под солнцем, подхватил из кузова сумки да и пошел в отель.

Прошел через совсем пустой бар, подошел к стойке и похлопал ладонью по бронзовому звонку.

— Уже здесь, уже иду! — послышался голос на ломаном английском.

Из подсобки вышла та самая блондинка с уставшим лицом, которая работала в баре вместе с Арамом.

— Здравствуйте,— поприветствовал я ее.— Мне бы комнату, если возможно.

— А, это вы,— улыбнулась она.— Я вас помню. Я говорю по-русски. Я полька, но учила русский в школе. Вам на сколько ночей?

— Я не уверен точно,— пожал я плечами.— Может, на одну ночь, может быть, на две. Даже на три, возможно. Мне надо человека встретить из «ворот».

— Не проблема,— покачала она головой.— Оплатите за одну, а если задержитесь — еще заплатите. Здесь все встречающие так — кто день ждет, а кто и неделю. На моей памяти канал так замерцал, что десять дней никого и ничего прислать не могли.

— Мне с ванной, — вспомнил я отличия местных комнат.

— Пожалуйста,— кивнула она и щелкнула по клавиатуре компьютера, что стоял за стойкой.— Пятнадцать за одну ночь.

Я достал из кармана зажим с банкнотами, выдернул из него десятку и пятерку, положил на стойку. Она дала мне ключ.

— Спасибо,— поблагодарил я.— А Арам где?

— Арам сегодня на поезде в Порто-Франко поехал — с братом повидаться.

— Вот незадача, а я сейчас в Порто-Франко у его брата в мотеле живу. Надеялся увидеться.

— Видите, как получилось,— развела она руками.

— А вас как зовут? — поинтересовался я.

— Агнешка. Можно называть Агнесс. Вы запишитесь в книгу, пожалуйста.

Я повернул к себе книгу записи постояльцев, написал там свое имя и поставил возле него закорючку подписи.

— Спасибо. Приятно отдохнуть вам после дороги.

— Спасибо,— поблагодарил я ее, затем спросил: — Скажите, а у кого можно уточнить — прошел нужный человек «ворот» или еще нет?

— Подходите прямо на иммиграционный контроль нужного направления и спросите у дежурного.

— Спасибо еще раз.

— Не за что.

По иронии судьбы мне достался тот самый номер, где мы впервые переспали со Светланой. И в этом номере тоже ничего не изменилось: все стояло и лежало на тех же местах, как и тогда. Наверное, я надеялся увидеть какие-нибудь изменения — как знак, что что-то изменилось и в другом, что мне удастся найти выход из той ситуации, в которую я себя загнал. Но все повторялось с точностью до мельчайших деталей. Все так же вполоборота к кровати стоял белый телефон, все так же было застелено покрывало на кровати, чуть наискосок, свисая одним углом до пола. Сознание цеплялось за мелочи, чтобы не останавливаться на главном.

Убрал в шкаф оружейный чехол, распаковал сумку и пошел мыться с дороги. Пыли на мне осело много, очень много. Одежду, которую снял с себя, упаковал в полотняный мешок с надписью «Прачечная» и положил возле кровати. Переоделся в чистое. Посидел на кровати, глядя в окно. Потом махнул рукой, встал — и пошел на выход.

До стеклянной двери в зал иммиграционного контроля было минуты две ходу, и как я ни пытался их растянуть, совсем скоро оказался у цели. Толкнул дверь, вошел.

Светланы там не было, вместо нее за стойкой сидела среднего роста худенькая девушка в строгих прямоугольных очках и с мальчишеской стрижкой с косым пробором на русых волосах, как у примерных мальчиков на картинках для других примерных мальчиков в книжках для примерных мальчиков же. Ее военная форма песочного цвета, несмотря на то что явно была пошита по мерке, выглядела на ней противоестественно — настолько не гармонировала с полудетским лицом.

— Добрый день, — поздоровался я с ней.

— Здравствуйте, — дежурно улыбнулась она, сверкнув мелкими белыми зубами. — Чем могу вам помочь?

— Я ожидаю одного человека с той стороны. Хотел бы узнать — прибыл он уже или нет?

— Как зовут человека и откуда направляется?

— Человека зовут Дмитрием, а насчет направляется... знаю только, что из России.

— Это сложнее, у нас восемь «ворот» из России... Давайте посмотрим.

Она пролистала какой-то список на экране монитора.

— Вчера не было ни одного Дмитрия. Сегодня с утра тоже, и сегодня больше переходов не будет.

— А почему, если не секрет? — полюбопытствовал я.

— Не секрет, — покачала она головой. — Замерцал канал — магнитная буря, это мешает. Поэтому следующих ожидаем не раньше, чем

завтра. Тут уже будем ждать, как все сложится. Но кто именно придет — у нас не указано, могу лишь посоветовать терпеливо ждать.

— Скажите, а Светлана еще здесь работает? — спросил я.

— Нет, ее перевели, — покачала головой девушка.

— В Порт-Дели?

Надеюсь, радости в моем голосе она не разобрала. Но радость оказалась преждевременной — девушка меня сразу разочаровала:

— Нет, она здесь, на Базе, на другой должности. Ее повысили.

Я подумал было, что можно спокойно возвращаться в отель, но затем представил Светлану приходящей в бар с подружкой и натякающейся на меня, — и мне даже плохо стало. Решил идти до конца, спросил:

— А где мне ее можно найти?

— Она в центральном офисе, это направо отсюда — до станции и снова направо. — Девушка в очках показала рукой. — Там сразу увидите. У дежурного попросите вас соединить.

— Спасибо. Вы знаете, я только имя знаю, а как мне ее спросить?

— Беляева ее фамилия. А работает она в отделе «Архив и регистрация».

— Спасибо, — натянуто улыбнулся я. — До свидания.

— Не за что, рада была помочь, — снова дежурно улыбнулась она.

Я опять вышел на улицу, свернул направо и пошел в сторону металлических конструкций железнодорожной станции. Действительно перед станцией дорога расходилась в стороны Т-образным перекрестком, и я свернул направо. Еще через сто метров я дошел до трехэтажного здания из поляризованного стекла, со стилизованной пирамидой на фронтоне и небольшой табличкой «Центральный офис».

Здание не было роскошным по понятиям Старого Света, но на фоне местной простоты выглядело чуть ли не дворцом. Холл был под стать внешности — белый полированный камень, мебель хай-тек, широкая конторка на хромированных массивных ножках, уставленная телефонами, за которыми сидел капрал в орденской форме, читавший газету.

— Здравствуйте, — поднял капрал глаза от газеты. — Чем могу вам помочь, сэр?

— Здравствуйте, — блеснул я встречной вежливостью. — Я ищу Светлану Беляеву из отдела «Архив и регистрация».

— Посмотрим, что я могу сделать для вас, — сказал капрал, берясь за телефон. — Подождите немного, пожалуйста.

Он нажал какую-то светящуюся кнопку на широком плоском телефоне, соединился с кем-то, спросил, могут ли передать госпоже Беляевой, что к ней посетитель. Затем спросил мое имя, повторил его в

трубку, выговаривая как «Ондрей», затем помолчал, подтвердил что-то и повернулся ко мне:

— Вы можете подождать еще минутку? — спросил он.

— Да, могу, — кивнул я. — А зачем?

— Честно говоря, сам не знаю, сэ,р, — ответил он. — Меня просто попросили вам это передать.

В этот момент в тишине здания послышались быстрые шаги, на вершине лестницы, ведущей в холл, появилась Светлана, сбегала вниз и бросилась ко мне с такой силой, что чуть не сшибла с ног. Вцепилась в меня, впилась в губы своими губами, оторвалась и сказала:

— Ты все-таки приехал!

*Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов
«Россия». 22 год, 6 число 7 месяца, среда, 10.05*

Естественно, я не стал объясняться и выяснять отношения там, в холле их штаб-квартиры, на глазах и без того ополоумевшего капрала. И Светлана тоже не могла оставаться со мной дольше, чем на пару минут: она просто выбежала с какого-то совещания. Она стояла, прижавшись ко мне так, что мне даже было трудно дышать. Я обнял ее, погладил по голове, прижал к себе:

— Тише, тише. Успокойся.

— Ты все же приехал. — Она подняла на меня радостные глаза: — Я приду к тебе сегодня, я не могу сейчас уйти. Я в семь смогу вырваться отсюда. Жди меня, пожалуйста.

— Хорошо. Я дождусь. Я в «Рогаче».

— Я приду. Все, иди давай! Жди, черт возьми!

И я ушел в отель. Ждать, черт возьми.

*Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов
«Россия». 22 год, 6 число 7 месяца, среда, 19.15*

Чем можно занять несколько часов томительного ожидания? Я вздремнул пару часов — все же не выспался сегодня, посмотрел телевизор, по которому шли местные новости и какие-то старые вестерны, Сэма Пекинпа, кажется, но я не уверен: пропустил начало и одного, и шедшего сразу за ним второго фильма. Сосредоточиться на кино все равно не получалось, и я пошел вниз, в бар. Лучше уж принять на грудь в преддверии грядущего объяснения.

В баре сидело трое солдат в «песчанке», но без бронежилетов, шлемов и оружия — они пили пиво. Больше не было никого, лишь за стойкой стояла чернокожая девушка из тех, которых я раньше видел здесь работающими официантками. Я подошел к ней, попросил «пинту»,

которую она мне немедленно налила. Спросила — предпочитаю я платить сразу или открыть счет? Я предпочел счет: все равно мне еще долго сидеть. Взял с подставки у стойки меню и, прихватив кружку, пошел за столик.

Есть не хотелось совсем, но я все же выбрал кляб-сэндвич с курицей — и есть просто, и брюхо набьешь. И не развезет после второй кружки. Все же только вчера ел в последний раз.

На улице тоже было пусто, смотреть не на кого, но в баре висели телевизоры, по которым в записи крутили старые гонки квадроциклов по саванне, те самые «400 километров Порто-Франко». Ладно, хоть это посмотрю, куда так Джей-Джей стремится попасть, — и зачем ей это надо? Квады пылили, прыгали, ревели моторами, часто переворачивались, кто-то свернул себе шею. Ничего так, активненько.

Принесли сэндвич, а если точнее, то четыре небольших сэндвича из скрепленных зубочистками тостов, проложенных между ними ломтиками помидора, яйцом, куриной грудкой, салатом и сдобренных майонезом. Вокруг сэндвичей на тарелке была гора картошки «по-французски». Картошка-то «по-французски», а вот появилась впервые в Бельгии и к Франции никакого отношения не имеет, что характерно.

Кое-как, давась и запивая пивом, проглотил два сэндвича из четырех. Зато кружка закончилась, теперь можно следующую просить. Показал пальцем на кружку, после чего поднял один палец вверх. Девушка из-за бара одними губами спросила: «Еще одну?» — Я кивнул в ответ, она кивнула мне и тут же наполнила следующую.

На стойке лежали местные газеты, — я взял верхнюю из стопки, развернул. Какие-то новости, местные и международные. Много объявлений. Продают, покупают. Машины, подержанную мебель в связи с переездом, даже домашних животных — что угодно. Ладно, удачно продать им мебель, что еще скажешь. Посмотрел на часы. Еще больше часа. Это хорошо или плохо? Может, и хорошо: сижу вот с пивом и газетой, и не надо никакой женщине объяснять, что она мне, конечно, нравится, но мы же можем остаться друзьями, и все такое. Или плохо, потому что уже совсем плохо мне самому, и будь что будет, лишь бы скорее?

Светлана появилась ровно в семь, когда я уже осушил третью кружку и ожидал четвертой. Против своих собственных ожиданий и надежд, я не опьянел совершенно, как будто вместо пива компот пил. Она почти бежала по улице, явно высматривая меня в баре, — увидела, лицо осветилось улыбкой. Через несколько секунд она села напротив, улыбаясь, слегка запыхавшаяся, и спросила:

— А даме пива?

— Дама вроде бы толстеет от пива,— вспомнил я ее заявления с нашей прошлой встречи.

— За один раз не потолстеет,— отмахнулась она.— К тому же я и так два килограмма за месяц набрала, все равно сгонять нужно. Не спорь, закажи немедленно.

Девушка смотрела в нашу сторону, поэтому я просто показал два пальца. Она опять молча кивнула и принялась наполнять кружки. Светлана молча смотрела на меня и улыбалась.

— Ты чего веселишься? — поинтересовался я.

— А я глазам пока своим не верю,— откинулась она на спинку стула, закинув руки за голову, отчего и так высокая ее грудь поднялась еще выше.— Действительно вернулся.

— Тебя повысили?

— Да, и очень даже повысили.— Она положила локти на стол и чуть нагнулась вперед: — Я возглавила аналитику, хотя по названию она числится архивом.

— И теперь пользуешься служебной информацией в личных целях,— сказал я утвердительно.

— Еще как, но не только в своих, а еще и в твоих личных.

— В моих? — удивился я.

— Да, в твоих,— подтвердила она.

Принесли пиво и меню Светлане.

— Я голодная, времени нет поесть,— объяснила она.— Сейчас, минутку.

Она просмотрела закатанную в пластик карту меню с обеих сторон и заказала карри с курицей и рисом. Попросила не слишком острый. Затем повернулась ко мне:

— Именно в твоих интересах,— повторила.

— Объясни,— попросил я, несколько заинтригованный.

— Чуть позже,— покачала она головой.— Лучше расскажи, где ты сейчас и как? Что ты сейчас делаешь?

— В общем, в основном я в дороге,— сказал я.— Я начал торговать оружием. Наверное, самое подходящее занятие для меня — все равно больше ничего не умею толком. Сейчас приехал из Порто-Франко, открыл там магазин. Здесь мне надо встретить человека.

Я ожидал встречного вопроса вроде: «Так ты не за мной приехал?» — но такового не последовало. Вместо этого она начала расспрашивать меня о том, где я был, с кем общался, как решил заняться торговлей. Я в ответ выдал исправленную и сокращенную версию своих приключений. Рассказал, что отправился в ППД с колонной Русской Армии, что решил ее опередить и по пути случайно обнаружил засаду. Рассказал, что засаду перебили. Она кивнула и сказала:

— Я уже это знаю. Ты с командиром колонны приходил получать деньги в наше отделение банка в Аламо.

— Ты за мной следила?

— Нет, и не было такой возможности,— отрицательно покачала она головой.— Я потом стала выяснять. И еще тебе переводили деньги — две премии по тысяче из отделения Базы «Северная Америка». А потом ты снова появился в Аламо и получил сразу за семнадцать человек. Это ты их всех убил, что ли?

— Не всех,— покачал я головой.— И не сам: нас трое было. Фактически моих двенадцать, но мне помогали — сам бы не справился ни за что.

— А потом тебе снова перевели деньги, техасские «минитмены», еще три тысячи,— продолжила она.— И под таким же обоснованием. Как ты там оказался?

— Магазин на паях в Аламо,— пожал я плечами.— Приходится участвовать в их рейдах тоже, если хочешь жить в городе и пользоваться уважением. Иначе не выйдет.

Она кивнула, как будто подтверждая, что знает правила жизни в Аламо.

— За пару месяцев на тебя мой отдел записал двадцать два бандита и соучастие в уничтожении аж сорока семи,— подвела она итог.

— Вы ведете записи? — удивился я.

— Мы — «Архив и записи»,— сказала она, посмотрев на меня как на слабоумного.— Естественно, мы ведем записи и анализируем информацию. В том числе и по критериям, по которым ты угодил в поле зрения системы. У тебя один из самых высоких рейтингов среди тех, кто проходил «ворота» на этой Базе.

— Результат результату рознь,— хмыкнул я несколько скептически.— Я снайпер по воинской специальности. У снайперов всегда результат высокий — больше, чем у других. Но снайперы действуют в рамках чужой инициативы, просто как еще один вид оружия. Результат — не показатель в данном случае. Применили снайпера — это как сбросили бомбу удачно. Бах — и куча трупов. Но бомба же не сама наводилась в цель. К тому же очень рельеф способствует.

Здесь я несколько приbedнялся и упрощал, но мне становилось интересно. Даже грядущее объяснение отходило на второй план. Вместо плачущей девушки, прощавшейся со мной и просившей приехать, передо мной сидела вполне уверенная в себе, молодая, красивая и очень даже знающая, чего она добивается, женщина. А вот чего она все же добивается? Она-то это знает, а вот я никак не пойму.

— И теперь у тебя есть доля в магазине в Аламо, магазин в Порто-Франко, потом ты еще где-нибудь откроешь магазин — и станешь торговцем? Солидным негодяником? Ты уверен, что у тебя это получится? — с заметным оттенком иронии спросила Светлана.

• За други своя •

*Суверенная Территория Техас, г. Аламо
22 год, 9 число 10 месяца, суббота, 09.00*

Утром следующего дня мы вылетели в Аламо. Настроение у нас было более чем бодрое — я рассказал Боните все подробности своей встречи со Смитом. С какого угла ни смотри, какими словами ни называй, но Смит перешел на нашу сторону. К нашему счастью, Родман оказался настолько мерзкой фигурой, что по-настоящему сохранять ему верность мог бы лишь последний подонок — из числа тех, какие встречаются редко. А большинство сотрудников Ордена набрано в основном из относительно нормальных людей, пусть даже излишне заикленных на карьере и достижении цели любыми средствами. Спать с начальницей-лесбиянкой за должность и подсиживать сослуживцев — это совсем не то же самое, что торговать наркотиками и поставлять молодых девушек убийце-извращенцу.

Поэтому я знал, что новая информация, полученная от Хоффмана, пленных Диджуни и Володько, все приключившееся с нами послужит прекрасной дополнительной мотивацией для Светланы, когда мы увидимся с ней и когда я попрошу ее о помощи.

Насколько я успел понять Светлану, для нее это было бы настоящей «сверхмотивацией». А если учесть еще и немалые деньги, которые я рассчитывал извлечь из сейфа Родмана и разделить между ней, Смитом и собой, то чистота помыслов в борьбе с врагом поднималась для моих новых союзников на недостижимую высоту. Одно дело играть против собственного босса лишь для того, чтобы занять его кабинет, и другое дело — бороться за его кабинет еще и с благородными целями. И не бесплатно. Цинично? Ну есть немного, не без этого, но так уж я смотрю на вещи. Лучше всего, когда высота помыслов влечет за собой еще и материальную выгоду.

Погода была потрясающей, самой что ни на есть летной, в небе не было ни одного облачка, направленный и проверенный перед вылетом самолет нес нас в Аламо бодро и радостно. Джей-Джей сэкономила не топливо, а время, поэтому мотор отдавал семьдесят пять процентов

мощности вместо обычных пятидесяти пяти, и весь путь до Аламо занял у нас всего четыре часа с небольшим.

Джей-Джей посадила «сесну» плавно, как на перину, подрулила к обычному ее месту стоянки, где и заглушила мотор. Мы втроем выбрались из машины, потягиваясь и разминаясь, и к нам на горном велосипеде подъехал среднего роста худощавый мужчина с седой бородой и темным, как старое дерево, загаром. Это и был Уилл Хитфилд, владелец «сесны» и всего аэродрома города Аламо. Мы поздоровались, он поинтересовался нашими впечатлениями от полета и от машины.

— А какие еще могут быть впечатления? Мы успели сделать в несколько раз больше, чем если бы ездили на машине,— ответила вместо меня Хитфилду Мария Пилар.

— Ни пыли, ни тряски, в удобном кресле. Чем плохо? — поддержал я Бониту.— Мечта!

— Видите вон тот «Пайпер Семинол»? Двухмоторный? — Хитфилд показал на стоящий неподалеку небольшой красно-белый двухмоторный самолет.

— И что? — спросил я.

— Это самолет моего приятеля,— ответил Уилл.— Самолету восемь лет, он в прекрасном состоянии, все время в одних руках, а теперь Джим его хочет продать. Хорошая машина от хорошего пилота, несет больше тысячи ста фунтов груза и летает на ста семидесяти узлах почти на восемьсот морских миль. Два «лайкаминга» по сто восемьдесят сил каждый. Хорошая, крепкая машина. И у него есть еще один, десятилетний «Пайпер Арроу», одномоторный, мотор в двести сил, делает почти сто сорок узлов, летает на восемьсот восемьдесят миль, поднимает девятьсот шестьдесят фунтов груза. Состояние хорошее, но у него было два владельца. И еще я знаю один самолет, десять лет, «Бич Бонанза», летает на ста восьмидесяти узлах почти на тысячу морских миль, поднимает тысячу двести фунтов, и у него самый комфортабельный салон, самый просторный, два человека экипажа и четверо пассажиров сидят лицом друг к другу. На мой взгляд, если у вас большая компания — лучший выбор.

Я аж крякнул после такого объявления:

— Уилл... мы, разумеется, не против покупки самолета, но мы ведь не миллионеры...— осторожно ответил я впадшему в «торговый восторг» владельцу аэродрома.— А банки, насколько мне известно, кредиты под покупку самолетов здесь не дают, потому что гибнут одновременно и залог, и владелец, и спрашивать уже не с кого. А цены на покупку здесь не такие, как в Старом Свете.

— Если о ценах, то «семинол» стоит триста девяносто тысяч, и можно сторговаться до трехсот семидесяти, как я думаю,— сказал

Хитфилд. — За «бонанзу» хотят четыреста пятьдесят, а за «арроу» — двести пятьдесят. Это уже хорошая цена здесь.

Я задумался. Двести пятьдесят — это более или менее нормально. У нас такие деньги есть, если пересчитать все резервы. Разумеется, пока всем выдано лишь по десять тысяч экю, и люди рассчитывали на большее. Я уже всем сказал, что помимо добрых дел мы еще и зарабатывать будем. Кроме того, надо возвращать кредит Русскому Промышленному банку, надо отдавать «перенти» или выплачивать стоимость в финчасть Первой дивизии. Надо иметь оборотные средства в оружейной торговле. Проект, который предлагает Джо, тоже неплох, мы можем неплохо зарабатывать в этом форте и еще займем неплохо укрепленную, вполне безопасную базу. Но и иметь хотя бы один маленький самолет на всю группу хотелось бы. Как мы сейчас лихо справились с заданием? А так бы тащились где-нибудь с колоннами, глотая пыль. Сколько времени бы потеряли? А сколько раз приходилось по несколько дней ехать в Порто-Франко из Аламо, чтобы потом быстро вернуться? Но дорого, черт возьми, дорого. «Сессну» бы вот такую, на которой летали... Она дешевле. Но и намного старше. Или вон Ан-2, ветеран: в него вся группа влезет. Правда, бензина он жрет куда больше... Да и обслуживать его можно только в ППД.

— Уилл, я сейчас не готов что-нибудь сказать, — ответил я очень честно. — Может быть, если в ближайшее время у нас дела пойдут хорошо, я заинтересуюсь этим. В течение месяца примерно. Но сказать что-то раньше не могу. Не хватает денег.

Я увидел, как при этих словах поскучнело оживившееся было лицо Джей-Джей. Она явно уже видела себя в роли постоянного пилота.

— Хорошо, — сказал Уилл. — «Арроу» с «семинолом» стоят на поле в Джексон-Сити, не думаю, что их сумеют продать быстро. И сезон дождей на носу — скоро не до полетов будет. Может, его и купят, но уже в начале следующего сухого сезона: никто не захочет потратить деньги и не пользоваться вещью несколько месяцев. «Бонанза» в Вако, но раз нужно — ее пригонят сюда, если не купят до того времени. Надумаете — обращайтесь, знаете, где меня найти. Я здесь каждый день, с утра и до ночи, даже ночью здесь. Джей-Джей знает.

Джей-Джей подтвердила, что знает. Ну и умница, мы теперь тоже знать будем, осталось только достаточно разбогатеть. Вот ограбим Родмана — и разбогатеет. Если нас там не прихлопнут, разумеется.

Суверенная Территория Техас, г. Аламо

22 год, 9 число 10 месяца, суббота, 15.00

— Итак, давай по порядку. Ты вылетаешь на остров первым. Так? — спросил меня Дмитрий.

— Так, — подтвердил я. — У меня другая личность, я сниму виллы и возьму машину. Затем вылетают Джо, Бонита, ты и Джей-Джей. Вас проведут без всякой регистрации при въезде, и больше вы нигде регистрироваться не будете. Кроме Марии Пилар: ей, как и мне, сделают новый Ай-Ди, а на острове внесут в список сотрудников Отдела специальных операций. Этого будет достаточно, чтобы иметь возможность открыто носить оружие и исключить любой интерес — как к себе, так и к тем, кого мы будем сопровождать. Когда вы прилетите, я возьму еще одну машину, на этот раз служебную. Таким образом, мы образуем две группы, в каждой из которых будет по одному человеку, имеющему документы Ордена, и у каждой группы есть машина. Поскольку почти вся деятельность этих групп будет сосредоточена в той части острова, где можно передвигаться свободно, никаких проблем для их деятельности я не вижу.

— Деятельность — разведка? — еще раз уточнил Джо.

— Именно, — подтвердил я. — Точнее, разведка и подготовка операции.

— А пока я не прилечу, что ты там собираешься делать? По девкам ходить? — с подозрением спросила Бонита.

Все вокруг захихикали, Джей-Джей зааплодировала.

— Своевременный вопрос, — вздохнул я. — Как раз по плану операции. Докладываю: буду готовить базу для размещения жены.

— Ага, верится мне, — кивнула Бонита.

Мы сидели во дворе у Джо вокруг барбекю, на котором жарились свиные ребрышки. Были Джо, наш новоиспеченный пилот Джей-Джей, Дмитрий, Мария Пилар и я. Раулито и братья Рамирес еще до нашего прилета выехали в Порто-Франко. Их задачи на будущее были теперь понятны, в Аламо им делать было нечего, а вот в Порто-Франко дел хватало.

— Придется вам, девушка, в таком случае познакомиться с термином «доверие между близкими людьми», — улыбнулся я.

— У нормальной женщины выбор всегда один — или никакого доверия, или муж убежал к продажным девкам, — авторитетным тоном заявила Бонита. — Третьего не дано!

— Умница. Бдительность — наше оружие, — согласился я с ней, по обыкновению. — Ладно, теперь к делу. На всю разведку и подготовку у нас будет около трех дней, по расчетам Смита. На третий день прибудут Раулито и братья.

— А почему не сразу? — спросила Джей-Джей.

— Потому, что у нас очень уж характерная компания,— объяснил я.— Возможно, что нас где-то приметили раньше. Двое русских, девушка-латиноамериканка, четыре брата, по которым их родство заметно, и маленький латиноамериканец-подрывник. Обращаем на себя внимание.

— Понятно,— кивнула она.

— Джей-Джей в драку не лезет, ее задача — вылететь на том, на чем скажут, и туда, куда покажут. Сопровождать ее будет Джо в качестве силовой поддержки и прикрытия.— Я обернулся к семейству Дженсенов: — Вы захватываете самолет с экипажем и пассажирами. Самое главное — самолет должен долететь до аэродрома. И остаться на этом аэродроме. Вас встретят, заберут груз, затем отвезут в Аламо. Джо, твоя задача — приглядывать за пассажирами, сколько бы их там ни оказалось. Даже если весь самолет будет забит вооруженными людьми, дернуться они не должны. Держи под контролем все и вся, включая настоящего пилота. Джей-Джей! Посмотри на меня.

— Что? — взглянула на меня дочка Джо.

— Самолет остается на аэродроме. Навсегда,— сказал я в категоричной форме.— Вам дают машину, и на ней вы едете домой, в Аламо, где и дожидаетесь нас. И нас не волнует, что с ним, самолетом, будет дальше. Оставить его себе мы не имеем права. Это понятно? Не имеем права — и все тут.

— Хорошо,— вздохнула она тяжело.— Но жалко.

Я оставил последнюю ремарку без комментариев, поскольку самому жалко, и продолжил:

— Этот урод Бернстайн приезжает раз в месяц на три или четыре дня. Я имею в виду старосветский месяц. Приезжает регулярно, как часы, если верить Хоффману. Даже учитывая то, что часть товара исчезла вместе с Хоффманом, кое-что Бернстайна должно ждать здесь. Хоффман уже возил кокаин на Нью-Хэвен. Думаю, и Смит со мной согласен, и Хоффман это подтвердил, что и девушек Бернстайну найдут. Не бросят его, не обидят — он же на них рассчитывает. Если он будет — действуем по плану. Если Бернстайна не будет — доберемся до него в другой раз. Он все же не главная цель операции.

— Главная цель — аэропорт? — спросила Бонита.

— Станция радиолокационного наблюдения и аэродром,— уточнил я.— Именно эти два объекта являются нашими главными целями. Мы можем упустить Родмана, не дожидаться Бернстайна, не завалить Маллигана, «не», «не», «не» и еще тысячу раз «не», мы можем упустить все и все облагать, но мы не можем облагаться с аэродромом и РЛС. Прошу учесть.

— А если Родман сменил код сейфа? — спросила Мария Пилар.

— У нас с собой Раулито,— пожал я плечами.— Он уже взрывал такие сейфы. Откроем.

— А если все пойдет не так, то как эвакуируемся? — спросил Дмитрий.

— Ты имеешь в виду, если вся операция рухнет с самого начала?

— Именно,— кивнул он.

— Тогда будем решать проблемы по мере их поступления,— развел я руками.— Транспорта на острове много, будем что-то захватывать. Других вариантов у нас нет, спланировать что-то точнее не получится. Еще вопросы?

— Есть несколько. Около миллиона примерно,— кивнул Джо.

— Начинай с самого первого.

Суверенная Территория Техас, г. Аламо

22 год, 11 число 10 месяца, понедельник, 08.00

Воскресенье мы провели прекрасно, как и собирались. Из всего, что делалось «по делу», можно только упомянуть, что я собрал вещи и оружие. И на этот раз багажа у меня получилось немало и уменьшить его количество не получалось. Раз уж влетаю я на остров без досмотра, то следует воспользоваться этим от и до, протащить все, что получится. Хорошо, что здесь одежда только летняя требуется: хоть брюки, рубашки «поло» и мокасины много места не заняли — все в одну небольшую сумку влезло. А вот остальное... Камуфляж, да «леший», да подвесная, да сумки-подсумки на нее, да ботинки для горного туризма, да то, да се... Ну и «армалайт» в пластиковом футляре, и сотня патронов к нему — это моя главная сила. Снайпер с такой винтовкой да на хорошей позиции может многое сделать: роту может сдерживать, если правильно действует. Тот же американец Хикок во Вьетнаме, меняя позицию, перестрелял чуть не роту вьетнамцев, прижав их на рисовом поле. Новобранцев, правда, и вели они себя глупо, лишившись командования, но рота есть рота... А Зайцев с товарищами атаку пехотного полка в Сталинграде сорвали, выбив у них все командование чуть не до взводных.

Как дополнительное оружие «девятку» прихватил. Она и компактная, и легкая, и мощная, и глушитель к ней очень хорош, и до двух сотен метров это оружие смертельно, не хуже «вала». Бесшумное оружие, правильно примененное, может быть большой силой. Поэтому и ПСС прихватил с собой. Пусть неметкий и неуклюжий, но котенок громче пукает, чем он стреляет своими тупыми стальными пулями.

Ну и неизменная «гюрза», само собой. С бронебойными СП-10 на ближних дистанциях куда как эффективна. И прихватил с собой «беретту» — ту самую, что в день приезда в Новую Землю с первыми тро-

феями взял, с одним запасным магазином. Мало ли... Ее и потерять не страшно, и ничто ее со мной не связывает. А самое главное — глушитель на нее ставится без проблем: свинти только колпачок с дула. И глушитель в наличии.

Гранаты взял — две РГО и две Ф-1. Наступательных вообще не брал, да и до гранат доводить дело не хочется. И так все не унести. Еще бинокль с дальномером и радиостанцию. Все, больше ничего не потащу — и так все самое дорогое беру, ценное, а как бы не пришлось все это хозяйство там бросать. Драпать-то, как ни крути, придется. И обидно будет до слез. Винтовочный футляр и две большие сумки. Мне ведь еще одежда нужна там нормальная помимо военно-полевой.

Выбрали мы с Бонитой по фальшивому Ай-Ди, любезно выданному нам карьеристкой Катей. Алексей Яковенко и Мария Гомез. Яковенко из Украины прибыл в Новую Землю, благо благодаря бабуле-украинке и летним каникулам, проводимым в деревне под Полтавой, язык я знал неплохо, точнее, даже не язык, а «суржик», а уж говорить с акцентом — так вообще проще некуда для меня. А наша Мария Гомез прибыла в Новый Свет из Колумбии, для работы на территории которой ее готовили на Кубе в свое время, пока планы командования не изменились.

Этим «личностям» предстояло легализоваться на острове и, если что не так, исчезнуть бесследно. Для них обоих были открыты банковские счета в Банке Ордена, и на них еще в пятницу, в Нью-Галвестоне, попали некие относительно круглые суммы. Не миллионы, но оплатить аренду виллы и машины хватит. И об этих личностях заранее известно Светлане — она готова их там встретить. Впрочем, имен она пока не знает, знает лишь то, что мы попросим ее помочь с нашим приездом. А поможет нам на самом деле Смит, раз уж он теперь с нами в говоре.

На следующее утро Бонита завела свой архаично выглядящий, но надежный как молоток «бандейранте» и повезла меня на аэродром, где дожидалась Джей-Джей с нанятой «Сессной Скайлэйн», побольше прежнего «кардинала» и поновей. Правда, и аренда нам обходилась в два раза дороже. Теперь нам предстояло лететь аж в Порто-Франко. Долгий перелет на две с половиной тысячи километров, с промежуточной посадкой и дозаправкой, больше двенадцати часов в воздухе. В этом самолете можно было, при отсутствии пассажиров, снять задние сиденья и поставить два дополнительных бака, вмещающих еще сто литров топлива, но на таком расстоянии это ничего не меняло: все равно одна дозаправка в пути, как ни крути.

Мы поздоровались-поцеловались с Джей-Джей, я закинул багаж в салон самолета и уселся на сиденье второго пилота. Перелет долгий, лучше подстраховать. На вынужденную посадку в саванне у меня

умения не хватит, но на уровне «взлет—посадка в нормальных условиях» я обучен. Ориентироваться в полете я тоже могу, а уж вести самолет по прямой особого умения и не надо — разве только на случай попадания в турбулентные потоки следует его контролировать. Для обязанностей второго пилота умений достаточно. Тем более что пилоту первому предстояли трудные дни. Доставив меня в Порто-Франко, она должна была немедленно возвращаться в Аламо, где на следующий день надо было взять на борт Бониту, Джо и Дмитрия и уже с ними лететь в Форт-Линкольн, где они должны были пересесть на очередной орденский челнок, улетающий на Нью-Хэвен. Еще с ними летел сын Уилла Хитфилда — Джим, который должен был перегнать самолет обратно на аэродром Аламо. В общем, налетается Джей-Джей в ближайшие дни по самое «не могу».

Джей-Джей запустила двигатель, винт закрутился, вылетели в стороны клубы синего дыма из выхлопных патрубков. Прогреваемся, сейчас полетим. И на этот раз мы уже полетим к той самой, конечной цели, ради которой рисковали головой, захватывая судно посреди моря, вступая в бой с наркоторговцами в мангровых болотах дельты Амазонки, ради которой идем на прямой конфликт с самой большой силой в этом мире — Орденем. Теперь или все получат то, к чему стремились, или... даже не хочется думать, что будет, если наступит это самое «или».

— Джей-Джей, ты хоть соображаешь, в какую мясорубку суешь голову? — спросил я следящую за датчиком температуры девушку.

— А что? — спросила она. — Что-то не так?

— Все так, просто можно очень просто без головы остаться. Ты уже не маленькая, понимаешь, где собираемся бардак устроить. Орден вряд ли будет счастлив.

— Орден может трахнуть себя, если такой нежный, — выпитив нижнюю губу, заявила она. — А мне такая работа интересней всего, что может быть. Интересней, чем гонки. Мария Пилар ненамного меня старше, а участвует в каждой заварухе. К тому же мне нравится летать, и мне нравится идея получить тридцать тысяч экю в финале. И я могу защитить себя, ты же знаешь.

— Прогрелись, кажется?

— Похоже на то, — кивнула она. — Будем взлетать.

Джей-Джей вызвала диспетчера, сообщила о взлете, получила добро. Все же здесь авиацию тоже не успели забюрократить — ни бортовых номеров, ни полетных планов, даже удостоверений пилота не существует. Вместо бортовых номеров — позывной, который ты сам себе придумал и можешь хоть каждый день менять, а вместо пилотских сертификатов... Умеешь летать — летай на здоровье, пока не грохнешься. А если грохнулся, то получается, что не умеешь летать,

значит, не летай в таком случае. Вот и весь сертификат. Здесь даже водительских удостоверений нет, нет регистрационных номеров — ничего. Как раньше лошади у людей были. Хочешь — клеймо поставь, не хочешь — не ставь, твои проблемы. На первый взгляд странно, но на самом деле нормально. Больших городов здесь нет, поэтому надзор за тем, чтобы пьяные подростки на родительских машинах по улицам не гоняли, очень простой — все друг друга в лицо знают.

Зато нет у людей затрат на содержание больших бюрократических структур вроде тех, которые тебе за твои же деньги дают право водить или такового права лишают. Вообще здесь функции государства на всех территориях представлены очень зачаточно — лишь в рамках самого необходимого. Оборона, рост экономики и поддержание правопорядка. Все. Люди в остальном сами регламентируют свою собственную жизнь и, как ни странно, не помирают от того, что за каждым их шагом специальный чиновник не наблюдает. Здравый смысл — он тоже хороший сдерживающий фактор, а опасность быть или убитым, или съеденным, или уведенным в рабство, если ты ведешь себя глупо, очень способствует развитию конструктивного мышления. Трудно сказать, как здесь пойдут дела дальше, наверняка снова возникнут государства в полном объеме, выстроят всех по линейке и ранжиру, как бы даже во имя общего блага, запретят все, что можно, а то мы как дети неразумные — без надзора перемрем все. Чтобы потом по чуть-чуть разрешать. Но пока... Пока здесь жизнь чуть ли не по Бакунину, как ни крути. Анархия — мать порядка. Утрирую, конечно, но не слишком сильно. И ведь есть порядок — своеобразный, правда, но есть.

Зафилософствовался я что-то, а мне о деле думать бы надо, об операции предстоящей. Мы вот уже взлететь успели, высоту набираем над волнистой колышущейся поверхностью саванны, где пасутся стада всевозможных животных, на курс ложимся. И лететь нам по этому курсу шесть часов до первой промежуточной посадки на дозаправку. Сначала мы пересечем всю Территорию Техас, пролетим над Северной Дорогой до ее границы с Американскими Соединенными Штатами, уйдем немного северней вдоль долины реки Рио-Бланко, несущей свои воды на юг, к Большому заливу. Затем мы сядем на большом, но уединенном аэродроме в саванне, возле которого находится лишь форт-заправка, несколько магазинчиков и мастерские. Больше в этом месте нет ничего, но воздушное движение здесь очень оживленное. Самолеты такого класса, как тот, на котором мы сейчас летим, и составляют основу гражданской и всякой другой авиации в Новой Земле. Есть и более легкие, но они редко летают между территориями, у них чаще другие функции. А таким, как эта «Сессна Скайлэйн», со средней дальностью полета в полторы тысячи километров плюс-минус сотня, при перелетах через этот пустынный кусок земли требует-

ся дозаправка. Иначе никак не попадешь на нем, скажем, из Техаса или Конфедерации на ту же французскую территорию Евросоюза или в континентальные британские владения. И три предприимчивых брата Леру, французы, работавшие раньше в аэропорту Шарля де Голля возле Парижа, организовали этот самый аэродром «подскока» посреди, казалось бы, совсем безлюдной саванны, рассчитав с математической точностью ту точку, где сходится большинство маршрутов полета. Взяли кредит в орденском банке, наняли людей, организовали охрану, построили первую грунтовую ВПП, разместили заправки и... немедленно заполучили великое множество клиентов. Восемьдесят процентов самолетов, летящих над северной половиной населенного мира, с запада на восток или наоборот, делали посадку на аэродроме братьев Леру. Место стало развиваться, к нему притулились торговцы, механики, появились даже маленькие, но вполне комфортные гостиницы. Дело процветало.

Раза три на аэродром совершались налеты банд, но владельцам и персоналу аэродрома удавалось отбиваться с помощью трех пожилых, но полностью модернизированных броневиков «феррет» со спаренными крупнокалиберными пулеметами и удачно расположенных на высотах вокруг поля огневых точек. Оборону здесь организовывал бывший майор французского Иностранного легиона Дюпре, которому теперь принадлежали склад запчастей и две гостиницы на этом аэродроме.

Вот к этому примечательному месту и лежал наш путь.

*Территория Ордена, г. Порто-Франко
22 год, 11 число 10 месяца, понедельник, 25.00*

Если на меньших расстояниях выигрыш времени был не так заметен, то на таком, как сегодня, преимущества полета были видны сразу. Пусть мы летели медленно по современным стандартам, со скоростью, нормальной для самолета тридцатых годов двадцатого века, пусть мы три с половиной часа провели на аэродроме братьев Леру, заправляя «сессну», обедая в маленьком кафе у летного поля и, главное, посетив туалет, но мы за один день покрыли путь, который до этого занимал у нас пять дней. Вот тут поневоле задумаешься — не следует ли обзавестись для отряда собственным самолетом? Сколько там «Пайпер Арроу» стоит? Двести пятьдесят тысяч экю? Все же у нас еще с полмиллиона в заглазнике имеется... которые, по-хорошему, надо бы отдать дальше, в штаб... Но мы ведь еще Родмана грабить собираемся... Эх, и хочется, и колется, и мамка не велит... Мы ведь могли бы деловые поездки ускорить до одного дня в любом направлении: это себя окупит. Мы за этот полет сожгли чуть больше пятисот литров

авиационного бензина по цене полтора эю за один литр. Автомобиль «перенти» сжигает за этот же путь около шестисот пятидесяти литров дизельного топлива по цене семьдесят центов за литр. Всего лишь в два раза дешевле по топливу и в пять раз дольше по времени. Дело того стоит, как мне кажется. Сам по делам на самолете, а товар может и с экспедиторами, в составе конвоя ехать. Ох, шибко думать надо, шибко!

В общем, приземлились мы с Джей-Джей в Порто-Франко вечером, уже сумерки начались, но все же успели до темноты. Не пришлось отыскивать аэродром по радиомаяку и садиться по световым сигналам. Дорулила наша пилотесса «сесну» до указанной стоянки, заглушила утомившийся за день двигатель. Распахнули дверь, вылезли наружу, потягиваясь, прыгая и старясь всеми возможными способами размять затекшие спины, конечности, шеи. Но все равно хорошо, что за день управились.

К нам от домика начальника аэродрома подъехал открытый старенький «Лэндрокер 110», местами заметно ржавый, а другими местами — битый, работавший в пределах забора транспортом по доставке людей и багажа от самолетов до ворот и обратно. Пожилой дядька с бородой и в черной бейсбольной кепке жестом предложил нам забрасывать в кузов сумки и садиться в машину самим, после чего мгновенно домчал нас до выезда. Мы зашли в диспетчерскую, уплатили за суточную стоянку самолета, поинтересовались — как бы обзавестись машиной в прокат?

За суточный прокат машины с нас взяли еще двадцать пять эю и к самым дверям подогнали совсем новенький «Сузуки Самурай» испанской сборки, выкрашенный в белый цвет с ярко-красными диагональными полосами, чтобы было видно, что он принадлежит аэродромной прокатной компании. Мы перекинули вещи из старичка «сто десятого» в чуть удлиненный кузов «самурая», попрощались и выехали за ворота аэродрома. Спускались сумерки, и я зажег фары. У блокпоста на въезде в город нам опечатали оружие в сумке, зарегистрировали Ай-Ди, причем я уже предъявил фальшивый, сработавший безукоризненно. В город въехал бывший гражданин Украины Алексей Яковенко.

Через пятнадцать минут мы уже получали два номера в мотеле «Арапат», и мне при этом приходилось буквально отбиваться от наседавшего Саркиса, обещая ему лишь только забросить вещи в номер и сразу же явиться к ужину. К присутствию юной и красивой Джей-Джей он отнесся весьма подозрительно, в готовности встать на защиту прав и интересов Бониты, но, когда я отрекомендовал ее как дочь своего друга и пилота, Саркис окончательно расцвел, осыпал ее комплиментами, сумев все же засмущать никогда до того не смущав-

шуюся девушку, и взял с нее клятву немедленно по выходе из душа явиться в ресторан.

В общем, уже минут через двадцать мы сидели за столиком. Все было как всегда, и как всегда было приятно. Прибежал Билл, долго жавший нам обоим руки и хлопавший уже меня одного по спине своей тяжелой толстой рукой. Саркис блистал гостеприимством, кормил нас и поил. Принимал гостей, в общем. Требовал рассказов, слушал, ужасался, болел, радовался. Он вообще был благодарным слушателем с хорошей привычкой не превращать рассказ в сплетню. Обычно рассказанное ему с ним же и оставалось, поэтому он был награжден достаточно полной версией описания наших приключений. Был рассказ и о захвате судна злобных работяг, поведал я ему историю о бое в мангровых болотах с последующей погоней за нами, рассказал и о гигантском крокодиле, и об освобожденных пленных. Джей-Джей и сама толком наших приключений не знала, поэтому слушала, открыв рот. При этом в глазах у нее явно читалась мысль: «Черт, как же я могла все это пропустить? Ну только попробуйте обойтись без меня в будущем!»

Саркис узнал, что я заинтересовался самолетами «на предмет купить», и сказал, что у него есть знакомый, торгующий доставляемыми через «ворота» самолетами, причем торгует он ими прямо здесь, на аэродроме Порто-Франко, так что вполне можно будет с ним поторгаться, если найдется что-то приемлемое.

К сожалению, как ни гостеприимен был наш друг, но нам пришлось уйти спать, не засиживаясь особо. Все же завтра вставать всем рано, а Джей-Джей еще и длительный одиночный перелет предстоял. Саркис сунул мне на прощание распечатку финансового отчета по магазину, и мы разошлись по домикам. И в двадцать восемь ноль-ноль уже спали.

*Территория Ордена, остров Нью-Хэвен
22 год, 12 число 10 месяца, вторник, 15.00*

Смит меня не подвел. Когда уже знакомый мне «геркулес» приземлился на аэродроме Нью-Хэвена и транспортер доставил меня и еще с десяток разных людей с багажом и без багажа к контролю, он встречал меня там. С ним стоял орденский патрульный. Сержант провел меня вместе с сумками и оружейными чехлами мимо контроля, после чего Смит подхватил одну из моих сумок, и мы вышли на стоянку перед зданием аэропорта.

— Как долетели? — спросил он.

— Спасибо, все в порядке, — поблагодарил я. — Проспал весь полет по обыкновению. Я вообще не зарегистрирован на въезде?

— Вообще, — покачал головой Смит. — Вас нет. Но в пределах острова Алексей Яковенко числится сотрудником нашего отдела, поэтому вы можете проходить любые проверки, носить любое оружие и бывать где угодно, только не злоупотребляйте этим. И с Родманом случайно не столкнитесь нигде.

— Бернстайна нет? — спросил я.

— Нет, но Маллиган сегодня вылетает в Нью-Рино. Подозреваю, что оттуда высылают новую партию наркотиков и других девушек. Такой спешки не было бы, если бы не ждали визитера.

— Похоже на то. Эта машина? — показал я на уже знакомый открытый «сто десятый».

— Да, она самая, — подтвердил он. — Садитесь, по пути поболтаем.

Мы погрузились в машину, Смит сел за руль и вывел «лэндровер» со стоянки на дорогу.

— Я подготовил вам подробную карту острова с теми пометками, о которых вы просили. — Он протянул мне большой белый конверт, вытащив его из зажима за солнечным козырьком. — Я обозначил на ней те места, куда вам нет доступа, какими, собственно говоря, являются лишь «Территория частных владений», ну и просто обычная частная собственность, как и в любом другом месте. Зато теперь, если захотите, вы можете в любую секунду сбежать в Старый Свет. Если, конечно, канал будет открыт.

— Да ну? — удивился я. — И где я окажусь?

— Там несколько выходов, но в основном они расположены в закрытых частных клиниках, клубах, отелях. Кстати, это довольно дорого для тех, кто пользуется проходами — куда дороже, чем слетать первым классом из Нью-Йорка в Австралию. А вот вы свободно можете воспользоваться служебным проходом, «ворота» номер десять, и окажетесь в Вашингтоне, в подвале некоей юридической компании «Гольдман, Брук и Горовиц» неподалеку от Департамента финансов. Через «ворота» номер одиннадцать вы попадете в Лондон, в подземный паркинг офисного здания в районе Марбл Арч. Но лучше вам туда не ходить без специальной визы, подписанной вашей знакомой, которая должна «висеть» в компьютере у них. Да и вообще этим лучше не злоупотреблять, а то могут выставить счет за бездельное использование канала.

— Интересно, — усмехнулся я. — Кстати, мне нужно будет с ней увидеться.

— Ваш мобильный из Порто-Франко у вас с собой? — спросил Смит.

— Разумеется.

— Тогда запишите ее номер. Связь здесь безопасная, можете говорить спокойно.

Смит продиктовал мне номер, который я внес в память телефона. Доеду до дома — позвоню. Один союзник, Смит, у меня здесь есть, пора и второго заполучать. Светлана теперь здесь босс, у нее сила.

— Кстати насчет безопасности связи — неужели никто не слушает вообще? — поразился я.

Мне уже говорили об этом в прошлый визит, но я все же из России, привык смотреть на это совсем по-другому. Да и вообще в мире любят послушать, о чем ближние по телефонам беседуют.

— Не слушают. И некому слушать, — ответил Смит. — Мобильной связью здесь пользуются обитатели частных территорий, их окружение, главы самого Ордена. И кто-то будет их слушать? При чем те, кому они еще и зарплату платят? Поймают на прослушке — акулам скормят. Самоубийц здесь нет. И вообще не годится кусать руку кормящую.

Идею скормить акулам любителей послушать чужие разговоры внутренне я принял чуть ли не с восторгом. Но виду не подал, а перешел к делу:

— Смит, теперь самое главное... — Я даже выдержал маленькую паузу. — Каким образом вы думаете заманить Родмана на аэродром?

— Очень простым, — пожал плечами Смит. — Он полетит выплачивать вам оставшиеся полмиллиона, которые у него будут при себе. Наверняка возьмет с собой Маллигана: он без него и Хоффмана за пределы острова никогда не вылетал. Я скажу, что встреча состоится прямо на аэродроме Порто-Франко, куда вы подвезете оставшиеся «стингеры» и где я смогу обеспечить ему прекрасную охрану из орденских военных. Причиной будет то, что вы требуете еще и переговоров лично с ним при обмене оружия на деньги. Вот и все. Он согласится, если будет чувствовать себя настолько в безопасности.

— Миссия секретна, я надеюсь? — уточнил я.

— Секретней некуда, но полетный план все же представлен, — пояснил Смит. — Так будет лучше для нас. Пусть после взлета самолет улетит в неизвестном направлении. А в нем — Родман.

— Как он сам себя ведет? — спросил я.

— На службе его не видно вообще, — ответил Смит. — Похоже, что он в панике. Проект с вооружением бандитов на Диких островах не получился, весь его план под угрозой. Начальство его порвет на клочки, если русские успеют высадиться на островах. И клочки пропустят через мясорубку. Они все поставили на его проект. Поэтому, если он улетит с кучей наличных в неизвестном направлении, это будет понятно всем, никто не удивится и все будут искать его.

— Это хорошо, — согласился я. — Я попытаюсь подбавить к этому еще достоверности с помощью Светланы Беляевой. Попробую встретиться с ней сегодня.

Смит кивнул, как бы показав, что усвоил информацию, и продолжил:

— Родман требует от меня найти другой канал передачи «стингеров» бандитам,— сказал он.— Я пообещал, увязывая это неким образом с окончательным расчетом с вами. Это придает ему решительности лететь в Порто-Франко. В общем, выглядит он бледно и, как мне кажется, большую часть времени посвящает тому, что успокаивает начальство, обещая все исправить. За последнюю неделю его не видели в офисе ни разу.

Ну это как раз несложно предположить. Взял на себя все, что можно, надавал обещаний, авансом заскочил на должность, даже своих людей поставил, а теперь выясняется, что ни одно из них не выполнено. Побегаешь тут. И самое главное — кому наобещал? Тем, от кого его судьба, да и сама жизнь зависят.

— Смит, кстати...— спросил я собеседника.— А территория аэродрома для меня доступная зона?

— Да. Фактически вы теперь вместо Брауна,— подтвердил собеседник.— Точнее, не вы, а этот малопонятный украинец Яковенко. Я вам уже не нужен. Вам достаточно подойти к начальнику контрольной смены и вместе с ним пропустить кого угодно и куда угодно, без досмотра и формальностей. Они лишь зарегистрируют в своей базе данных: «Яковенко провел четверых», или сколько вы там проведете.

— А никакой звонок не прозвонит по поводу этого Яковенко? — забеспокоился я.

— Яковенко прошел все проверки,— заявил он.— Не думаете же вы, что я стал бы вносить непонятно кого в списки сотрудников? Он о'кей, он приехал в Новую Землю более двух лет назад, направился в Новую Одессу. Дальше никаких реальных сведений нет, потому что финансовых операций через наш банк не вел, но таких в этом мире половина, причем большая. Так что все в порядке, Яковенко — полноправный сотрудник Ордена, и точнее — разведывательной службы Ордена. У вас прав теперь — как у агента 007. И у уважаемой Марии Гомез из Пуэрто-Рико, урожденной колумбийки, ненамного меньше. Она пока числится у нас как клерк, но и клерк не последнее лицо. Не стоит меня недооценивать, мое положение в этой секретной службе весьма высокое, и если уж я вас обоих легализовал на острове, то сделал это как следует. А вообще в компьютере на аэродроме висит приказ за подписью Родмана, где он поручает вам, мне или Марии Гомез провести бесконтрольно несколько человек с континента.

На последней фразе Смит усмехнулся.

— Ну ты скажи...— восхитился я.— Хорошо, я их встречу. А что с местом проживания?

— Посмотрите,— ответил он.— Вилла, где будете жить вы, принад-

лежит отелю «Great Mountain». Мы могли бы даже выделить ее вам за счет Отдела, но это привлечет лишнее внимание. Проживание стоит пятьсот экю в сутки, место скорее шикарное, чем просто хорошее, но его главное достоинство — абсолютное уединение. Советую оплатить просто наличными: тогда вообще полная анонимность. Для многих посетителей острова это важно.

— Я так и сделаю,— кивнул я.— Просто боялся, что наличных они избегают.

— Здесь не Старый Свет, от наличных никто не шарахается,— засмеялся Смит.— Хоть золотым песком платите, на вес. Мой совет — дайте мне наличные на неделю проживания, скажем, а лучше — на десять дней, а я завезу их прямо в кассу отеля. Тогда вас никто там не увидит. Убирать у вас будут исключительно по вызову, так что если не станете вызывать горничных, то даже в лицо вас там знать не будут.

— Разумно,— согласился я.

— Для остальных же из вашей команды я снял виллу попроще, по телефону, причем представился Маллиганом. Вот ее как раз оплатили со счета Отдела. Для них тем же Маллиганом забронированы два прокатных автомобиля, которые доставят к дому к приезду ваших коллег. Автомобили тоже за счет Отдела.

— А сам Маллиган это никак не обнаружит? — поразился я.

— А как? — усмехнулся он.— Вот вы никогда не пробовали обзванивать автопрокатные компании, чтобы выяснить, не бронировал ли кто-нибудь автомобиль от вашего имени? При условии, что никакие счета за это вам не поступают.

— Нет,— покачал я головой, поразившись простоте решения.

Действительно, с чего бы? И какие это может вызвать подозрения? Да никаких: криминала в этом нет.

— Ну и он не станет,— добавил Смит.— С какой стати?

Пока мы со Смитом болтали, дорога вывела нас на маленький гравийный проселок, сворачивавший с основной трассы и пробиравшийся через заросли тех самых деревьев с зелено-красными листьями и красными душистыми цветами, поразившими меня в прошлый раз. По проселку мы ехали не более одной минуты, после чего «лэндровер» въехал в условные ворота-арку в высоченной зеленой изгороди и остановился перед крыльцом длинного одноэтажного дома, построенного из дерева и стекла на фундаменте из дикого камня. Интересная архитектура — такая смесь карибской хижины и альпийского шале. Но красиво, по-настоящему красиво. Просторная веранда во всю длину дома, огромные окна, крыша, выглядывшая как тростниковая, но на самом деле таковой наверняка не являвшаяся. Так близко от дороги — и невозможно даже разглядеть. Никаких соседей поблизости. Изумительно.

— Как вам нравится? — мне показалось, с некоторой гордостью спросил Смит.

— Здорово. Действительно потайное место. И красивое, — откровенно поразился я.

— Это верно. Знаю, что проект авторский — какой-то знаменитый архитектор из Бразилии его делал. Из той Бразилии, большой, старосветской.

— Понятно. А это?

Я показал на зеленый открытый «джип рэнглер», стоящий у крыльца.

— Это прокатная машина. Стоит восемьдесят экю в сутки, я уже за нее заплатил. В общем, вы мне должны восемь сотен. Завтра я смогу вам подогнать еще машину из орденских служебных, такой же «лэндровер», как и у меня. Тогда вы можете кататься где угодно, носить оружие открыто, а пока попытайтесь сойти за отдыхающего. Если вы будете ходить с пистолетом, но ездить на прокатной машине, то можете вызвать подозрения.

— Догадываюсь.

— Ну и постарайтесь до того момента удержаться от посещения мест, куда ездят исключительно по делу. Это тоже лучше делать не на прокатной машине.

И впрямь странно бы я выглядел. А пока — «чинос» и бриджи, майки и рубашки «поло», легкомысленный вид — никто ничему не удивится. И через КПП не нужно кататься, размахивая Ай-Ди сотрудника спецслужбы.

— Чем еще могу сегодня вам помочь? — спросил Смит.

— Более ничем, пожалуй, — пожал я плечами. — Где ключи от машины?

— В перчаточном ящике, в конверте. Вот ключи от дома.

Смит протянул мне две пары плоских ключей.

— Это комплект или...

— Это два комплекта, в каждом комплекте ключи одинаковые, открывают наружную дверь дома, и все, — объяснил он. — От этой виллы и той, второй, где остановится ваша группа. На самом деле здесь не бывает преступлений и вторжений — не от кого запирается.

— Понятно, спасибо.

— Располагайтесь, — сделал он приглашающий жест в сторону дома. — Номер моего мобильного не потеряли?

— Нет.

— Звоните, если что. Линия защищенная. Удачи.

— И вам удачи, — кивнул я. — Не пропустите Бернстайна. Хотелось бы, чтобы он ответил за все.

— Если он приедет — вы узнаете об этом в ту же секунду, — серьезно ответил Смит. — Могу в этом поклясться.

— Клясться необязательно, просто надо не упустить сволочь, — сказал я. — Ладно, давайте займемся делами. Дел много, времени мало, а планы у нас... куда до них Наполеону.

Я подумал: знал бы на самом деле Смит все «планов громадье» — не знаю, решился бы он мне помогать? Сомневаюсь, очень-очень сомневаюсь.

Попрощались мы со Смитом, а я достал из джипа ключи от него и пошел в дом. Отпер входную дверь из темного дерева со вставками из толстого хрустального стекла, вошел внутрь, забросив сумки в прихожую. Хорошо! Много света, широкая низкая мебель, перетекающие одно в другое функциональные пространства, стеклянная стена на море, за ним еще одна терраса — невероятной ширины, со встроенным в пол бассейном и отдельным гигантским джакузи. Действительно, очень красиво и очень дорого.

Я решил, что дела подождут, а окунуться в бассейн стоит сразу.

*Территория Ордена, остров Нью-Хэвен
22 год, 12 число 10 месяца, вторник, 17.00*

После купания в бассейне я завернулся в полотенце, налил себе высокий бокал старосветского холодного пива «Амстел», которое нашел в баре в большом количестве, вышел на террасу и позвонил Светлане.

— Беляева.

Вот так, просто и лаконично. Вы позвонили Богу, и если вам нечего сказать — повесьте трубку. Или лучше — повесьтесь сами.

— Это я, — почти столь же кратко представился я.

Пауза. Вздох. Выдох — такой резкий, что в наушнике захрипело:

— Ты где?

— На острове.

— Не шути так. — В голосе даже укоризна проскочила.

— Не шучу, — усмехнулся я. — Можешь сама убедиться. И, в конце концов, для тебя что в этом удивительного?

— В принципе все нормально, но... Все же не ожидала. Где ты?

— Хм... сложный вопрос, — запнулся я, вспомнив о том, что понятия не имею, какой у виллы адрес. — Я на съемной вилле... а как она называется, дай посмотреть...

Я прошел с террасы в гостиную, где видел на телефонном столике нечто вроде «памятки постояльцу». Ага, так и есть.

— Вилла «Гарденция», — прочитал я в трубку. — Адрес... где тут ад-

рес, мать его? Ага, вот: Главная Дорога, сорок второй километр. Должен быть указатель на дороге.

— Я знаю, где это. Пообедаем?

— Не сегодня. Можно как-то заказать на дом? Я еще не очень хорошо ориентируюсь здесь. Нам надо поговорить, и я хочу показать тебе нечто. Да, еще... не слишком афишируй мой приезд, хорошо?

— Разумеется. Я смогу быть примерно через час, а обед... Ты как к японской кухне относишься?

— Очень положительно, но предпочитаю меню суши-баров. Суши, сашими, рору. К горячим японским блюдам отношусь уже хуже.

— Я привезу с собой.

— Отлично, выбери на свой вкус, не скупись в количестве. И побольше васаби, хорошо?

— Договорились. Жди меня через час с чем-нибудь. Ты один там, кстати?

— Один.

— Хорошо.

Зачем последний вопрос — дело понятное. Пока мне удавалось бегать от нее, храня верность Боните, но сегодня будет это сделать сложнее. Наедине, в романтической обстановке... Сложно. В любом случае — сначала она посмотрит видео с Хоффманом, потом мы с ней поговорим, а уже потом попытаюсь что-то придумать в свою защиту.

Подумал, что лучше ее не провоцировать и в одном полотенце на бедрах не встречать. Вытащил из сумки шорты и просторную майку, натянул все на себя. Остальную одежду следует погладить, по-хорошему бы, но как и где это сделать в этом доме, я еще не разобрался. Но не думаю, что здесь из-за каждой рубашки надо вызывать хаускипинг: наверняка где-то найдется гладильная доска и утюг, надо лишь поискать.

Смит в машине сунул мне подробную топографическую карту острова с пометками. Вот ею и займусь, пока ожидаю, как заместитель начальника новоявленной орденской разведывательной службы доставит мне обед. Я расстелил карту на кофейном столике, убрав с него предварительно корзину с фруктами. Остров маленький, но карта большая, подробная. Каждая тропка на ней изображена, каждый изгиб дороги. Остров представляет собой на карте почти правильный овал, с левого нижнего края которого как будто выкушен небольшой кусок. Это естественная бухта, в которой базируются сторожевые катера.

В самой высокой точке острова сходятся несколько дорог. Одна дорога ведет из сектора, занимающего около трети овала, весь юго-восток, и этот сектор обведен жирной красной чертой. «Территория частных владений»: туда мне хода нет, даже со статусом сотрудника местной спецслужбы. Думаю, если Бернстайн еще больше разбогатеет, то он в этот сектор переберется — и устроит там настоящую

бойню для своих жертв. И ничего ему за это не будет: даже поинтересоваться станет невозможно, чем же он там занимается. Вся территория отгорожена от остальной части острова где стеной, где сетчатым забором с «колочкой» поверху, и каждое из частных владений охраняется частной же охраной со всей возможной свирепостью.

Сектор поменьше, слева от частных владений, обведен по линии заграждений синим маркером. Туда я могу въезжать свободно. Это территория, отведенная под всевозможные службы Ордена, включая «наш» Отдел специальных проектов, как здесь обозвали разведслужбу. Всего три объекта обведены красным, но на настоящий момент они в зону наших стратегических интересов не попадают, так что и черт с ними. Мне туда не надо. Что еще здесь есть? Здесь есть расположение батальона Патрульных сил, примыкающее к бухте, на которой базируются патрульные катера. Есть местная электростанция. Все.

Нет, все же нам очень, очень повезло, что все службы находятся на юго-западе острова, потому как эта часть наименее комфортна для проживания отдыхающих в силу горного рельефа, а единственное плоское место, где и построили аэродром, находится на северо-востоке. Охрана аэродрома сменяется, продельвая путь почти в пятьдесят километров от бухты до аэродрома, при этом они вынуждены проезжать «бутылочное горлышко» — вершину острова, где сходятся все дороги. Обусловлено это все особенностями рельефа, а заодно и вопросами внутренней безопасности. Всегда легче контролировать перемещения людей из одной части острова в другую, если существует всего один проход, но ведь есть риск, что этот самый проход может взять под контроль кто-то еще. Об этом местные власти не думали.

Территория грузового и пассажирского терминалов вокруг «ворот» полностью обведена синим. Очень хорошо — значит, для меня есть вход всюду. Вот это нам нужно наверняка. Как только Смит пригонит служебную машину, немедленно туда наведуясь. И синим же обозначена территория аэродрома. И это тоже очень хорошо: именно это мне и нужно.

А вот и одна из целей операции: дом Спенсера Родмана Четвертого. Расположен дом прекрасно — в самой гуще зоны, где проживают приезжие, на самом берегу, «первая линия пляжа», как обычно называют агенты по недвижимости такого рода собственность. И участок, судя по всему, у дома немаленький: порядка гектара, может быть, чуть меньше. Соседи, правда, имеются, поэтому лучше не шуметь, когда будем там действовать. И если будем.

А насчет оружия... Риска нет никакого, но если уж перестраховываться, то спрятать во внутренней кобуре за поясом просторных бриджей маленький и бесшумный ПСС никакой проблемы не составляет, особенно если сверху накинуть майку, а поверх нее еще и рубашку на-

выпуск. Все же не стоит совсем безоружным гулять по враждебной, как ни назови, территории.

Внутренняя планировка дома Родмана, равно как и его двор, очень подробно были описаны нам Хоффманом, а Хоффман там бывал везде, и неоднократно, кроме одной комнаты в подвале, где, судя по всему, сотрудник DEA Бернстайн и проявлял свою истинную сущность, наслаждаясь пытками и убийствами. Тела для захоронения в море Хоффман и Маллиган забирали от порога этой комнаты, всегда упакованные в большие многослойные мусорные пакеты. Затем они везли их в багажнике машины через весь остров к бухте Патрульных сил, там перегружали на моторную лодку, вывозили подальше от берега и сбрасывали в воду, предварительно привязав груз и вскрыв полиэтиленовую оболочку.

Хорошо, что это была именно топографическая карта, а не дорожный атлас. Были обозначены все уровни и высоты, а для нашего дела это и было самым важным. Зачем? А чтобы найти подходящие места для минирования дорог и устройства засад. Одно дело искать это все самому, на местности, а другое — с предварительно проработанной топопривязкой. Ведь как бывает? Например, есть идеальное место для засады, обстрела автоколонны. Зажатая в узостях дорога, отличные сектора обстрела — казалось бы, чего надо? А надо, на самом деле, еще и смыться потом куда-нибудь после того, как отстреляешься. И если нет в этом месте удобных маршрутов отхода, то нормальная засада превращается в отчаянную акцию смертников. А разведать на местности самостоятельно подобную Нью-Хэвену территорию, разобраться, где можно пройти и где нельзя, удастся эдак месяца за три-четыре. Так что Смит нас этой подробной топографической картой порадовал. Она ведь для всех, кроме ограниченного круга служащих Ордена, проживающих на острове, — секретная информация.

Итак, что мы имеем с гуся? Мы имеем ситуацию, когда охрана и оборона вверенного Патрульным силам объекта полностью рассчитана на отражение нападения извне. И если начать атаку на нее изнутри, это может привести к почти полному ее коллапсу. Основные уязвимые точки в ней — это пост РЛС на вершине, связанный с несколькими пусковыми установками зенитных ракет, которые без него становятся бесполезным железом. Еще он контролирует окружающую остров водную поверхность до возможного горизонта, поддерживая связь с патрульными катерами. Еще одна РЛС — на аэродроме, следящая за взлетающими и садящимися самолетами и предназначенная исключительно для управления полетами: разве что запрос «свой—чужой» можно осуществить через нее. Оперативная переброска подкреплений между расположением Патрульных сил и аэродромом невозможна, и в любом случае подкрепления следуют через

узость на вершине и далее по дороге на местности, вполне отвечающей понятию «горно-лесистая», то есть — идеальная для устройства засад.

Окружающая остров Нью-Хэвен пятидесятимильная зона патрулируется не менее чем двумя патрульными кораблями в любой момент времени, и еще два находятся на боевом дежурстве в бухте, но наводятся они по указанию со все того же радиолокационного поста на вершине. Именно эти радары обнаруживают цели на поверхности моря и наводят на них сторожевики. Соответственно при отсутствии наведения или ложном наведении сторожевики могут стать почти бесполезными. Их собственные радары действуют в пределах гораздо меньшего радиуса, сам остров создает «мертвые зоны», а зенитные радары, управляющие наведением «стингеров» в спаренных пусковых, вообще слабосильны.

Еще одним серьезным элементом обороны острова являются размещенные на аэродроме вертолеты «апах». Это немалая сила — шесть современных ударных вертолетов. И два из них находятся в постоянной боевой готовности, в ожидании команды к взлету. Все тот же радиолокационный пост на вершине должен навести их на цель, и тогда они ударят по ней, плывущей или летящей, «хэллфайрами» или «стингерами» или разнесут из бортовых пушек. Мало что из имеющегося в Новой Земле может устоять против настоящего боевого вертолета. Правда, при условии, что им управляют с командного пункта, а летчик находится в пилотском кресле, а не лежит, скажем, с разбитой мордой где-нибудь в подвале. В последнем случае вертолет уже не так опасен, если только в темноте в него лбом не врежешься. По пьяни, например.

Как говорил Архимед? «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Погорячился старик, конечно: кто бы ему такую точку дал, но в принципе мысль правильная — найди эту самую ключевую точку, и мир, или не мир, но что-нибудь, ты точно можешь перевернуть к чертовой матери. Хотя бы что-то ценное и хрупкое имущество. Так и с этим островом: дай нам найти уязвимые места — и мы тут такое устроим...

От размышлений над картой меня отвлек звонок в дверь. Светлана. Как раз чуть больше часа прошло с момента телефонного звонка. Я встал с дивана, прошел через огромную гостиную и холл к двери, распахнул ее.

Свежее лицо с минимумом косметики, белая рубашка мужского покроя в тонкую голубую полоску, накинутая поверх белой хлопковой майки, голубые джинсы в обтяжку, прекрасные «шоферские» мокасины из мягкой бежевой кожи, в тон брючному ремню и замшевой сумке. Рукава сорочки закатаны до локтя, открывая красивые руки с белой, почти незагорающей кожей. Волосы прямые, но уже не «каре», а настрижены прядями разной длины, образующими эдакий аккурат-

ный беспорядок в стиле героинь аниме. В руках — большой пакет, в котором видна целая стопка коробок из яркого картона.

И вообще здорово она выглядит. Всегда была красива, а сейчас — так вообще. По моему наблюдению, Светлана хорошеет по мере подъема по служебной лестнице. Сделай ее Президентом — и оба мира просто ахнут. Поначалу. А потом — взвоют.

— Привет, любимый,— с ехидством в голосе поприветствовала она меня.

— Привет,— улыбнулся я.— Проходи.

Следуя моему широкому пригласительному жесту, она вошла в дом, огляделась.

— Миленько, миленько,— констатировала очевидный факт.— И почему благодать?

— Пятьсот в сутки, со скидкой.

— Растет благосостояние? — притворно удивилась она.

— Понемножку: работаем все же,— чуть поклонился я.— И Родман денюжат подкинул. От щедрот, так сказать...

Она засмеялась:

— Да, его тогда чуть удар не хватил, когда вы ракеты увезли и деньги потребовали. Никогда не думала, что он может стакан виски одним махом выпить, так разволновался. Встал, достал бутылку из бара, налил и засосал, потом чуть не сблевал, правда. Думала, что на меня с кулаками кинется.

— Не кинулся?

— Попробовал бы, зайка,— усмехнулась она.— А вообще я ему сказала, что надо своих сотрудников в курсе дела держать. И если бы он сразу сообщил мне, что задумал, то я, мол, предупредила бы его, что ты именно так и поступишь.

— И как?

— Он сожрал,— ехидно ухмыльнулась она.— Хоть и давился.

Она поставила пакет с коробками на разделочный стол в кухне и начала открывать коробки одну за другой, выкладывая из них пахнущую морем еду на квадратные тарелки, которые нашлись в буфете.

— Как ты сюда попал? — спросила она, оглянувшись через плечо.— Я имею в виду — на остров?

— Попозже расскажу. Долгая история,— увильнул я от преждевременного ответа.— Точнее, попал, как и планировали, но не с твоей помощью. Давай сначала поедим, я голодный.

— Ну конечно, мужик голодный, теперь пока не поест — от него толку никакого,— фыркнула она.

— Закон природы,— заявил я, воздевая указательный палец.— Сытый мужик — добрый мужик. И вообще — чего ты хочешь, если я в последний раз вчера вечером ел?

— А, ну да... Ты же на завтрак, кроме трех чашек кофе, ничего не принимаешь, насколько я помню.

— Верно, помнишь.

— Хорошо, не ной, накормлю я тебя сейчас,— заявила она.— Запивать чем будем? Пиво в этом доме есть?

— Справа от тебя, в низком холодильнике.

Щелкнул магнит дверцы, зазвенели бутылки.

— Дорогой, тебя снабдили пивом как минимум... на неделю,— заявила Светлана, вытаскивая пару бутылок.

— На неделю не хватит,— запротестовал я.— Дня на три максимум.

— Алкаш.

— Неправда ваша,— продолжил возмущаться я.— Просто у нас понятие «норма» сильно отличается...

— Ладно, можешь садиться,— сказала она, прервав мою речь.

Мы уселись за длинным массивным столом из темного дерева, с углами, обитыми кожей. Уселись друг напротив друга, но не по-королевски, на дальних концах стола, а просто у противоположных сторон. Светлана разлила темный, остро запахший в чистом воздухе соевый соус по розеткам. Я подцепил палочками комочек васаби с тарелки, начал разбалтывать в соусе.

— Рассказывай, как тебе послужит теперь? — спросил я ее.

— Мне послужит, как ты выразился, хорошо,— ответила Светлана, тоже разбалтывая зеленую пасту в темном соусе.— Очень хорошо. Родман свалил всю настоящую работу на меня, а сам появляется два-три раза в неделю на пару часов, чтобы просто узнать, чем занимается его отдел. Простительная слабость для начальника — полезно для общего развития, ну и мы не чувствуем себя окончательно брошенными.

— Катя здесь?

— Здесь.— Она лукаво посмотрела на меня.— Хочешь Катю?

— Издеваешься?

— Немного,— ухмыльнулась она.— А почему бы и нет, кстати?

— Просто нет.

— Самый исчерпывающий ответ. Ладно, на нет и суда нет,— легко согласилась Светлана.— В общем, фактически я возглавила разведывательную службу Ордена. Пока маленькую и слабую, но возглавила.

— Звучит неплохо,— сказал я, добавив уважения в голос, причем вполне искренне.— Кстати, ты выглядишь потрясающе — сразу видно, что процветаешь. И я вот на обувь обратил внимание: очень уж знакомо выглядит.

— Да, когда мне нужен шопинг, я прохожу через «ворота» номер одиннадцать, попадаю в Лондон и иду на Бонд-стрит. Моя должность позволяет избегать любых вопросов.

— Эта обувка с Джермин-стрит, — уточнил я.

— Рубашка тоже, — кивнула она. — А еще я купила машину в Америке, за ту, старосветскую цену, и въехала на ней через «ворота» сюда. Как видишь, определенный прогресс наблюдается.

Я встал из-за стола, подошел к окну, выглянул во двор. Там, рядом с прокатным «рэнглером», стоял новенький короткобазный «Мерседес Геландеваген» с открытым верхом. Серебристый, явно в гражданской и очень дорогой комплектации, но с орденскими «смотрящими пирамидами» на бортах. Это уже, наверное, от любых вопросов защита.

Я вернулся за стол, подцепил палочками еще ломтик сашими из морского зверя вроде осьминога, поболтал его в соусе, закинул в рот.

— Неплохая покупка, — похвалил я ее. — Ты всем довольна, как я посмотрю?

— Почти, но не всем. — Она показала рукой вокруг себя: — Это все неплохо, но все же всей полноты власти у меня нет. Родман сохраняет за собой все права, окончательную подпись и все такое. Фактически я здесь до сих пор нахожусь его милостью. Пока я делаю покупки в Лондоне и покупаю машины в Америке, он может это изменить в любую секунду одним движением руки. И, как мне кажется, он вовсе не настроен что-то менять. Ему так удобней.

— Разумеется, ему так удобней: так ты остаешься управляемой. Я приехал это окончательно исправить, — добавил я в голос театральной патетики. — Ты сможешь подобрать выпавшее из его ослабевших рук знамя?

— Смогу, — сказала она, посмотрев мне в глаза. Она всегда так делает, если разговор начинает идти всерьез. — Мсье Гольдман, видный парижский адвокат, работающий на правительство, а заодно и один из членов Совета Ордена, очень неровно ко мне дышит. Так неровно, что подчас становится назойливым. А пока Родман является лишь исполняющим обязанности главы Отдела специальных проектов, Гольдман курирует нас.

— Соответственно если Родман по какой-либо причине оказывается неспособным занимать это кресло, то Гольдман может назначить на эту должность тебя, а ты уже, без приставки «врио» к должности, избавляешься от куратора и управляешь всем. Так? — уточнил я.

— Именно так, — подтвердила она. — Причем не только может: он обязательно протолкнет именно меня на эту должность, если я ему намекну, что может быть взаимность. Только намекну. Взаимности не будет — кое-что изменилось в этом мире теперь. А когда я там окажусь уже не «врио», я просто смогу его вежливо послать: меня уже не скоырнешь. А вообще ты хорошо разбираешься в бюрократических играх. Где учился?

— Жизнь учила, — ответил я уклончиво, потому что и сам не знал

ответа.— Гольдман... Гольдман... Где-то я уже сегодня эту фамилию слышал. Стоп! Это американская юридическая компания, которая...

— Это его брат,— поняла меня Светлана.— Двоюродный брат. Один кузен, младший, работает во Франции, а старший — в Америке. Оба члены Совета Ордена. Как они так разбежались по континентам — не спрашивай, не знаю.

Я встал из-за стола, подошел к тумбочке возле дивана, на которой лежал белый бумажный конверт с оптическим диском. Взял его в руку, обернулся к Светлане.

— Сейчас я дам тебе посмотреть кое-что,— сказал я.— Можно сказать, посмотрим телевизор за обедом.

— Что именно? Порно? — хихикнула она.— Если порно, то давай лесбийское, потому что...

— Увидишь,— прервал я ее.— Посиди пока тихо.

Я подошел к DVD-плееру, воткнул в него извлеченный из конверта диск без всякой маркировки, включил телевизор. Никакого меню на диске не было, поэтому я просто нажал на кнопку «Play», и на экране появился сидящий перед камерой Хоффман с подбитым глазом.

— Ой, а этот придурак как в «ящике» очутился? — удивилась Светлана.— И что у него с глазом? Упал?

— В гости зашел, но вел себя плохо,— ответил я.— Ты послушай, это интересно.

— Подожди, подожди, это твой голос там задает вопросы? — прищурилась она, всматриваясь в экран.

— Мой,— подтвердил я.

— Вы что, главного родмановского холоуя украли? — удивилась она.

— Примерно так,— подтвердил я.

— Очень хорошо!

— Не любишь?

— Терпеть ненавижу! — сказала она со всей страстью.— Ни его, ни второго уroda, Маллигана. Выпьем за это! Надеюсь, вы его уже пристрелили.

— Пока нет, но всегда успеется,— пожал я плечами.— Да слушай ты, елки-палки, разболталась тут. Слушай, это тебе полезно знать.

Территория Ордена, остров Нью-Хэвен

22 год, 12 число 10 месяца, вторник, 20.00

Светлана действительно просидела все два часа перед экраном молча, не отвлекаясь ни на минуту. Давно уже мы доели, я дважды подставлял ей открытые бутылки пива, которые она машинально бра-

ла рукой со стола и пила из горлышка. Когда диск закончился, она потерла лицо руками, глубоко вздохнула.

— Знала, что они все сволочи, это всегда чувствовалось, но что они такие твари...— зябко передернула она плечами.— Это невероятно. Как в дерьме искупалась.

— Как ты думаешь, на «Территории частных владений» не такие же живут, вроде Бернштейна? Я слышал от Родмана, что там ты сам себе устанавливаешь законы.

Она посмотрела на меня внимательней. Затем сказала:

— Возможно... Очень возможно. Но даже я не знаю, что там делается: мне туда ходу нет. Не могу утверждать наверняка. У Бернштейна, наверное, просто денег не хватает владение там купить.

— А сколько это стоит?

— Не знаю, но слышала, что от двадцати миллионов за гектар или даже больше,— ответила она.— Очень, очень дорого. Плюс еще и ежегодные платежи. Ни Бернштейну, ни Родману пока не по карману, как мне кажется.

— Понятно,— кивнул я.— Вопрос первый: Родман занимается этим для себя или для Ордена? Я имею в виду — наркотиками.

— Думаю, что для себя, но Орден наверняка участвует в прибылях,— решительно заявила она.— Они как мафия здесь. Каждый ведет свой бизнес и лишь «отстегивает в общак». Никто ни в чьи дела не лезет, никто никого не контролирует. Но я понятия не имела, что Родман настолько полон дерьма. Это уже и у меня в голове не укладывается.

Вид у нее и вправду был совсем ошеломленный. Родман заметно перебрал с допустимым даже для беспринципного карьериста. Таких уже не понимают и, что важно,— стараются избавиться, причем совершенно инстинктивно.

— Похоже, что Орден уже давно стал главным поставщиком наркотиков в Старый Свет,— продолжал я ее подталкивать в нужном направлении.— Идеальный бизнес. Ни перелетов через границы, ни курьеров, ни колумбийских или афганских плантаций — ничего. Отравы появляется как из воздуха посреди страны, перевозит ее в багажнике чиновник из Агентства, может, даже не один, она попадает сразу через одного или двух посредников прямо на улицы. Невероятные прибыли, а Родман еще не переехал на «Территорию частных владений». Как так?

— Значит... Значит, он с кем-то очень сильно делится. С кем бы это, интересно? — явно задумалась и она.

— Как ты относишься к наркотикам?

— У меня лучшая подруга умерла в семнадцать лет,— ответила она.— Достаточно?

— Возможно, — кивнул я. — А к пыткам и убийству двух девушек каждые тридцать дней?

Она посмотрела мне прямо в глаза, взгляд был злой:

— Ты за кого меня принимаешь, если язык у тебя поворачивается спрашивать такое? Я давала когда-нибудь повод думать обо мне так, что кажется необходимым задавать подобный вопрос?

Нет, я ее ни за кого такого зловещего не принимал. Но спросить был обязан, что и сделал, а теперь я должен объяснить, зачем я это сделал:

— Я тебя принимаю за нормальную, рассудочную, абсолютно беспринципную стерву и карьеристку, которая при этом не испытывает ни малейшего сочувствия к убийцам-извращенцам и наркоторговцам. Я угадал?

Она перевела дух, затем ответила:

— В общем, угадал. — Замерла на секунду, посмотрела на меня с прищуром: — Подожди, подожди... Смиты ты это успел показать?

— Успел, — кивнул я.

— Теперь понятно, как ты здесь очутился, — кивнула она удовлетворенно, словно утвердившись в какой-то мысли. — Новые сотрудники Яковенко и Гомез — это ты и твоя девушка? Которых он и подобрал якобы на Большой Земле.

— Да, — подтвердил я ее догадку.

— Понятно. Трудно сказать, что я удивлена, хотя надо было бы меня предупредить. Я внесу тебя в допуск на проход через «ворота», а твою девочку сразу не смогу. Она по штатному расписанию каждый раз специальное разрешение у меня получать должна. Когда она прилетает?

— Через два дня.

— Хорошо. Значит, Смит переметнулся на твою сторону? — задала она прямой вопрос.

Интересно, что «хорошо»? Хотя ежу понятно что. Или не понятно?

— Смит остался на своей стороне, — отрицательно помотал я головой. — Он просто нормальный человек, профессионал. Он не обслуживает маньяков и всю жизнь гонялся за наркоторговцами. Он решил разобраться с этими сволочами доступными ему способами — с моей помощью, в частности. Это его решение.

— Что требуется от меня?

— Ты готова помогать?

— Да, я помогу, — кивнула она. — Если пообещаешь, что они подохнут. Все они, включая Хоффмана, где бы он ни находился там у вас.

— Насчет Хоффмана мне сложно сказать: он уже не у меня.

— Мне плевать, у кого он, — отрезала она. — Ты обещаешь мне его смерть — я помогаю тебе. Я тебя нанимаю, если угодно. — И прежде

чем я успел вставить слово, добавила, хлопнув ладонью по столу: — Все, таковы условия! Наш следующий контакт будет только в обмен на доказательства их смерти.

— Хорошо, — кивнул я после недолгой паузы. — Я обещаю.

Вообще-то они еще и единственные, кто сможет уличить Светлану в двойной игре. Так что в ее благородном гневе может быть и практическая подоплека. Даже наверняка есть, или это будет уже не Светлана.

— Что мне сделать? — спросила она, встав с дивана и подойдя к окну с видом на море.

— Самое главное — займи его место. Не облажайся, — сформулировал я сверхидею.

— Не облажаюсь, — обернулась она ко мне. — Еще что?

— Еще тебе нужно будет помочь прикрыть историю, — начал я осторожно. — Через несколько дней Родман схватит полмиллиона эю, усядется в служебный самолет вместе с Маллиганом — и исчезнет навсегда. Надо подать историю таким образом, что Родман с перепугу сбежал, прихватив деньги из бюджета Отдела и из домашнего сейфа. А испугался он того, что облажался на этой должности. И чего еще — придумай уже ты.

— Полмиллиона — мало, — чуть не по слогам произнесла она. — Надо больше украсть. У него лимит оперативных расходов до двух миллионов: никто не поверит, что он взял меньше. Если человек бежит, то он забирает все, до чего может дотянуться руками.

— Что делать? — уточнил я.

— Что делать? — усмехнулась она. — У меня есть доступ к его личному коду и его канал связи с банком. Ему иногда лень приезжать, чтобы что-то сделать, — вот я и изображаю его за его компьютером. Я могу снять с оперативного счета Отдела еще полтора миллиона. Причем их привезут сюда, я их возьму, а потом как будто отвезу ему на дом. Но нужно это сделать вечером, как раз перед тем как он исчезнет навсегда.

— И что для этого нужно? — спросил я. — Это же не просто так?

Мысль мне откровенно понравилась. Два миллиона всегда больше и лучше, чем полмиллиона. Можно будет и к вопросу покупки самолета обратиться.

— Нет, разумеется, — подтвердила она, затем спросила: — Как он будет передавать полмиллиона?

— В золотых слитках Банка Ордена.

— Понятно, — кивнула Светлана. — Тогда эти полтора доставят наличными. Если тоже в золоте, то будет подозрительно.

— Это сто пятьдесят килограммов, к тому же не считая веса упаковки, — добавил я.

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

О трилогии Андрея Круза, Марии Круз «Земля лишних»

При знакомстве с романами Андрея Круза возникает сладостное ощущение «ложной памяти», которое, я уверен, каждый серьезно настроенный читатель испытывал еще в детстве, когда придумывал, какие бы еще ценные трофеи мог спасти с разбитого парусника Робинзон Крузо и какие технические новинки из нашего времени могли бы пригодиться команде доблестного Сайруса Смита на Таинственном острове. Но с течением времени открывались иные врата в неведомое, а прежние закрывались, оставляя лишь вереницы воспоминаний. Надеюсь, в будущем найдется исследователь, способный провести стратиграфический анализ человеческих надежд и ожиданий, воплощенных в литературных произведениях «второго шанса» — то есть в книгах, посвященных усилиям обрести новый мир, будь то необитаемый остров или целая планета, отделенная от нас лишь незримой гранью восприятия. По сути дела, и этого мира вполне достаточно даже при том, что большинству не удастся повидать и малую его часть, не говоря уже о хитросплетениях истории и культуры... но это уже совсем другое дело. Здесь же речь идет о возможности получить новую жизнь и достойно прожить ее.

Свободный человек не вписывается ни в одну систему, кроме своей собственной, независимо от того, живет ли он на свалке или в хрустальном дворце, — но секрет в том, что действительно свободный человек не будет жить где угодно, а найдет то место, где ему будет хорошо. Именно об этом, в первом приближении, говорят соавторы через своего героя. Андрей Ярцев, как и многие его современники, прошел извилистый путь, логическим завершением которого на этой земле является точка невозврата. Эта точка превращается в сингулярность, позволяющую ему в целостности и сохранности проскочить за горизонт земных событий (по крайней мере, так ему кажется на первых порах). Он попадает в свой Элизиум, где не играют на арфах и не поют гимны, зато высоко ценят армейскую выучку, снайперские навыки, деловые качества и просто нормальную физическую форму. В мир поселенцев и первопроходцев, отягченный всеми

земными грехами, но еще не вполне подверженный гнету ничтожеств во власти. На самом деле это тщательно выстроенная технократическая конструкция, которая постепенно начинает давать сбои из-за невозможности тотального контроля. Границы причудливо смазаны и сближены, но в целом сохраняются очертания старого мира, воссозданного по воле творцов, преследующих вполне обыденные цели.

Здесь нужно сделать отступление и сказать, что соавторы сохраняют верность обстоятельной манере повествования (памятной по дилогии Андрея Круза «У Великой реки», горячо рекомендуемой читателям) и создают психологически комфортную обстановку, позволяющую отождествиться с главным героем или хотя бы вольготно чувствовать себя в его присутствии. Я намеренно не упоминаю о превосходных и подробных описаниях оружия, снаряжения, транспортных средств и тактико-технических характеристик — это авторский конек, и любые эпитеты здесь будут излишними. Еще один бонус: одежда, еда, выпивка и украшения — как говорится, мотайте на ус, и некоторая снисходительность вполне понятна. Любые уроки хорошего вкуса, особенно ненавязчивые, можно только приветствовать.

Было бы бессмысленно проследивать ход событий этой монументальной эпопеи, хотя некоторые комментаторы предпочитают именно такой путь. Тем не менее можно остановиться на некоторых эпизодах и соображениях, играющих ключевую роль или просто западающих в душу. Прежде всего это готовность Андрея Ярцева круто изменить свою жизнь и начать все сначала, которая, однако, сочетается со здравомыслием человека, немало повидавшего на своем веку и привыкшего полагаться только на себя, в крайнем случае на проверенных соратников. В этом сочетании безудержной романтики и прагматизма есть нечто особенно привлекательное, вызывающее к естественной потребности идти своим путем невзирая на обстоятельства. Об этом неплохо бы задуматься строителям отечественной национальной идеи, которые уже лет двадцать ищут ее, но никак не могут найти.

Главный герой не собирается быть ни на чьей стороне, кроме своей, и имеет на это полное право. Но ему так или иначе приходится совершать поступки, которые одних восстанавливают против него, а других привлекают к нему. Пройти по этому лезвию бритвы — вот главная задача, которую ему приходится решать от начала до конца повествования, а увлекательные приключения, поддерживающие постоянное напряжение сюжета, если не считать счастливых передышек, составляют живописный фон. Приключений действительно хватает.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСХОД	7
НОВАЯ ЖИЗНЬ	357
ЗА ДРУГИ СВОЯ	739
<i>Кирилл Савельев. Дивный новый мир. О трилогии Андрея Круза, Марии Круз «Земля лишних».</i>	1050